

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2025 Vol. 8 № 3 (29)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

"Caucasian Science Bridge" journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attribution – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 13.09.2025. Подписано в печать 23.09.2025. Выход в свет 02.10.2025.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 550 экз. Заказ № 10137

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ.....	7
Гугуева Д. А., Мосиенко О.С. Значение и ценность Великой Отечественной войны для современной российской молодежи	8
Богданова И.Н., Артамонова Я.В. Великая Отечественная война в семейно-родовой памяти современной российской молодежи	22
Магранов А. С. Основные источники информации о политической ситуации в мире у представителей современной молодежи.....	35
СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ.....	48
Денисова Г.С., Беспалова А.А. Валидность количественных показателей как управленческого инструмента в высшей школе	49
Богомазова К.М. Эволюция аспирантской подготовки научно-педагогических кадров в оценках российских социологов.....	57
РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ.....	67
Пилипенко А. Э., Владимиров М. Ю., Пантелеев В.Г. Социологический портрет организатора добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области	68
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИИ	82
Кунижева Д. А., Марков Д. И. Стили финансовой подготовки россиян к старости: перспективы популяризации добровольного пенсионного страхования	83
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА	97
Осипов А.М., Скоробогатько А.В., Ковалев В.В. Цивилизационные приоритеты России	98
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	106

CONTENT

SOCIOLOGY OF YOUTH	7
Gugueva D. A., Mosienko O. S. Meaning and Value of the Great Patriotic War for Modern Russian Youth	8
Bogdanova I. N., Artamonova Ya. V. The Great Patriotic War in the Family and Genealogical Memory of Contemporary Russian Youth	22
Magranov A. S. The main sources of information about the political situation in the world among modern youth	35
SOCIOLOGY OF EDUCATION	48
Denisova G. S., Besspalova A.A. The validity of quantitative indicators as a management tool in higher education	49
Bogomazova K.M. Evolution of postgraduate training of scientific and pedagogical personnel in the assessments of Russian sociologists	57
REGIONAL SOCIOLOGY	67
Pilipenko A. E., Vladimirov M. Yu., Panteleev V.G. A sociological portrait of the organizer of volunteer (volunteer) activities in the Rostov region	68
ECONOMIC SOCIOLOGY, DEMOGRAPHY AND MIGRATION	82
Kunizheva D.A., Markov D.I. Styles of financial preparation of Russians for old age: Prospects for popularizing voluntary pension insurance	83
DISCUSSION TRIBUNE	97
Osipov A.M., Skorobogatko A.V., Kovalev V.V. Russia's Civilizational Priorities	98
INFORMATION FOR AUTHORS	106

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316.752

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.1>

EDN ZLDTNF

Значение и ценность Великой Отечественной войны для современной российской молодежи**Дарья А. Гугуева¹**

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: gudiv@yandex.ru

Ольга С. Мосиенко²

² Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: mosienko.olga@mail.ru

Аннотация

Введение. Для россиян Победа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) представляет собой ключевой элемент исторической памяти, играющий значимую роль как в коллективном сознании нации, так и в индивидуальных семейных нарративах. В год 80-летия Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войнах актуализируется вопрос о восприятии данного исторического события современной российской молодежью, а также о его ценностной и символической значимости в условиях трансформирующегося социокультурного пространства. Авторы исследования полагают, что наибольший интерес могут представлять данные, полученные посредством качественных методов, позволяющих зафиксировать глубинные индивидуальные суждения отдельных информантов, в отличие от обобщенных мнений респондентов, характерных для массовых количественных опросов. Научный коллектив Института социологии и регионоведения Южного федерального университета реализовал проект «Великая Отечественная война в социальных представлениях современной российской молодежи». Одной из его задач стало выявление степени актуальности Великой Отечественной войны и Победы как ценностных ориентиров для молодого поколения.

Методы. В ходе проекта ИСиР ЮФУ «Великая Отечественная война в социальных представлениях современной российской молодежи» были проведены 5 фокус-групп с учащейся молодежью (студенты ЮФУ и учащиеся Лицея ЮФУ) и 21 глубинное интервью с представителями работающей молодежи до 35 лет.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ полученных качественных данных позволил выявить следующие нарративы:

- Тема Великой Отечественной войны и Победы - важна, так как она связана с памятью о подвиге предков, защите страны и победе над фашизмом.
- Чувство благодарности и уважения к тем, кто сражался и погиб на войне, а также гордости за Победу.
- Признание героизма и самоотверженности предков, их жертвы и усилия стали основой для сохранения независимости и суверенитета страны.
- Недопустимость изменения (искажения/перевирания) исторических фактов, необходимость передавать правдивую информацию будущим поколениям.
- Противоположные (негативные и позитивные) и нейтральные нарративы гипотетического альтернативного исторического сценария в случае победы Германии в ВОВ.
- Представление себя в годы войны: мужчины (солдаты, добровольцы, партизаны, тыл); женщины (медсестры, санитарки, партизанки, тыл (уход за детьми, пожилыми,

производство, агитация)); общее для мужчин и женщин (страх от мысли, что они могли бы оказаться в СССР во время ВОВ, дистанцирование от угроз и рисков, неучастие в военных действиях).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Победа; молодежь; ценности; историческая память.

Для цитирования: Гугуева Д. А., Мосиенко О. С. (2025). Значение и ценность Великой Отечественной войны для современной российской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.1>

Meaning and Value of the Great Patriotic War for Modern Russian Youth

Daria A. Gugueva¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: gudiv@yandex.ru

Olga S. Mosienko²

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: mosienko.olga@mail.ru

Abstract

Introduction. For Russians, the Victory in the Great Patriotic War (1941–1945) is a key element of historical memory, playing a significant role both in the collective consciousness of the nation and in individual family narratives. In the year of the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and World War II, the issue of how this historical event is perceived by modern Russian youth, as well as its value and symbolic significance in the context of a transforming socio-cultural space, is becoming relevant. The authors of the study believe that the greatest interest may be in data obtained through qualitative methods that allow recording the deep individual judgments of individual informants, as opposed to the generalized opinions of respondents typical of mass quantitative surveys. The research team of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University implemented the project "The Great Patriotic War in the Social Concepts of Modern Russian Youth". One of its objectives was to identify the degree of relevance of the Great Patriotic War and Victory as value guidelines for the younger generation.

Methods. In the course of the project "The Great Patriotic War in the Social Concepts of Modern Russian Youth", 5 focus groups were conducted with students (SFedU students and students of the SFedU Lyceum) and 21 in-depth interviews with representatives of working youth under 35 years old.

Results and its discussion. The analysis of the obtained qualitative data allowed us to identify the following narratives:

- The theme of the Great Patriotic War and Victory is important, as it is associated with the memory of the feat of ancestors, the defense of the country and the victory over fascism.
- A feeling of gratitude and respect for those who fought and died in the war, as well as pride in the Victory.
- Recognition of the heroism and dedication of ancestors, their sacrifices and efforts became the basis for preserving the independence and sovereignty of the country.
- Inadmissibility of changing (distorting/misrepresenting) historical facts, the need to pass on truthful information to future generations.
- Opposite (negative and positive) and neutral narratives of a hypothetical alternative historical scenario in the event of Germany's victory in the Great Patriotic War.
- Introducing oneself during the war: men (soldiers, volunteers, partisans, home front); women (nurses, orderlies, partisans, home front (child care, elderly care, production, agitation)); common to men and women (fear of the thought that they could end up in the USSR during WWII, distancing themselves from threats and risks, non-participation in military operations).

Keywords: Great Patriotic War; Victory; youth; values; historical memory.

For citation: Gugueva D. A., Mosienko O. S. (2025). Meaning and Value of the Great Patriotic War for Modern Russian Youth. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.1>

Введение

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) и достигнутая в ней Победа представляют собой ключевые элементы исторической памяти и культурного наследия России. Данные события играют существенную роль в формировании национальной идентичности и патриотического сознания, выступая в качестве символа мужества и стойкости для последующих поколений.

Актуальность исследования роли и значения Великой Отечественной войны для современной российской молодежи обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти в условиях сокращения числа непосредственных участников и свидетелей событий. В связи с этим особую значимость приобретает передача воспоминаний и исторического опыта подрастающему поколению во избежание утраты коллективной памяти (Крупа, 2024, 65).

Великая Отечественная война является важной частью национальной истории и формирует коллективную память. Понимание этих событий помогает молодежи осознать, через что прошли их предки, укрепляет чувство национальной идентичности и принадлежности к стране (Студеникина, 2021, 45)

В условиях сложной, нестабильной геополитической обстановки в мире важно, чтобы молодежь понимала исторические корни современных конфликтов и могла критически оценивать информацию (Историческая память молодежи..., 2022, 66, Морозова, Леушкин, 2020, Железова, Трусов, 2022, 20). Изучение событий Великой Отечественной войны в школе и вузах способствует развитию критического мышления, аналитических навыков и понимания исторических процессов (Пронина, 2021).

Актуальность темы исследования

В современной научной литературе наблюдается повышенный интерес к исследованию значения и ценности Великой Отечественной войны в жизни современной российской молодежи и молодежи дружественных стран, имеющих общую историю с Россией (Бубнов, Савельева, 2021; Образы национального и общего прошлого..., 2023, 7). Данная тема сейчас приобретает особую актуальность в контексте исторической памяти, патриотического воспитания и формирования национальной идентичности в преддверии знаменательной даты - 80-летия Победы в Великой Отечественной войне. Исследователи активно изучают, как восприятие и осмысление событий Великой Отечественной войны влияет на мировоззрение, ценностные ориентации и социальные установки российского студенчества и учащейся молодежи (Историческая память о Великой Отечественной войне... 2021; Образ Великой Отечественной войны в представлениях учащихся..., 2016; Инкижинова, Муратова, 2016, Социальная травма и ценности поколений..., 2022; Юрасов, 2021; Устинкин, 2020; Турков 2020).

Исследования, подчеркивающие важность междисциплинарного подхода к изучению событий Великой Отечественной войны, охватывают широкий спектр вопросов, включая историческое образование, культурную память, медийное освещение и семейные традиции передачи знаний о войне. Особое внимание уделяется анализу того, как современная молодежь интерпретирует и осмысливает события войны, какие эмоции они вызывают, а также как это влияет на их гражданскую позицию (Быков, 2020; Лапочкина, 2015).

Отношение современной российской молодежи к событиям Великой Отечественной войны может различаться. Важно отметить, что восприятие ключевых исторических событий может меняться со временем, и каждое поколение формирует свое отношение к прошлому на основе текущих условий и личного опыта.

Методы

В год юбилейного празднования 80-ой годовщины Победы в Великой Отечественной войне, ИСиР ЮФУ инициировал реализацию проекта «Великая Отечественная война в социальных представлениях современной российской молодежи», одной из задач которого было выявить, является ли Великая Отечественная война и Победа в ней ценностью в жизни современной молодежи и какое значение эта тема имеет для молодежи сегодня. В данный тематический блок гайда интервью/фокус-группы вошли следующие вопросы:

1. Важна ли для вас тема ВОВ и Победы в ней? Объясните почему?
2. Что было бы с нашей страной, если бы в войне победила Германия?
3. Можете ли вы себя представить в годы ВОВ (1941-1945 гг.)? И в каком качестве?

В рамках проекта была проведена серия из 21 глубинного интервью с представителями работающей молодежи до 35 лет и 5 фокус-групп с учащейся молодежью (студенты ЮФУ и учащиеся Лицея ЮФУ).

Результаты исследования и их обсуждение

Проанализировав ответы информантов на вопросы гайда интервью/фокус-группы нами были получены следующие результаты.

На вопрос «Важна ли для вас тема ВОВ и Победы в ней? Объясните почему?», большинство информантов отметили важность темы Великой Отечественной войны для ныне живущих россиян, так как она связана с памятью о подвиге предков, защите страны и победе над фашизмом. Многие говорят о гордости за свою страну и уважении к тем, кто сражался. Отдельно отмечали необходимость передавать эту информацию детям и будущим поколениям:

Об этом нужно помнить, важно рассказывать своим детям. Но именно сам праздник, 9 мая, важно помнить не один день, а в целом об этом рассказывать детям. Не просто раз в году, а в целом эту память нести из года в год (девушка, 20 лет, студентка);

Я считаю своим долгом передавать эту память и историю своим детям, своим внукам, как это делали мои родственники, заниматься патриотическим образованием, как это происходило в моей семье, не забывать о тех людях, которые внесли вклад в историю, которая есть сейчас, за наш мир, который у нас есть (девушка, 18 лет, студентка).

Тема ценности Великой Отечественной войны и Победы в ней не отделимы друг от друга, информанты отмечали, что эта война затронула всех и каждый является потомком победителей:

Я считаю себя потомком тех людей, хотя бы на какую-либо крохотную каплю себя к этому причастным (мужчина, 25 лет);

Это очень важная победа для нас, даже для нашего поколения, потому что это все передается из поколения в поколение, то, что наши деды выиграли в войне, и теперь мы живем в мирное время, это, во-первых. А во-вторых, мы живем в сильной державе, которая, это было не так давно, в прошлом веке, пережила самое крупное сражение за всю историю, и вышла оттуда победителем. И сейчас наша держава, пусть уже не Советский Союз, а Российская Федерация, уважаема всем миром и является очень сильной страной. Это очень важная победа (мужчина, 22 года);

Память о том, на что способен русский человек, когда его припрут к стенке. Это напоминание и нам, чего нельзя забывать и от чего нельзя отходить. Это напоминание окружающим, что лучше не связываться (парень, 19 лет, студент).

Среди информантов преобладает чувство благодарности к тем, кто сражался и погиб в войне, а также гордости за Победу. Чувство гордости формируется на основе осознания значимости подвига народа, который смог противостоять агрессии и добиться

Победы в одной из самых масштабных и разрушительных войн в истории человечества.

Наша армия невероятный подвиг совершила, освободив нашу страну и наши союзные страны от налетчиков и захватчиков. У меня Победа вызывает самые теплые чувства, а самое важное, что нужно было сделать для нашей страны - это конечно ее защитить (женщина, 26 лет);

Важна для каждого человека, который живет в Российской Федерации, потому что, для того чтобы мы здесь жили, наши деды и прадеды проливали кровь, и мы должны помнить и гордиться этим (женщина, 35 лет);

Я определенно благодарен тем, кто, увы, волею судьбы это испытал, но превозмог это и не дал испытать это нам. Поэтому я благодарен всем тем, кто совершил этот подвиг (мужчина, 25 лет).

Для некоторых информантов ценность Победы в Великой Отечественной войне приравнивается к ценности жизни. Этот нарратив отражает глубокое осознание значимости исторического события, которое оказало неизгладимое влияние на судьбы миллионов людей и определило дальнейшее развитие страны.

Для меня есть четкое осознание того, что, если бы не Победа в Великой Отечественной войне, меня бы просто не было. То есть ценность на уровне жизни (девушка, ученица Лицея ЮФУ);

Эта Победа играет большую роль, в принципе, во всем мире. Мне кажется, что если бы не этот день, то мир был бы обречен (парень, 18 лет, студент).

Отдельно, некоторые информанты, выделяли данный исторический период, как предмет своего изучения, научного интереса. Это свидетельствует о том, что Великая Отечественная война и связанные с ней события воспринимаются ими не только как важная часть коллективной памяти, но и как объект исследования. Их научный интерес подчеркивает значимость данного периода для формирования исторического сознания и критического осмысления прошлого. Стоит отметить, что данный нарратив характерен не только для учащихся школы и студентов вуза, но и для более взрослой и уже работающей молодежи:

Ее легче и удобнее изучать, потому что прилагаются большие усилия к популяризаторской деятельности касательно Великой Отечественной. То есть из войн она очень большое культурное значение имеет. В понимании, что такое война и в целом (девушка, ученица Лицея ЮФУ);

Знания о Великой Отечественной войне - это для меня самые важные исторические знания (мужчина, 33 года);

В школе внимательно слушал, дедушка мне все что-то читал. Увлекаюсь военной техникой и тому подобным. Знание истории, то, что происходило в прошлом, мы знать все-таки обязаны (парень, 20 лет, студент);

Информанты указывали на недопустимость изменения (искажения/перевирания) исторических фактов и особо указывали, что память о Великой Отечественной войне следует сохранять и транслировать современным детям и подросткам:

То, что нынешнее поколение ничего не знает о тех временах, не понимает ценность всего этого. И с каждым годом это будет все хуже и хуже, и вся эта ценность потеряется (женщина, 22 года);

Нужно ... посещать ветеранов, приходить к ним в гости, слушать их истории. Потому что история из уст тех, кто это пережил, это самая настоящая истинная история, нежели те, кто в нашем возрасте говорят: Это Америка освободила нас от Германии (женщина, 22 года);

Нужно помнить именно то, что было в прошлом, а не то, как сейчас выставляется это в настоящем времени (девушка, 18 лет, студентка).

Информанты подчеркивают значимость сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны в качестве важного механизма предотвращения повторения подобных трагедий в будущем. Осмысление ключевых исторических уроков

выполняет функцию поддержания стабильности и минимизации рисков возникновения военных конфликтов. В данном аспекте память о ВОВ интерпретируется как социально-культурный инструмент, способствующий утверждению принципов неприятия насилия, уважения к человеческой жизни и развития международного сотрудничества на основе гуманистических идеалов:

Я считаю Великую Отечественную войну таким периодом, где мы можем увидеть и героизм человека, и при этом все возможные ужасы войны и все те возможные ужасы, которые человек может вообще придумать. Я этот праздник встречаю с гордостью и с болью на душе. Что, да, наш народ победил, но как такое вообще могло произойти? Как вообще человек до такого дошел? (девушка, 18 лет, студентка);

Тема Великой Отечественной Войны является важной, потому что это и память, и история моей страны. Эта история показывает ошибки, которые людям лучше не повторять, хотя современные ситуации, конечно ... ни что не показывают (парень, 20 лет, студент);

Я не хочу, чтобы такое когда-либо вдруг повторилось, не дай бог. Война — это не шутка, это все очень серьезно, и я бы не хотел даже испытать такое на своей шкуре (мужчина, 25 лет).

Отдельно следует выделить ответы информантов, которые существенно отличаются от преобладающих мнений, это менее распространенные аспекты восприятия исторических событий. Анализ таких качественных данных позволяет получить более полное и многогранное понимание исследуемых событий, выявить возможные противоречия и нюансы в коллективной памяти, например, нарратив, что празднование Дня Победы сегодня теряет свою глубину, становясь формальным мероприятием:

Важен для нашей страны. Ну, чтобы он был прям важен для меня лично. Наверное, нет (парень, 20 лет, студент);

Сейчас ценность, честно говоря уже переоценена. К сожалению, она переоценена, потому что используется ... в милитаризованном ключе ... если мы будем оперировать только Великой Отечественной войной, то какое у нас будет будущее? Максимум военное. Я считаю, что это не самое лучшее будущее, которое мы можем иметь (парень, 18 лет, студент);

Я считаю, что нужно помнить, нужно об этом рассказывать, передавать поколениям, но без какого-то фанатизма, особенно когда школьников прям заставляют, вынуждают. Все должно идти добровольно, просто, от сердца рассказывать о важности, а не заставлять (девушка, 19 лет, студентка).

Таким образом, мы видим, что большинство информантов осознают ценность Великой Отечественной войны как на личном уровне, так и в контексте общества в целом, выражают беспокойство о том, чтобы будущие поколения осознавали всю важность данного периода для нашей страны и для нашего народа, подчеркивая его важность для национальной идентичности и культурного наследия, настаивают на недопустимости искажения исторической правды (особенно в контексте современных событий на Украине) и призывают к сохранению исторической справедливости, что свидетельствует о их стремлении к объективному и уважительному отношению к прошлому.

На второй вопрос «Что было бы с нашей страной, если бы в войне победила Германия?» можно выделить несколько категорий мнений, высказанных информантами. Два из которых представляют собой абсолютно полярные точки зрения, отражающие диаметрально противоположные сценарии развития событий. Еще два можно охарактеризовать как скорее нейтральные, предлагающие более умеренные и сбалансированные прогнозы относительно возможных последствий гипотетической победы Германии.

Большая часть информантов считает, что в случае победы Германии в Великой Отечественной войне, наша страна прекратила бы свое существование, население,

практически полностью, было бы подвергнуто физическому уничтожению, а оставшиеся в живых оказались бы в положении рабов, прислуги у победивших немцев, многие информанты в подтверждение своих слов ссылались на геноцид евреев по национальному признаку, что служит иллюстрацией возможных масштабов репрессий:

Я считаю, что нашей страны с богатыми участками, земельными ресурсами просто не было бы... (мужчина, 25 лет);

...И так было немало геноцидов во время Второй мировой войны, но тогда вымерли бы просто некоторые расы, которые не устраивали Германию. Уничтожен был бы огромный генофонд населения Земли. Были бы одни немцы только. Те, кто не идеальны, их бы просто не было. Сразу бы уничтожались. Я считаю, что это был бы наихудший сценарий развития жизни на планете Земля (мужчина, 25 лет);

Большая часть советского народа была бы уничтожена, а оставшаяся часть была бы отдана...на различные работы, но по большому счету в рабство ... для обслуживания немецких армий, немецких семей (мужчина, 33 года);

С большой вероятностью остались бы только те, кто предал страну, такие, например, как бандеровцы, самый яркий пример. Потому что Гитлеру ... нужны рабочие руки, поэтому фактически страна бы превратилась в ресурсный придаток, с населением, которое загнано в резервации и шахты... (парень, 18 лет, студент).

Тем не менее, некоторые информанты, подчеркивая стойкость, несгибаемость, боевой дух как характерные черты национального характера, высказали предположение, что даже в случае гипотетической победы Германии, советский народ не сдался бы, а продолжал оказывать сопротивление:

Народ продолжал бы как-то сопротивляться, менталитет русского народа, его не изменить. ... Германия пыталась бы подавлять, но рано или поздно поднимется восстание, что-то тому подобное (парень, 18 лет, студент);

В один момент революция просто произошла бы со свержением власти, потому что не может страна, Германия, контролировать такое большое количество территорий (парень, ученик Лицея ЮФУ).

Информанты высказывали идею о том, что в случае победы Германии, она не ограничилась бы только захватом СССР, но и подчинила, поработила бы себе все остальные страны, став таким образом страной-гегемоном. Это привело бы к изменению мирового порядка, установлению тоталитарного режима и, возможно, к дальнейшим конфликтам:

Германия просто бы захватила власть во всем мире (мужчина, 25 лет);

А фашистская Германия, благодаря территориям и богатству земель советских, возможно стала бы гегемоном в мире, и мы бы не узнали этот мир, он бы превратился в нечто другое (мужчина, 33 года);

Если бы получилось захватить Советский Союз, то и получилось бы захватить весь мир. Это был бы жестокий, режимный, несправедливый мир (мужчина, 22 года);

Также, некоторые информанты высказывали и противоположное мнение, что жизнь в нашей стране при победе Германии была бы возможна. Да, страна перестала бы существовать в привычном виде, а население было бы вынуждено ассимилироваться или подчиняться немецкой культуре и идеологии. Эти информанты проявляют осторожность в своих оценках, избегая однозначно негативных или позитивных суждений. Их умеренные мнения характеризуются нейтральностью и стремлением к объективному анализу возможных сценариев развития событий:

Первое время, конечно, это было бы тяжело ... угнетение людей, которые остались бы на завоеванной территории. Это попытка прижиться к правилам страны, которая захватила. Кто-то бы не захотел подчиняться этим правилам. Со временем, скорее всего, стало бы легче. Кто-нибудь смирился бы, кто-то бы постарался уехать и уехал. То есть, сначала было бы плохо, потом все свыклись бы и жили бы по новым правилам. Скорее всего, выучили бы язык, работали бы на этих же людей, законы соблюдали и все остальное

(женщина, 22 года);

Я думаю восстанавливали бы все, были бы так же заводы, как у нас. Мне кажется, с точки зрения восстановления городов и страны, все было бы так же. Вряд ли бы так хотели захватить территорию и просто оставить ее в какой-либо разрухе (девушка, 20 лет студентка);

Жизнь на нашей территории при победе Германии рассматривается некоторыми информантами не только как возможная, но и как имеющая потенциал для позитивной оценки. Могли бы сложиться условия, способствующие определенным аспектам развития и улучшению качества жизни. Такие мнения подчеркивают возможность адаптации и нахождения положительных моментов даже в сложных исторических обстоятельствах, что отражает разнообразие взглядов и подходов к интерпретации гипотетических сценариев:

Безусловно, поначалу было бы очень много смертей, был бы хаос, но к сегодняшнему моменту, если посмотреть с глобальной точки зрения, то мы или люди, которые жили бы тут вместо нас, жили бы и процветали, что к сегодняшнему моменту все было бы хорошо, не было бы разрухи и был бы такой же город просто в Германии (женщина, 20 лет, студентка);

Сейчас, скорее всего, им [Примечание: жителям современной Германии] намного лучше, что те же люди из других стран приезжают и работают там. То есть те, кто туда приезжает, им нравятся условия. Возможно, в будущем у нас бы были такие же условия, как непосредственно у них. Все бы свыклись, приняли бы это (женщина, 22 года).

Также, следует отметить, что были информанты, и мужчины, и женщина, которые категорически отвергали саму возможность победы Германии над СССР в Великой Отечественной войне, демонстрируя непреодолимый страх перед альтернативным историческим сценарием:

Я просто не хочу такого представлять (женщина, 25 лет);

Я не хочу предполагать, что было бы. Мне хочется жить с мыслью, что сейчас есть как есть, что тогда это завершилось Победой, что сейчас мы живем в достаточно мирное время. Поэтому меня мысли о том, что победы могло не быть, приводят в ужас и шок (парень, 18 лет, студент).

Таким образом, мы можем выделить следующие нарративы, представленные информантами, относительно гипотетического сценария победы Германии: а) ни СССР, ни русского народа (славян) бы не осталось, страна стала бы сырьевым придатком, уцелевшие люди – обслуживающим персоналом этих территорий, геноцид и порабощение, разделение страны и эксплуатация ресурсов; б) после победы над СССР, Германия завоевала бы и остальные страны и стала страной-гегемоном; в) советский народ не сдался бы, а продолжал оказывать сопротивление; г) жизнь была бы возможна, часть территории была бы восстановлена немцами, население вынуждено ассимилироваться или подчиняться немецкой культуре и идеологии; д) победа Германии означала бы благо для нашей страны, развитие и улучшение качества жизни; е) отвержение самой возможности победы Германии над СССР, непреодолимый страх перед альтернативным историческим сценарием.

В ответах на вопрос «Можете ли вы себя представить в 1941-1945-х годах, в каком качестве?» также можно выделить несколько нарративов:

- информанты, которые бы встали на защиту нашей Родины, видят себя на фронте и в тылу в соответствии с принятым гендерным распределением ролей, так мужчины видят себя чаще на фронте в роли рядовых солдат и добровольцев, а также - партизан:

Скорее всего, был бы обычным солдатом, который участвовал бы в битве под Москвой. Дошел бы до Берлина, получил бы несколько ранений, медалей. Вернулся бы обратно в свою деревню, откуда призвался в 17 лет по поддельным документам. И поднимал бы страну после катастрофы, которая случилась (мужчина, 25 лет);

Я уверен, я был бы среди этих добровольцев, потому что я бы хотел, чтобы эта

война остановилась еще в ее начале, победить фашистскую машину еще на самом заезде в Советский Союз, чтобы она не дошла до моей земли, до моей Родины (мужчина, 22 года);

Я бы сидел в засадах. Я бы, как... партизанский отряд (мужчина, 34 года);

Навряд ли бы героизмовал бы, ... пошел бы на фронт, воевал, как и все на то время солдаты. Поэтому ничего выдающегося бы, наверное, не сделал (парень, 18 лет, студент).

Девушки и женщины, как правило, представляют себя в ролях, связанных с медицинской помощью, таких как медсестра или санитарка, а также в роли партизанок:

Я была бы какой-нибудь полевой медсестрой. Считаю, что я бы не смогла просто сидеть дома и прятаться. Я бы хотела помогать людям в это время (женщина, 21 год);

Я бы определенно пошла на фронт, я бы, наверное, работала медсестрой, я бы точно не хотела сидеть сложа руки, я бы хотела помогать своей Родине... абсолютно любыми путями. Даже если бы пришлось отдать свою жизнь, я определенно точно уверена (женщина, 24 года).

Однако, встречаются и исключения:

Скорее бы всего я бы пошла на фронт. Условно, я работаю синоптиком это близко к работе связиста, то есть скорее всего я была бы связистом на фронте (женщина, 25 лет);

Я была бы не против ходить на какие-то задачи. Боли я не боюсь. Я вижу себя больше каким-то военным, рядовым, нежели в тылу работать. Например, той же самой медсестрой мне бы было тяжело просто из-за того, что на твоих глазах вот эта вся боль и страдания, на это намного тяжелее смотреть (девушка, 18 лет, студентка).

Хотя большинство информанток идентифицируют себя с фронтовыми или медицинскими ролями, отдельные участницы исследования описывают свою воображаемую историческую роль в рамках тыловой деятельности. Речь в основном идет об уходе за детьми, пожилыми, работе на производстве, агитационной деятельности, что отражает гендерное разделение труда военного времени и личный семейный опыт.

Скорее всего охраняла бы очаг нашей семьи и собирала бы наших мужчин на поле действий, а сама, старалась не дать пропасть оставшейся части наших семей: бабушкам, мамам, детям... (женщина, 26 лет);

Я бы могла рисовать агитационные плакаты, потому что, во-первых, я умею рисовать, во-вторых, все-таки как-то поддерживать моральный дух и идеологию во время войны очень важно (девушка, 21 год, студентка);

Примечательно, что мужчины-информанты, описывающие свою деятельность в тылу, нередко апеллируют к медицинским ограничениям по состоянию здоровья или болезням. Подобные объяснения, вероятно, отражают давление гендерных стереотипов, связывающих маскулинность с фронтовым опытом:

Я бы попытался помочь фронту, с учетом моей близорукости и не очень хорошего зрения, и всего остального, скорее всего это было бы что-то менее масштабное, чем героические подвиги на фронте. Более вероятно, что я был бы хорошим героическим работником тыла или штаба (мужчина, 28 лет).

Некоторые информанты говорили о том, что они испытывают страх, думая о том, что они могли бы очутиться в СССР во время Великой Отечественной войны:

Мне тяжело очень представить себя в те года, так как я не могу представить даже насколько было тогда страшно, трудно и невозможно (женщина, 26 лет);

Мне даже страшно представлять то время, какой стресс испытывали люди, когда во время войны, когда везде война, смерти. Я бы даже, наверное, не мог себя представить на их месте, потому что это очень страшно (мужчина, 20 лет).

В ходе исследования зафиксирован кейс информанта, который в рамках интервью моделировал ситуацию, что он попадет в 1941 год, обладая при этом знаниями из 2025 года. Полагаем, подобный нарратив отражает влияние популярных фантастических жанров в литературе и киноиндустрии, известных как «попаданчество» или «попаданство» и хроноопера. «Попаданчество» / «попаданство – это внезапное

перемещение персонажа («попаданца») в прошлое, будущее, на другую планету, в параллельную реальность, видеоигру и т.д. А хроноопера – это целенаправленное вмешательство человека в события прошлого с целью изменения настоящего. Это нарратив может быть интерпретирован как попытка осмысления исторических событий через призму современности, пересмотра исторических травм, преодоления исторической дистанции через игровые модели, а также трансформация памяти под воздействием массовой культуры:

Мне бы хотелось в тот период оказаться в 1941-м году в командовании и желательно ... Сталина, чтобы предостеречь те приказы, которые он давал в начале войны, чтобы Советский Союз не получил те потери, которые были в самом начале (парень, 18 лет, студент).

Вместе с тем, в ходе анализа были выявлены нарративы, демонстрирующие существенные отличия от основного дискурса:

Пытаюсь, преодолевая свой страх, помогаю своим товарищам, и мы все вместе, плечом к плечу, жертвуя собой, стараемся победить врага. Этого змея (мужчина, 33 года) – здесь мы также видим страх, но информант осознает, что этот страх он вынужден преодолеть;

Была бы возможность, те же ресурсы, деньги, и я бы смылась совершенно на другой конец Советского Союза (женщина, 22 года) - выражение нарратива дистанцирования от угрозы и рисков («смыться»), стратегия выживания через перемещение (в отличие от сопротивления/адаптации);

Я довольно негативно отношусь к советской идеологии, к Советскому Союзу в целом. И поэтому я бы выбрал именно его [Примечание – информант имеет в виду А.И. Деникина] позицию нейтралитета (парень, 18 лет, студент) – выбор стратегии нейтралитета, использование исторических аналогий для обоснования личного выбора.

Ответы этих информантов объединяет нарратив сознательного дистанцирования, неучастия в военных действиях;

Я хотела бы быть просто женой какого-нибудь офицера. Ждать его (девушка, 18 лет, студентка) – пассивная гендерная модель, акцент на ожидании («ждать его») вместо активного участия, представление о невовлеченности офицерских жен в трудовую/медицинскую деятельность, романтизированный образ «офицерской жены».

По данному вопросу, можно сделать следующие наблюдения, во-первых, многие видят себя партизанами или добровольцами, а не солдатами регулярной армии, наблюдается выраженное предпочтение нерегулярных военных формирований (партизанских отрядов) перед регулярной армией; во-вторых, никто не видел себя героем, выдающимся человеком, военачальником, что говорит об отсутствии героических самоидентификаций в современном историческом сознании молодежи. Этот необычный феномен, на наш взгляд, требует дополнительного исследования; в-третьих, происходит трансформация коллективной памяти, где акцент смещается с подвига и героизма на эмоциональные переживания, огромный страх перед неизвестностью, страданиями и лишениями.

Еще в качестве выводов по выявлению значения и ценности Великой Отечественной войны в жизни современной молодежи, хочется отметить, что женщины чаще подчеркивают личную связь с темой через семейные истории и патриотическое воспитание, тогда как мужчины больше акцентируют внимание на исторической и практической значимости войны. Женщины чаще фокусируются на ужасах, боли и страданиях, которые могли бы произойти в случае альтернативного исторического сценария, тогда как мужчины чаще допускают возможность восстания и сомнения в тотальном порабощении.

Работающая молодежь больше фокусируется на личном отношении к войне, семейных историях и важности памяти. Они чаще говорят о том, что война повлияла на их жизнь и мировоззрение. Информанты из числа работающей молодежи чаще

подчеркивают, что тема Великой Отечественной войны важна для понимания современных событий.

Подводя общий итог, мы бы хотели представить еще одно высказывание информанта, на наш взгляд именно в нем заключается ценность всего проведенного исследования:

Хотел бы просто сказать, что эти опросы важны... Вопрос, который вы задали в начале: «Что бы вы рассказали человеку, который ничего не знает о Великой Отечественной войне?», очень надеюсь, что таких людей нет! И мы, обычные люди, не обязательно историки, а мы... Наша роль быть носителями знаний. Мы должны гордиться и помнить, и делать все, чтобы ни в коем случае этого не повторилось (мужчина, 33 года).

Выводы

Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. является центральным элементом исторической памяти российского социума, выполняющим консолидирующую функцию как на уровне национального самосознания, так и в рамках семейной идентичности. В контексте 80-летия Победы особую научную значимость приобретает анализ восприятия данного исторического события современной российской молодежью.

Анализ полученных данных в ходе проекта «Великая Отечественная война в социальных представлениях современной российской молодежи», реализованного научным коллективом ИСиР ЮФУ, позволил структурировать следующие устойчивые паттерны:

1. Ценностно-нормативный нарратив - признание высокой значимости темы Великой Отечественной войны и Победы, обоснованное необходимостью сохранения памяти о подвиге предков, факте защиты Отечества и Победе над нацизмом.

2. Эмоционально-оценочный нарратив - доминирование чувств благодарности и уважения к участникам войны, а также гордости за Победу.

3. Нарратив исторической легитимации - осознание героизма и самоотверженности предшествующих поколений как фундаментального основания для сохранения государственного суверенитета и независимости страны.

4. Нарратив исторической правды - установка на недопустимость фальсификации исторических фактов и необходимость трансляции достоверной информации последующим поколениям.

5. Контрфактический нарратив - наличие полярных (негативных и позитивных) и нейтральных оценок гипотетического альтернативного исторического сценария в случае победы нацистской Германии.

6. Нарратив личной идентификации - фиксация чувства страха при репрезентации себя в условиях военного времени, психологическое дистанцирование от связанных с войной угроз и рисков, а также установка на неучастие в боевых действиях. Реконструкция собственной возможной роли в условиях войны имеет гендерную спецификацию: мужская (идентификация с ролью солдата, добровольца, партизана, труженика тыла) и женская (идентификация с ролью медицинской сестры, санитарки, партизанки, труженицы тыла).

Литература

Бубнов, А.Ю., Савельева, М.А. Память о Великой Отечественной войне: сравнительный анализ взглядов российской и белорусской молодежи / А.Ю. Бубнов, М.А. Савельева // Наука. Общество. Оборона. – 2021. – №2 (27). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-2-13-13>

Быков, А.К. Формирование патриотического сознания молодежи на истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов / А.К. Быков // Образовательные ресурсы и технологии. – 2020. – №1 (30). – С. 24–28.

Железова, Л.Ю., Трусов, Н.А. Фальсификация исторических событий, как способ негативного

воздействия на современное поколение / Л.Ю. Железова, Н.А. Трусов // *Инновационная наука*. – 2022. – №1-2. – С. 18-20.

Инкижинова, С.А., Муратова, А.В. Социальная память: российское студенчество и Великая Отечественная война / С.А. Инкижинова, А.В. Муратова // *Известия БГУ*. – 2016. – №1. – С. 123–128.
Историческая память молодежи: как работают образы прошлого в условиях противостояния политических элит / О.В. Ярмак, М.Г. Большакова, З.С. Савина, А.Г. Маранчак // *Вопросы элитологии*. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 64-73. <https://doi.org/10.46539/elit.v3i2.105>.

Историческая память о Великой Отечественной войне в процессе социализации студентов Ростовской области (по материалам социологических исследований 2012-2020 гг.): монография в 2 томах / В.И. Филоненко, А.Н. Малинкин, Я.А. Асланов [и др.]; Южный федеральный университет; Институт философии и социально-политических наук; Центр социально-политических исследований. Том I. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. – 316 с.

Крупа, Т.А. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи / Т.А. Крупа // *Контентус*. – 2020. – №5. – С. 9–19. <https://doi.org/10.24411/2658-6932-2020-00057>

Лапочкина, В.В. Роль и значение Победы в Великой Отечественной войне для современной молодежи / В.В. Лапочкина // *Российские регионы: взгляд в будущее*. – 2015. – №2 (3). – С. 162-172.

Морозова, Н.М., Леушкин, Д.А. Влияние манипулятивных технологий на историческое сознаний молодежи (на примере Нижегородской области) / Н.М. Морозова, Д.А. Леушкин // *Столыпинский вестник*. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 27. <https://doi.org/10.24411/2713-1424-2020-10011>.

Образ Великой Отечественной войны в представлениях учащихся Южного федерального университета (по результатам социологических исследований) / В.И. Филоненко, О.С. Мосиенко, Е.П. Агапов [и др.]. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – 290 с.

Образы национального и общего прошлого в представлениях белорусов и россиян / П.С. Крючек, В.Н. Ракачев, Д.Н. Ракачев, В.Н. Сергеев // *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*. – 2023. – № 1(269). – С. 5 – 10. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-1>.

Пронина, Е.И. Роль школы и других социальных институтов в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне / Е.И. Пронина // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2021. – №12 (92). – С. 134 – 139.

Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи / С.Д. Лебедев, И.С. Шаповалова, Н.А. Рощупкина, А.А. Шкапенко // *Научный результат. Социология и управление*. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 3 – 18. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1>.

Студеникина, Е.С. Государственная политика памяти как ресурс развития и укрепления гражданской идентичности современной молодежи / Е.С. Студеникина, М.В. Донцова // *Южно-российский журнал социальных наук*. – 2021. – №3. – С. 43 – 60. <https://doi.org/10.31429/26190567-22-3-43-60>.

Турков, Е.А. Восприятие Великой Отечественной войны российскими старшеклассниками: анализ символов и образов / Е.А. Турков // *Власть*. – 2020. – №5. – С. 106 – 109. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7581>.

Устинкин, С.В. Память учащейся молодежи о Великой Отечественной войне: общее и особенное / С.В. Устинкин, Н.М. Морозова, П.И. Куконков // *Россия реформирующаяся*. – 2020. – № 18. – С. 299-330. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.13>.

Юрасов, И.А. Особенности исторической памяти студентов российских мегаполисов / И.А. Юрасов, М.А. Танина, В.А. Юдина // *Вестник университета*. – 2021. – № 10. – С. 170-177. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-10-170-177>.

References

Bubnov A.Yu., Savelyeva M.A. Memory of the Great Patriotic War: a comparative analysis of the views of Russian and Belarusian youth. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. 2021; 2 (27). <https://doi.org/10.24412 / 2311-1763-2021-2-13-13> (In Russ.)

Bykov A.K. Formation of patriotic consciousness of youth on the history of the Great Patriotic War of 1941-1945. *Obrazovatel'nyye resursy i tekhnologii = Educational resources and technologies*. 2020; 1 (30): 24-28. (In Russ.)

Zhelezova L.Yu., Trusov N.A. Falsification of historical events as a way of negatively influencing the modern

- generation. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*. 2022; 1-2: 18-20. (In Russ.)
- Inkizhinova S.A., Muratova A.V.* Social Memory: Russian Students and the Great Patriotic War. *Izvestiya BGU = Bulletin of BSU*. 2016; 1: 123-128. (In Russ.)
- Historical Memory of Youth: How Images of the Past Work in the Context of Confrontation of Political Elites / O.V. Yarmak, M.G. Bolshakova, Z.S. Savina, A.G. Maranchak. *Voprosy elitologii = Issues of Elitology*. 2022; 3 (2): 64-73. <https://doi.org/10.46539/elit.v3i2.105>. (In Russ.)
- Historical Memory of the Great Patriotic War in the Process of Socialization of Students in the Rostov Region (Based on the Materials of Sociological Research in 2012-2020): A Monograph in 2 Volumes / V.I. Filonenko, A.N. Malinkin, Ya.A. Aslanov [et al.]; Southern Federal University; Institute of Philosophy and Social and Political Sciences; Center for Social and Political Research. Volume I. *Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhnyy federal'nyy universitet = Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University*, 2021; 316 p. (In Russ.)
- Krupa T.A.* The Great Patriotic War in the Historical Memory of Young People. *Kontentus = Contentus*. 2020; 5: 9-19. <https://doi.org/10.24411/2658-6932-2020-00057>. (In Russ.)
- Lapochkina V.V.* The Role and Significance of Victory in the Great Patriotic War for Modern Youth. *Rossiyskiye regiony: vzglyad v budushcheye = Russian Regions: A Look into the Future*. 2015; 2 (3): 162-172. (In Russ.)
- Morozova N.M., Leushkin D.A.* The Influence of Manipulative Technologies on the Historical Consciousness of Young People (using the Nizhny Novgorod Region as an Example). *Stolypinskiy vestnik = Stolypin Bulletin*. 2020; 2 (3): 27. <https://doi.org/10.24411/2713-1424-2020-10011>. (In Russ.)
- The Image of the Great Patriotic War in the Perceptions of Students of the Southern Federal University (Based on the Results of Sociological Research) / V.I. Filonenko, O.S. Mosienko, E.P. Agapov [et al.]. *Rostov-na-Donu: Yuzhnyy federal'nyy universitet = Rostov-on-Don: Southern Federal University*, 2016; 290. (In Russ.)
- Images of the National and Common Past in the Perceptions of Belarusians and Russians / P.S. Kryuchek, V.N. Rakachev, D.N. Rakachev, V.N. Sergeev. *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya = Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy*. 2023; 1(269): 5-10. <https://doi.org/10.52065/2520-6885-2023-269-1-1>. (In Russ.)
- Pronina E.I.* The role of school and other social institutions in preserving the historical memory of the Great Patriotic War. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2021; 12 (92): 134-139. (In Russ.)
- Social trauma and values of generations: The Great Patriotic War in the historical memory of student youth / S.D. Lebedev, I.S. Shapovalova, N.A. Roshchupkina, A.A. Shkapenko. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye = Scientific result. Sociology and management*. 2020; 6 (2): 3-18. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1>. (In Russ.)
- Studenikina E.S.* State policy of memory as a resource for the development and strengthening of the civic identity of modern youth. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021; 3: 43-60. <https://doi.org/10.31429/26190567-22-3-43-60>. (In Russ.)
- Turkov E.A.* Perception of the Great Patriotic War by Russian high school students: analysis of symbols and images. *Vlast' = Power*. 2020; 5: 106-109. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7581>. (In Russ.)
- Ustinkin S.V.* Memory of student youth about the Great Patriotic War: general and specific / S.V. Ustinkin, N.M. Morozova, P.I. Kukonkov. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia under reform*. 2020; 18: 299-330. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.13>. (In Russ.)
- Yurasov I.A.* Features of the historical memory of students in Russian megacities / I.A. Yurasov, M.A. Tanina, V.A. Yudina. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2021; 10: 170-177. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-10-170-177>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 30.07.2025

Дата окончания рецензирования: 05.09.2025

Дата принятия к публикации: 07.09.2025

Информация об авторах

Гугуева Дарья Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: gudiv@yandex.ru

Мосиенко Ольга Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: mosienko.olga@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Gugueva Darya Aleksandrovna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of Sectoral and Applied Sociology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: gudiv@yandex.ru

Mosienko Olga Sergeevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: mosienko.olga@mail.ru

The authors declare no conflict of interests

Научная статья

УДК 316.752

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.2>

EDN NQTYFL

Великая Отечественная война в семейно-родовой памяти современной российской молодежи**Ирина Н. Богданова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: irina-bogdanova64@mail.ru**Яна В. Артамонова²**²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru**Аннотация**

Введение. Авторы работы указывают на то, что вопросы, связанные с формированием социальной памяти и исторического сознания молодежи вызывают большой интерес среди научного сообщества. Сегодня интерес исследователей направлен на рассмотрение различных сюжетов памяти, где основным срез научных работ направлен на анализ памяти о «травмах». В рамках данной работы на материалах, полученных в ходе проведения фокус-групп и глубинных интервью с представителями молодежи, рассматривается изучение способов сохранения семейной памяти о войне и механизмов передачи традиций наследственной преемственности.

Методы. В марте-апреле 2025 года коллективом Института социологии и регионоведения Южного федерального университета было проведено исследование, направленное на оценку степени осведомленности молодых россиян о событиях Великой Отечественной войны и определение значимости этой исторической эпохи в их мировоззрении и жизненных ориентирах. Методами исследования выступили: 5 фокус-групп с учащейся молодежью и 21 глубинное интервью с представителями работающей молодежи.

Результаты и их обсуждение. В качестве теоретической основы проведенного исследования были выделены три основных составляющих семейной исторической памяти: духовная, материальная и деятельностная, позволившие выявить знания молодого поколения о событиях ВОВ и участии членов семьи в этих исторических событиях, понять отношение молодежи к материальным носителям (семейным ценностям эпохи ВОВ), а также проанализировать личностную активность молодежи по поддержанию памяти о ВОВ. В результате проведенного исследования выявлено значение внутрисемейной коммуникации как основной составляющей межпоколенной исторической памяти, а также наличие, в целом, семейно-родовой исторической памяти, продемонстрированной молодежью. Вместе с тем выявлены и такие ее характеристики, как фрагментарный характер духовной составляющей, утрата интереса молодежи к семейным военным ценностям (к материальной составляющей), все более несистемный, ситуативный характер реальных поведенческих практик по поддержанию памяти о ВОВ(деятельностной составляющей).

Ключевые слова: молодежь; российская молодежь; социальная память; историческая память; семейно-родовая память; историческое сознание; Великая Отечественная война.

Для цитирования: Богданова И.Н., Артамонова Я. В. (2025). Великая Отечественная война в семейно-родовой памяти современной российской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 22-34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.2>

The Great Patriotic War in the Family and Genealogical Memory of Contemporary Russian Youth

Irina N. Bogdanova¹

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Yana V. Artamonova²

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The authors point out that issues related to the formation of social memory and historical consciousness of young people are of great interest among the scientific community. Today, researchers are interested in considering various subjects of memory, where the main section of scientific papers is aimed at analyzing the memory of «trauma». Within the framework of this work, based on materials obtained during focus groups and interviews with youth representatives, the study of ways to preserve family memory of the war and the mechanisms of transmission of traditions of hereditary succession is considered.

Methods. In March-April 2025, the staff of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University conducted a study aimed at assessing the degree of awareness of young Russians about the events of the Great Patriotic War and determining the significance of this historical epoch in their worldview and life orientations. The research methods were: 5 focus groups with students. 21 in-depth interviews with representatives of working youth.

Results and its discussion. As a theoretical component of the conducted research, three main components of family historical memory were identified: spiritual, material and activity, which made it possible to identify the knowledge of the younger generation about the events of the Second World War and the participation of family members in these historical events, to understand the attitude of young people to material carriers (family values of the era of the Second World War), as well as to analyze the personal activity of young people in maintaining memory about the Second World War. As a result of the conducted research, the importance of intra-family communication as the main component of intergenerational historical memory, as well as the presence, in general, of family and ancestral historical memory demonstrated by young people, has been revealed. At the same time, its characteristics have also been revealed, such as the fragmented nature of the spiritual component, the loss of youth's interest in family military values (the material component), and the increasingly unsystematic, situational nature of real behavioral practices to maintain memory of the Great Patriotic War (the activity component).

Keywords: youth; Russian youth; social memory; historical memory; family and ancestral memory; historical consciousness; Great Patriotic War.

For citation: Bogdanova I. N., Artamonova Ya. V. (2025). The Great Patriotic War in the Family and Genealogical Memory of Contemporary Russian Youth. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 22-34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.2>

Введение

Проблемы молодежи остаются весьма актуальными и социально-значимыми для современных исследователей, занимающихся рассмотрением социогуманитарных проблем. Нельзя не отметить тот факт, что сегодня социальная реальность меняется очень быстро, что в свою очередь влияет на трансформацию взглядов и представлений молодых людей на объекты изменяющейся реальности, что находит большой отклик в исследованиях современных ученых. Вопросы, связанные с формированием социальной памяти и исторического сознания молодежи, вызывают большой интерес среди научного сообщества (Савельева, Полетаев, 2005; Кабытов и др., 2020; Шестаков, 2020). Среди таких

работ можно найти как мифотворческие опусы, так и научно-теоретические трактаты профессиональных историков, политологов, журналистов. Исследовательский интерес авторов таких работ направлен на рассмотрение различных сюжетов памяти, где основной срез научных исследований направлен на анализ памяти о «травмах» (переселение, раскулачивание, годы войны) (Логунова и др., 2022).

Как подчеркивают исследователи из Кемеровского государственного университета: «Идти вглубь памяти – значит преодолевать препятствия «модернизированных репрезентаций», реконструкций, реминисценций, ошибок памяти. ... Содержание коллективной памяти распадается на «темы» – смысловые конструкты, которыми акторы оперируют, решая задачи повседневной жизни» (Логунова и др., 2022, 162).

Парадигма «травмы» очень актуальна в рамках изучения социальной памяти (Штомпка, 2001). Исследование травм XX века, например, такой, как Великая Отечественная война, позволяет глубже понять, как эти события влияют на современное общество и индивидуальное сознание. Поскольку данное событие затронуло большую часть российских семей, то в данном контексте важно рассмотреть такую часть памяти, как семейно-родовая.

Семейно-родовая память играет ключевую роль в передаче социокультурного опыта и формировании идентичности (Логунова, 2011). Она не только сохраняет воспоминания о прошлом, но и помогает новым поколениям осознать свои корни и место в истории. Это может быть особенно важно для молодежи, которая ищет свое место в мире и стремится понять, как исторические события повлияли на их семью и общество в целом.

Направления изучения семейно-родовой памяти

Интерес исследователей в последние годы направлен на изучение социальной памяти как исторического феномена, который направлен на сохранение и воспроизводство идентичности социальных групп, общностей, наций (Логунова, 2011, 2; Живой, 2017).

Среди современных работ по обозначенному полю исследования можно отметить труды, фиксирующие подходы к исследованию социальной памяти (Логунова, 2019; Храпов, Ковылин, 2024). Поскольку сегодня происходит информатизация общества, исследователи работают над вопросом факторов и тенденций технологизации социальной памяти (Храпов, 2020). Е.Ю. Макулина в своих работах акцентирует внимание на рассмотрении «факторов цифровых трансформаций общественного воспроизводства, которые фундируют сдвиги в функционировании социально-исторической памяти» (Макулина, 2024).

Следует отметить, что неотъемлемой частью социальной памяти является семейно-родовая память. Как подчеркивает Л.Ю. Логунова: «Семейно-родовая память – хранилище духовного и социального опыта общности. Формируя свои характеристики в структуре ментальности, она имеет свою историю, при изучении которой нужно учитывать историю идеологии, особенности воспроизводства ценностей социальной группы, воспроизводства традиций, семейного педагогического наследия, специфику воображения и проблемы реконструкций памяти» (Логунова, 2011, 8). Именно семейно-родовая память зарождаёт в человеке необходимость поддержания родственных связей, семейных традиций. Передача социокультурного опыта от поколения к поколению закрепляет и укрепляет межпоколенные связи в семье. Кроме того, работа с памятью предков может способствовать развитию критического мышления и способности к сопоставлению различных исторических нарративов. Это, в свою очередь, может помочь молодежи формировать более осознанное и ответственное отношение к своему наследию и к будущему.

Методы исследования семейно-родовой памяти

В марте-апреле 2025 года коллективом Института социологии и регионоведения Южного федерального университета было проведено исследование, направленное на оценку степени осведомленности молодых россиян о событиях Великой Отечественной войны и определение значимости этой исторической эпохи в их мировоззрении и жизненных ориентирах.

Методами исследования выступили такие методы, как проведение 5 фокус-групп с учащейся молодежью (молодые люди, которые обучаются в Лицее Южного федерального университета и студенты Южного федерального университета, обучающиеся на 2, 3 и 4 курсе бакалавриата). В фокус-группе участвовали лицеисты, обучающиеся в 10 классе. Выбор данной целевой группы был связан с тем, что при обучении в 9 и 11 классах ученики сдают профильные предметы, такие, как история, в рамках основного государственного экзамена и единого государственного экзамена, что включает углубленную подготовку по данному предмету, что могло бы дать искаженные результаты в рамках проведения фокус-группы. Также исследовательский коллектив провел 21 глубинное интервью с представителями работающей молодежи до 35 лет. Опрос молодежи был проведен на территории Ростовской области по следующим критериям: возраст опрашиваемых – от 18 до 35 лет, не обучающиеся очно, наличие работы.

Молодежь как социально-демографическая группа представлена в исследовании возрастнойвилкой от 14 до 35 лет. Данные возрастные рамки предполагают включение разных поколенческих когорт в гетерогенную структуру группы молодежи. Более старшая возрастная когорта, из числа именно работающей молодежи, принадлежит к поколению Y, тогда как более молодая часть молодежи – поколение Z – обучающейся. В рамках исследовательской задачи именно этим объясняется необходимость опроса работающей молодежи. Направление деятельности и профессия, в данном случае, не имела принципиального значения.

Выбор методологии исследования, в основе которой качественные методы, наиболее релевантен предмету и задачами исследования. Методология качественного анализа позволила, опираясь на знания, мнения и оценки молодежи относительно событий ВОВ, выявить понимание их отношения к данному историческому событию и сформулировать основные выводы относительно субъективных оценок и поведенческих практик, сопряженных с трансляцией семейно-родовой памяти.

В рамках данного исследования одна из задач была посвящена изучению способов сохранения семейной памяти о войне и механизмов передачи традиций наследственной преемственности.

При решении данной задачи мы опирались на следующий понятийный аппарат: историческая память, социальная память и семейно-родовая память. «Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» (Тощенко, 2000).

Как отмечает Л.Ю. Логунова: «Социальная память — канал передачи социального опыта в семейно-родовом пространстве» (Логунова, 2009, 121). Сегодня в рамках государственных задач в России много говорят о национальной идее. Отношение к прошлому народа, к его истории – важный показатель отношения к своей Родине в целом. Нельзя не согласиться с тем, что корни каждого из нас – в истории и традициях семьи. Семья – ячейка общества, хранительница национальных традиций. Семейно-родовая память связывает, согласует индивидуальный уровень и высшие слои социальной памяти (Логунова, 2014). «Формируется семейно-родовая память, пере даваемая потомкам в виде семейных историй, легенд. Наследники этой памяти в последующих поколениях закрепляют в ментальных характеристиках общности правила поведения,

основанные на истине и мифологических продуктах сознания» (Логунова, 2009, 127).

Говоря о новых традиционных ценностях, которые мы стремимся воспитывать у молодого поколения и сложностях этого воспитания, учитывая особенности современной молодежи (ее гетерогенность, ее транзитивный характер, сопряженный с неопределенностью статусной позиции, ее ценностную противоречивость и даже парадоксальность, сложность процессов саморегуляции и прочее), патриотизм остается одной из важнейших ценностных установок. Патриотизм в молодежной среде сегодня воспринимается неоднозначно (входит в систему ценностей, но при этом не является значимой и определяющей для большинства молодежи), а роль семьи в патриотическом воспитании молодого поколения часто не осознается самими родителями, поскольку семья в современных условиях нестабильного социума решает порой сиюминутные задачи, порожденные лишь конкретной жизненной ситуацией.

Результаты и их обсуждение

Блок, включающий в себя ряд вопросов, который можно объединить под таким названием, как «память о войне в моей семье» важен, поскольку в семье осуществляется сложный процесс первичной социализации молодого поколения. Социальный аспект духовного призвания семьи заключается в том, чтобы научить молодежь воспринимать поддерживать и передавать из поколения в поколение духовные и национальные отечественные традиции. В семье формируется гражданская позиция и патриотические чувства. Усиление воспитательного потенциала семей возрастет в результате помощи в воспитании детей со стороны старшего поколения – бабушек, дедушек и других родственников. Они служат своеобразным транслятором социального опыта, накопленного поколениями.

В данном исследовательском блоке мы выделили несколько основных аспектов, связанных с исторической памятью семьи молодых людей и их самих о ВОВ и обозначили следующие, наиболее репрезентативные:

1. Память о войне как знание истории семьи военного времени, где содержится, на наш взгляд, *духовная составляющая* исторической памяти, а именно, что знает и знает ли современное молодое поколение о жизни ближайших родственников в военное время.

2. Память о войне сквозь призму хранящихся военных реликвий – *материальная составляющая* исторической памяти и отношение молодежи к семейным реликвиям.

3. Память как чувства, эмоции и традиции – *деятельностная составляющая*. В рамках данного аспекта было выявлено, что чувствуют, что осуждают молодые люди, а также, что утрачивается, какие традиции поддерживаются и транслируются в семье посредством участия в значимых поведенческих практиках.

Остановимся на каждом из обозначенных аспектов подробнее.

Касательно памяти о войне как знании истории семьи военного времени, мы видим, что молодежь в возрасте до 18 лет демонстрирует меньшую информированность об участниках ВОВ среди членов семьи, чем у представителей студенческой и рабочей молодежи. Об этом свидетельствуют ответы учеников Лицея, которые выступили информантами в рамках фокус-групп: «...кто-то из родственников служил... В целом, что было, я знаю, что-то отложилось в памяти, но отмечу, что о каких-то подробностях службы я не особо знаю» (юноша, 17 лет, учащийся); «... конкретно про личности тех, кто участвовал в ВОВ в нашей семье, я не знаю, мне никогда не рассказывали, есть ли кто-то, кто участвовал» (девушка, 16 лет, учащаяся). Но также мы отметили и тот факт, что среди студенческой молодежи и работающей молодежи также встречались и те участники исследования, которые не имели никаких знаний об истории семьи во время войны: «Нечего мне сказать по этому поводу, к сожалению» (юноша, 18 лет, студент); «Честно, я не знаю» (юноша, 19 лет, студент).

Анализ ответов участников фокус-групп и интервью показал, что у молодежи до 18 лет меньше подробных данных о военном времени глазами их родственников, хотя есть

семьи, которые активно обращаются к тому времени посредством рассказов их родственников. Здесь все зависит от личного взаимодействия молодых людей с представителями старшего поколения. Конечно, чаще всего мы замечали присутствие имен родственников, места, где члены семьи воевали, их род деятельности в высказываниях представителей студенческой и работающей молодежи. Например: *«По отцовской линии у меня был дед, Пётр Михайлович. В конце войны, когда взяли Берлин, русский народ взял, а дед воевал на корабле с Японией, она была союзником Германии. ... по маминной линии – прадед, он был танкистом»* (юноша, 20 лет, студент); *«Я знаю только про своего прадеда по материнской линии. Он служил в пожарной охране внутренних войск на Каспийском побережье. Собственно, он тушил пожары нефтехранилищ, которые немцы смогли разбомбить»* (девушка, 19 лет, студентка). Конечно, это в большей степени связано с тем, что возраст данных респондентов позволил им застать живых участников Великой Отечественной войны.

При проведении фокус-групп и индивидуальных интервью мы поняли, что знания об истории семьи могут быть накоплены только по одной линии рода (по отцовской или по материнской). Некоторые информанты указывали на то, что проживают с матерью или отцом, и связь со вторым родителем и его семье утеряна, поэтому они никогда не обращались к истории семьи родителя, с которым не проживают. *«...по папиной линии я ничего не знаю, наверно, потому что у меня прадедушка, который родился в Израиле и жил в Израиле. В связи с этим мне нечего рассказать, либо просто мне никто ничего не рассказывал»* (юноша, 18 лет, студент). *«Я знаю о нескольких родственниках с маминной стороны. С папиной – ничего не известно мне»* (девушка, 19 лет, студентка).

Конечно, в высказываниях респондентов всех возрастных групп присутствовала печаль и боль о том времени и судьбе их родственников, что, на наш взгляд подчеркивает, что какие-то знания об участниках ВОВ есть у молодого поколения, но тему войны в семье обходят стороной, что не дает возможности получить полные факты о войне: *«Я знаю, что мои родственники участвовали в Великой Отечественной войне, но я не смогу ничего рассказать, потому что у нас почему-то в семье эту тему обходят стороной»* (девушка, 18 лет, студентка).

Помимо этого, мы зафиксировали то, что сами молодые люди испытывают неловкость от того, что не знают историю своей семьи: *«Мне крайне неловко, потому что я очень плохо знаю историю своей семьи. Я воспитывалась именно с мамой и с бабушкой. И у нас не было крепких семейных уз. Мы очень прагматично к этому относились. Это неплохо и нехорошо, я считаю»* (девушка, 19 лет, студентка); *«Так получилось, что мы с моим папой живём отдельно, как раз-таки он знает всю историю нашего рода, и я почему-то никогда не интересовалась этим моментом, вот прям вообще никогда, мне за это очень неловко»* (девушка, 19 лет, студентка).

Данные аспекты, выделенные на основе высказываний информантов, показывают, что чаще всего как школьники, так и более старшая возрастная группа молодежи интересуются семейными историями, связанными с военным временем, но мы встретились и с такими высказываниями, которые подчеркивали, что сами молодые люди не проявляют интерес к семейной истории о военном и послевоенном времени. Например, было отмечено такое высказывание среди студенческой аудитории: *«Честно говоря, очень подробно не интересовалась никогда тем, как вообще проходило послевоенное время»* (девушка, 19 лет, студентка).

Как мы уже отметили, анализ материалов, собранных во время проведения интервью и фокус-групп показывает, что в целом многие молодые люди независимо от их возраста знают о судьбе своих родственников, которые участвовали в ВОВ. Но все же стоит сказать, что в высказываниях респондентов прослеживается фрагментарность знаний истории семьи военного времени. Наиболее подробные рассказы были зафиксированы у тех респондентов, которые воспитывались в семьях, где были живы свидетели военных действий.

Зафиксировав знания информантов о военном времени, накопленных в семье посредством рассказов непосредственных участников событий или же тех родственников, кто является носителем данных знаний, мы обратились к анализу материальной составляющей исторической памяти и отношению молодежи к семейным реликвиям.

В рамках изучения данного аспекта проблемы нашим респондентам был задан вопрос: «Хранятся ли в Ваших семьях реликвии военных лет (письма фотографии, награды, вещи военных лет)?».

Анализ высказываний участников интервью и фокус-групп показал, что более половины участников исследования отрицательно ответили на этот вопрос. Интересно, что отрицательно на этот вопрос отвечали не только те, кто скажем, не очень хорошо знает историю своей семьи военных лет, но и те, кто смог назвать имена и фамилии воевавших в семье, где и как они воевали, их награды. Так, один из респондентов сообщил, что один его прадедушек *«награжден Орденом Отечественной войны. Второй прадедушка, его брат, был танкистом, воевал в Керчи. Был награжден двумя орденами Красной Звезды, Орден Отечественной Войны. После вернулся с войны и умер от старости в 85 году. Третий прадедушка был защитником Севастополя, морпехом. Награжден Орденом Красной Звезды, Медалью «За отвагу», Орденом Отечественной Войны. Вернулся с войны с тремя ранениями, умер в 59 году» (молодой человек, 25 лет, работает)*. При этом респондент добавил, что никаких наград не сохранилось: *«Честно говоря, нет, увы. Есть только записи на специальных источниках о том, что они были, воевали и были чем-то награждены, и то этих записей совсем немного. А так ничего бы не сохранилось до наших дней...» (молодой человек, 25 лет, работает)*. Отмечая причины того, что реликвии того времени не сохранились, мы видим, что респонденты указывали на множество переездов и сложную судьбу родственников. *«Прабабушка, прадедушка по материнской линии были репрессированы... прадедушка по отцовской линии тоже был репрессирован, но потом участвовал в боях, был ранен, в итоге амнистирован, ... в середине войны, но получил ранение в ногу и вернулся к прабабушке, которая все это время тоже находилась на территории Средней Азии, как супруга политзаключенного...» (молодой человек, 27 лет, работает)*. Этим, во многом объясняется то, что фотографий в семье сохранилось совсем немного, а отсутствие писем объяснил так: *«писем, как таковых, не сохранилось, просто потому что было этапирование и некоторые, например, письма запрещено было хранить, просто-напросто, потому что переписка запрещена... Награды тоже отсутствуют, потому что так как он, по сути, был преступником, награду так и не вручили, то есть приказ о награждении есть, но в период войны никто этим не занимался, а после войны стало уже бессмысленно этим заниматься, потому что документы, которые хранились, частично были утеряны...» (молодой человек, 27 лет, работает)*. Безусловно, данные причины вполне объяснимы, поскольку минуло 80 лет, и за это время судьба послевоенных поколений сложилась непросто.

Высказывания участников исследования показали, что чаще всего молодые люди говорили, что, если остались материальные свидетельства военного времени, то – это преимущественно фото, письма и награды. В интервью респонденты не называли каких-либо других вещей, свидетельств военных лет (например, одежда, военная форма, посуда, личные вещи и т.д.). Участники фокус-групп добавили к реликвиям семьи в виде фото, писем и наград такие награды, как табакерку, фронтовую зажигалку, патроны. Но это, пожалуй, единичный случай. Только один из участников вспомнил, что *«табакерка у бабушки есть, фронтовые зажигалки. Патроны, если не ошибаюсь...» (юноша, 17 лет, учащийся)*.

Отметим, что из высказываний респондентов, принявших участие в исследовании, стало ясно, что в настоящее время существуют российские семьи, где очень бережно относятся к военному наследию и, тем более приятно слышать от молодых людей, когда они с чувством гордости и понимания говорят о том, что в их семье все награды, фото и

письма бережно хранятся. Среди участников фокус-групп были те, кто рассказал, что «...в нашей семье по поводу прадедушки сохранили все медали, ордена, которые были. Мы их отдавали в музей, на выставку. Также сохранились его фотографии и письма, которые он отправлял своей жене, моей прабабушке. Их достаточно много и в детстве бабушка мне их читала. У нас дома, у бабушки, есть памятная коробка, как воспоминания о дедушке Мише, и поэтому мы храним эту память и чтим...» (девушка, 19 лет, студентка). Еще одна участница рассказала следующее: «У нас сохранились фотографии, старый большой альбом с такими картонными тяжелыми страницами. Также сохранились фотографии даже со времен армии прадедушки. И еще очень интересное, что я заметила в доме у моей бабушки, там сохранились книги военных лет, которые были напечатаны в этот период и до, и после. И на самом деле они в идеальном состоянии остались» (девушка, 20 лет студентка).

Несмотря на то, что в семьях остались материальные свидетельства военных лет, которые бережно хранятся, сама молодежь, как нам показалось, не продемонстрировала особой заинтересованности к этим вещам. Наиболее показательным в этом плане можно считать ответ одной из студенток, которая нам так рассказала об этом: «Ой, наверное, года два назад я приезжала к своему дедушке домой, и я решила залезть в наш семейный альбом, и как раз-таки там нашла фотографии военных лет, но я даже не спросила про них, то есть просто посмотрела фото, и всё. То есть фото хранятся, по-моему, даже пуля хранилась, но я не уверена, что это именно с той войны» (девушка, 19 лет, студентка). Или вот, например, показательным в этом плане можно считать такой ответ: «Насколько я помню, у меня в доме хранится отдельная шкатулка с огромным количеством орденов, точно их не рассматривают, поэтому информацию особо-то я не знаю, но их там достаточно много. И хранят их хорошо. Даже иногда протираем их, чтобы они особо не пришли в ужасное состояние» (девушка, 19 лет, студентка). О переводе фото военных лет в цифровой формат сказала только одна участница фокус-группы: «Семья родом из Республики Марий Эл. И вот у них, в Йошкар-Оле, у моих родственников, есть медали, фотографии. У нас это всё есть в электронном виде (фотографии медалей, писем и так далее)» (девушка, 17 лет, учащаяся). Ни один человек, из тех, кто принял участие в интервью, не сообщил о том, что фотографии оцифрованы, например, или, что они когда-либо перечитывали те немногочисленные, сохранившиеся письма их прабабушек и прадедушек.

Из интервью и фокус-групп мы выяснили, что многие молодые люди знают о существовании наград, но при этом понятия не имеют, где эти награды находятся, у кого хранятся: «...они хранятся в другом месте, не знаю, где именно.» (девушка, 24 года, работает). «У нас были фотографии, но, к сожалению, я не знаю, куда они делась, потому что это как будто какие-то ложные воспоминания. Их сейчас нигде нет. Может, они были утеряны где-то» (девушка, 20 лет, студентка). «Я никогда не видела ничего подобного, но я смею предположить, что в доме моего дедушки, он уже умер, по отцовской линии – сейчас это дом моей тети, там наверняка что-то хранится...» (девушка, 18 лет, студентка).

Анализ материалов интервью и фокус-групп показал следующую закономерность. Молодежь знает о имеющихся в семье вещах – свидетелях истории семьи военного времени, но, в большинстве своем, их высказывания свидетельствуют о том, что они не проявляют особого интереса к этим вещам. Даже те, кто хорошо знают историю жизни семьи периода ВОВ, не продемонстрировали какого-либо особого интереса к фотографиям, наградам и другим семейным ценностям. Чаще всего интерес к этим вещам они проявляли в детстве, в школьные годы, когда носили эти вещи в школу, на разные мероприятия, которые проводились в память о Войне. В современных семьях не принято, в большинстве своем, за круглым семейным столом рассматривать награды, фото, письма и другие свидетельства военного времени. Молодежь не высказала никакого интереса к тому, чтобы оставшаяся в реликвиях память о войне, была упорядочена ими, приведена в порядок.

Рассуждая о Великой Отечественной войне в семейно-родовой памяти современной российской молодежи, мы затронули вопрос, связанный с чувствами, эмоциями, переживаниями, которые испытывают молодые люди, вспоминая о победе своих предков. Участникам исследования был задан вопрос: «Расскажите, как проходит День победы в вашей семье? Какие мысли и чувства вызывает у Вас День Победы?».

Аспекты, которые были зафиксированы при анализе качественных материалов исследования, связаны с тем, что День Победы ассоциируется у молодежи с такими чувствами, как гордость, грусть, печаль: *«гордость, гордость, даже иногда печаль»* (девушка, 18 лет, студентка); *«...вообще гордость, но сейчас, наверное, возникают больше противоречивые чувства»* (девушка, 18 лет, студентка); *«Гордость и какая-то грусть тоже, ... по людям погибшем, оставившим след в Великую Отечественную войну»* (парень, 19 лет, студент); *«...у меня вызывает больше и гордость, и грусть»* (парень, 18 лет, студент); *«Чувства вызывают смешанные. Гордость, радость, печаль»* (молодой человек, 34 года, работает); *«Я чувствую просто, не знаю, гордость за нашу страну, за патриотизм, который обсуждается у нас на всех площадках»* (молодой человек, 32 года, работает); *«Но касаясь чувств и эмоций, я не знаю, как конкретно у моей семьи, у меня это вызывает гордость, потому что, потому что это наши предки. Я вот даже скажу так: бывает, когда накатывает грусть, какое-то грустное состояние, стоит вспомнить о том, что пережили наши предки, какая была сложная жизнь в те времена, потому что даже банально еды не хватало, во время всей войны»* (молодой человек, 22 года, работает). Таким образом, слова песни, написанной в 1975 году, фронтовиком Владимиром Харитоновым, до сих пор отражают эмоциональную часть праздника: «Это радость со слезами на глазах».

Испытывая смешанные чувства от событий, которые происходили 80 лет назад, молодые люди указывали на то, что в сам день, 9 мая, они чаще всего смотрят парад Победы на Красной площади или посещают данное мероприятие у себя в городе.

Что касается семейных празднований мы можем отметить следующее: *«...мы выходим на полк Бессмертный, и вот тут у меня вызывает больше и гордость, и грусть. Потому что, да, на самом деле грустно, потому что столько людей пострадало, и это проходило довольно долгую продолжительность времени, поэтому... Но после этого в семье уже мы это красочно празднуем с шашлыками»* (девушка, 20 лет, студентка); *«Ничего необычного, обычный праздник, то есть родители устраивали небольшие домашние лекции по истории, потом мы с друзьями, с ровесниками я шел на парад»* (юноша, 19 лет, студент); *«Только Парад, застолье, безалкогольное»* (парень, 26 лет, работает); *«Дядя всегда участвует в Бессмертном полку с фотографиями. Моя семья едет на возложение цветов, участвует в просмотре парада. Мы просто собираемся, и всегда бабушка рассказывает про своего отца, и всегда вспоминаем родственников, прошедших войну»* (девушка, 17 лет, учащаяся).

Таким образом, мы видим, что студенческая и рабочая молодежь отмечает, что в школьные годы они чаще посещали Бессмертный полк и парады Победы. Сегодня эта практика не такая многочисленная. Среди ответов респондентов прослеживались и такие: *«Очень часто старшее поколение ездит на кладбище, проводит родственников»* (девушка, 20 лет, студентка); *«... иногда было такое, что именно в День Победы ездили на кладбище, вот»* (юноша, 19 лет, студент).

Просмотр военных фильмов на центральном телевидении отмечали лишь изредка: всего 7 высказываний респондентов было связано с тем, что в этот день они смотрят киноленты. Также у 4 респондентов из старшей возрастной группы фигурировало такое мероприятие, как посещение салюта.

Участники интервью и фокус-групп отмечали, что День Победы – это посещение парада, который проходит в месте, где они проживают: *«Мы не каждый год, но ходим на парад иногда с техникой, чтобы посмотреть»* (девушка, 18 лет, учащаяся); *«Мы всегда обязательно ходим на парад победы смотреть зрителями»* (девушка, 19 лет, студентка).

«Ну, раньше мы прямо и парад смотрели, и бывало там с отцом на, так сказать, там... Собирались на площади, там была как раз полевая кухня и военные песни» (юноша, 19 лет, студент); *«В первую очередь, я казак. Состою в станице Рассветовской и мы ежегодно проходим «коробкой» в параде»* (парень, 35 лет, работает); *«Мы всей семьей идем на Парад»* (молодой человек, 27 лет, работает).

Довольно часто посещение парада Победы выступают в качестве детских воспоминаний, а не того, что происходит сейчас. Респонденты отмечали, что если сегодня они посещают парад, то это связано с тем, что они хотят показать младшему поколению (детям, братья, сестрам), что такое парад Победы, чтобы они увидели, как все проходит, военную технику. Помимо посещения парадов, участники исследования отмечали, что День Победы – это просмотр военного парада в Москве по телевизору: *«...в моей семье бабушка может включить парад по телевизору»* (юноша, 19 лет, студентка); *«...при этом каждое 9 мая начинается с просмотра парада по телевизору»* » (девушка, 19 лет, студентка); *«Родители смотрят Парад по телевизору всегда»* (девушка, 33 года, работает).

Отметим, что парад по телевизору чаще смотрят представители школьного возраста и студенческая молодежь, нежели, чем работающая молодежь. На наш взгляд, раньше, до пандемии, при проведении парадов люди всех возрастных когорт активно были настроены на посещение массовых мероприятий. В связи с отменами, переносами и запретами массовых мероприятий, в поведении людей появились другие социальные установки, что способствовало снижению количества тех, кто посещает парад очно. Мы видим, что такая тенденция закрепляется у более молодых представителей молодежи, а старшая возрастная группа готовы транслировать очные посещения детям и младшим представителям поколения Z.

В рассуждениях респондентов мы зафиксировали такие высказывания, которые свидетельствуют о том, что сам праздник для них считается просто выходным днем: *«...это как дополнительный приятный день отдыха, в который мы иногда говорим на тему войны»* (девушка, 17 лет, учащаяся); *«Если не ходим на салют, то праздник проходит просто как выходной»* (молодой человек, 35 лет, работает).

Таким образом, анализ высказываний респондентов указывает на то, что историческая память семьи в ее материальной составляющей, к сожалению, все больше и больше утрачивается. Она, в целом, как и знания, как духовная составляющая, носит скорее фрагментарный характер, а интерес к реликвиям прошлого, все еще хранящимся в семьях, носит скорее ситуативный характер.

Заключение

Анализ результатов, полученных в ходе проведенных фокус-групп и интервью, показал следующее.

Более глубокие знания о ВОВ (умение назвать фамилии, имена, подвиги, награды и прочие подробности семейной истории) скорее всего свидетельствуют о высоком уровне коммуникативного межпоколенного общения, поскольку эти знания молодежь могла получить, по большей части, в результате рассказов старших поколений. При этом здесь активную роль сыграли преимущественно представители поколений X и Y, многим из которых посчастливилось лично общаться с прадедушками и прабабушками, живыми свидетелями и участниками событий военных лет.

При анализе высказываний респондентов, которые приняли участие в проведении фокус-групп и интервью, нами было замечено, что молодые люди, которые застали в живых участников событий военных действий во время ВОВ, а также те, чьи родители посвящали ребят в жизнь прародителей, владеют большей информацией об истории семьи во время войны. Помимо этого, важен сам интерес молодежи к семейным событиям: в ходе написания историй о своих родственниках (эссе, дневников), составлению семейного древа молодые люди узнают важные факты о родственниках и

их жизненных историях во время ВОВ. Именно это «живое общение» – залог того духовного опыта и глубоких знаний семейной истории периода ВОВ. Есть все основания полагать, что поколение Z (и поколение Y – старшая возрастная группа молодежи в нашем исследовании), смогут в дальнейшем передавать и далее духовный опыт и ретранслировать историческую память для новых поколений (Альфа, Бета и т.д.).

К сожалению, более, чем в половине случаев мы отметили средний и даже низкий уровень межпоколенного коммуникативного общения, что нашло свое выражение в том, что молодежь демонстрирует поверхностные знания (*кто-то воевал, наверно воевал, да воевали, но подробностей я не знаю..., наверно, как все...*), либо вообще ничего не знает о жизни семьи в военное время. Немногие высказывали сожаление по этому поводу и испытывали чувство неловкости, для других же отсутствие знаний истории своей семьи периода ВОВ выглядело нормой. Здесь, конечно, нельзя не учитывать всю совокупность внешних и внутренних обстоятельств социализации молодого поколения в последние десятилетия. Это и тенденции саморегуляции, характерные для современной молодежи, проявляющиеся в индивидуализационных и атомизационных стратегиях поведения и трансформационные процессы семьи как института и малой группы, с характерными признаками «отчуждения внутрисемейных ценностей», обусловленные высокой степенью разводимости, роста неполных семей, усложнением внутрисемейных отношений.

Достаточное количество тех молодых людей, кто знает, о фотоальбомах, смотрит их, заботится о сохранности медалей, но, в то же время другая значительная часть молодых участников исследования говорили о том, что они не знают, где точно хранятся эти вещи, у каких именно родственников. В современных семьях не принято, в большинстве своем, за круглым семейным столом рассматривать награды, фото, письма и другие свидетельства военного времени. Молодежь не высказала никакого интереса к тому, чтобы оставшаяся в реликвиях память о войне, была упорядочена ими, приведена в порядок. Ни один из опрошенных нами респондентов не сказал о том, что он рассматривает эти вещи со своими детьми, уже новым поколением (альфа, бета ...), что планирует передать подрастающему поколению эти семейные ценности для сохранности истории семьи в памяти будущих поколений.

Также стоит отметить, что День Победы ассоциируется с такими чувствами, как гордость, грусть, печаль. 9 мая молодые люди чаще всего смотрят по телевизору парад Победы на Красной площади реже посещают данное мероприятие у себя в городе. Студенческая и рабочая молодежь отмечает, что в школьные годы они чаще посещали Бессмертный полк и парады Победы нежели, чем сейчас. Просмотр военных фильмов на центральном телевидении отмечали лишь изредка. Также у старшей возрастной группы фигурировало такое мероприятие, как посещение салюта.

Таким образом, анализ полученных материалов показал, чем выше уровень внутрисемейного межпоколенного общения, тем более глубокие знания об истории семьи демонстрировала молодежь в своих ответах на вопросы о Великой Отечественной войне. Отметим, что более глубокие знания демонстрировали именно студенты и работающая молодежь, поскольку их возраст несколько старше учащихся лица, что позволило им застать живых свидетелей тех событий. Историческая память семьи в ее материальной составляющей, к сожалению, все больше и больше утрачивается. Она, в целом, как и знания, как духовная составляющая, носит скорее фрагментарный характер, а интерес к реликвиям прошлого, все еще хранящимся в семьях, носит скорее ситуативный характер.

Литература

Живой, А.С. Социальная память в контексте становления современной российской идентичности : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / А.С. Живой. – Ростов-на-Дону, 2017. – 169 с.

- Кабытов, П.С., Кабытова, Н.Н., Барина, Е.П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников / П.С. Кабытов, Н.Н.Кабытова, Е.П. Барина // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* – 2020. – Т. 20, – вып. 4. – С. 482–489.
- Логунова, Л.Ю. Структурные характеристики семейно-родовой социальной памяти / Л.Ю. Логунова // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* – 2009. – №1. – С. 120-133.
- Логунова, Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков / Л. Ю. Логунова // *Социологические исследования.* – 2009. – № 9(305). – С. 126-136.
- Логунова, Л.Ю. Семейно-родовая память как социальный феномен: монография /Л. Ю. Логунова; отв. ред. д-р социолог. наук, проф. Шпак Л.Л. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. – 227 с.
- Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // *Вестник Томского государственного университета.* – 2014. – №379. С.69-75.
- Логунова, Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы / Л.Ю. Логунова // *Идеи и идеалы.* – 2019. – Т. 11, № 1-2. – С. 227-253. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253>.
- Логунова, Л.Ю. Социальная память в нарративах сибиряков: правдивость истории и правда памяти / Л.Ю. Логунова, Е.А. Маженина, В.А. Рычков // *Социодинамика.* – 2022. – № 2. – С. 53-67. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.2.37442>.
- Макулина, Е.Ю. Социальная память в условиях информатизации общественного воспроизводства / Е.Ю. Макулина // *Евразийский юридический журнал.* – 2024. – № 9(196). – С. 593-594.
- Савельева, И.М., Поletaев, А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого.* – М., 2005. – С.170–220.
- Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // *Новая и новейшая история.* – 2000. – № 4. – С. 3-14.
- Храпов, С.А. Социальная память: философские и социально-гуманитарные подходы исследования / С.А. Храпов, А.Н. Ковылин // *Вестник Калмыцкого университета.* – 2024. – № 3(63). – С. 189-196. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2024-63-3-189-196>.
- Храпов, С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен / С.А. Храпов // *Вопросы философии.* – 2020. – № 3. – С. 99-106. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>.
- Шестаков, Ю.А. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности / Ю.А. Шестаков // *России.НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2022. – № 47(2). – С.399–407.
- Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // *Социологические исследования.* – 2001. – № 1. – С. 6-16.

References

- Zhivoy, A.S. Social memory in the context of the formation of modern Russian identity: specialty 09.00.11 «Social Philosophy»: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences /A.S. Zhivoy. Rostov-on-Don; 2017. 169 p. (In Russ.)
- Kabytov, P.S., Kabytova, N.N., Barinova, E.P. Family stories about the Great Patriotic War: the specifics of historical sources. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyetnosheniya= Izv. Sarath. un-ta. New ser. Ser. History. International relations.* 2020; 20 (4):482-489.(In Russ.)
- Logunova, L.Yu. Structural Characteristics of Family-Genealogical Social Memory.= *Vestnik Moskovskogouniversiteta. Seriya 18. Sociologiyaiipolitologiya= Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science.* 2009; 1: 120-133.(In Russ.)
- Logunova, L.Yu. The Influence of Historical Trauma on the Family-Genealogical Memory of Siberians. *Sociologicheskiesledovaniya= Sociological Research.* 2009; 9(305): 126-136.(In Russ.)
- Logunova, L.Y. Family and ancestral memory as a social phenomenon: a monograph/ L.Y. Logunova; ed. Doctor of Social Sciences, Professor. Shpak L.L.Kemerovo: Kemerovo State University; 2011. 227 p.(In Russ.)
- LogunovaL.Yu. Family and ancestral memory: temporal hypostases and social resources. *Vestnik Tomskogogosudarstvennogouniversiteta = Bulletin of Tomsk State University.*2014; 379: 69-75.(In Russ.)
- Logunova L.Y. Historical and social memory: paradoxes and meanings. *Ideiiidealy = Ideas and Ideals.* 2019; 11(1-2):227-253. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253>. (In Russ.)
- LogunovaL.Y. Social memory in the narratives of Siberians: the truthfulness of history and the truth of

memory. *Sociodinamika = Sociodynamics*. 2022; 2:53-67. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.2.37442>. (In Russ.)

Makulina E.Y. Social memory in the context of informatization of social reproduction. *EvrAzijskiJuridicheskiZhurnal= Eurasian Law Journal*. 2024; 9(196):593-594. (In Russ.)

Savelyeva I.M., Poletaev A.V. «Historical memory»: on the question of the boundaries of the concept. The phenomenon of the past, Moscow, 2005: 170-220. (In Russ.)

Toshchenko, Zh.T. Historical Consciousness and Historical Memory: An Analysis of the Current State. *Novaya inovejshayaistoriya = New and Contemporary History*. 2000; 4: 3-14. (In Russ.)

Khrapov S.A. Social memory: philosophical and socio-humanitarian research approaches. *Vestnik Kalmyckogouniversiteta = Bulletin of the Kalmyk University*. 2024; 3(63):189-196. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2024-63-3-189-196>. (In Russ.)

Khrapov S.A. Social memory as a cognitive and «technogenic» phenomenon. *Voprosy filosofii= Questions of Philosophy*. 2020; 3:99-106. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>. (In Russ.)

Shestakov Yu.A. Historical consciousness of Russian youth in the context of ensuring national security. *Rossii.NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo=Russia.NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. The right*. 2022; 47(2):399–407. (In Russ.)

Shtompka P. Social change as a trauma. *Sociologicheskieissledovaniya= Sociological research*. 2001; 1: 6-16. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 26.07.2025

Дата окончания рецензирования: 11.09.2025

Дата принятия к публикации: 13.09.2025

Информация об авторах

Богданова Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Артамонова Яна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bogdanova Irina Nikolaevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Artamonova Yana Viktorovna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.3>

EDN OOSHGQ

Основные источники информации о политической ситуации в мире у представителей современной молодежи**Алексей С. Магранов**^{1,2}¹Южный федеральный университет²Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: alex_daredevil@mail.ru

Аннотация

Введение: В статье рассматриваются основные информационные каналы, посредством которых современная российская молодежь получает новости о важнейших событиях в стране и мире, а также уровень доверия к ним. Выделены важнейшие источники информации о политической сфере и их влияние на представления молодежи о зарубежных странах. Проанализированы особенности поиска молодыми людьми актуальных и достоверных данных о ходе специальной военной операции.

Методы: Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетного опроса, проведенного коллективом ЮрФ ФНИСЦ РАН в 2023 году среди жителей города Таганрог. Общая выборка исследования составила 1701 человек в возрасте от 18 до 60 лет. Дополнительно использованы данные социологических исследований, реализованные другими научными коллективами и организациями.

Результаты и их обсуждение. Достигнутые результаты позволили рассмотреть специфику предпочтений молодежи относительно выбора источников новостной информации о событиях в политической сфере. Молодые люди оказались в наибольшей степени склонны обращаться к отечественным СМИ и интернет-источникам для получения сведений о различных аспектах жизни в зарубежных странах. Также зафиксировано различие в восприятии иностранных государств молодыми людьми, получающими информацию о них из СМИ, и теми, кто имеет личный опыт зарубежных поездок. Кроме того, установлено, что представители молодого поколения обладают пониманием того, что в информационном поле много фейков, ввиду чего прибегают к поиску «золотой середины», обращаясь к разным каналам получения информации.

Ключевые слова: молодежь; студенчество; источники информации; политическая ситуация; образ «страны-врага»; специальная военная операция; гражданские ценности.

Для цитирования: Магранов А. С. (2025). Основные источники информации о политической ситуации в мире у представителей современной молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 35-47. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.3>

Main sources of information about the political situation in the world among modern youth**Aleksei S. Magranov**^{1,2}¹Southern Federal University²South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: alex_daredevil@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines the main information channels of modern Russian youth, through which they receive news about the most important events in the country and the world, as well as the level of trust in them. The most important sources of information about the political sphere are highlighted, as well as their impact on young people's ideas about foreign countries. Also, the features of young people's search for relevant and reliable data on the course of a special military operation are analyzed.

Methods. The empirical basis of the study was the results of a questionnaire survey conducted by the staff of the SRB – FCTAS RAS in 2023 among residents of Taganrog. The total sample of the study was 1,701 people aged 18 to 60 years. The data of sociological studies carried out by other research teams and organizations are also analyzed.

Results and its discussion. The data obtained allowed us to consider the specifics of young people's preferences regarding the choice of news sources about events in the political sphere. Young people were most likely to turn to domestic media and online sources to obtain information about various aspects of life in foreign countries. There is also a difference in the perception of foreign countries by young people who receive information about them from the media, and those who have personal experience of traveling abroad. In addition, representatives of the younger generation have an understanding that there are many fakes in the information field, which is why they resort to searching for a «golden mean» by turning to different channels for obtaining information.

Keywords: youth; students; sources of information; political situation; the image of an «enemy country»; special military operation; civic values.

For citation: Magranov A. S. (2025). Main sources of information about the political situation in the world among modern youth. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 35-47. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.3>

Введение

Молодежь представляет собой социально-демографическую группу, которой отведена особая роль в функционировании и развитии любого социума. Именно подрастающему поколению предстоит в будущем управлять основными институтами, регулируемыми все сферы жизнедеятельности общества. Важнейшим аспектом социализации молодых людей является воспитание у них чувства патриотизма, гражданской идентичности, политической и социальной активности. Однако необходимо понимать, что на формирование гражданственности и активной социально-политической позиции оказывает влияние множество факторов, в числе которых можно выделить сложившиеся у молодежи представления о политической ситуации в мире. Причем, важно не просто обладание информацией об актуальных событиях в политической сфере, но и понимание их влияния на нашу страну: как на условия жизни в ней, так и ее положение на мировой арене. И особую важность это приобретает в условиях «переломного момента времени» для России, начавшегося после специальной военной операции в 2022 году. Как отмечают С.В. Устинкин и А.И. Самсонов, события последних лет вызвали «у молодежи потребность в самоопределении на личностном уровне, которая продолжается до сих пор. Этот процесс превращает политические взгляды из идеологической абстракции, которой они могли оставаться до февраля 2022 г., в мировоззрение, непосредственно влияющее на индивидуальные действия и повседневные жизненные реалии и планы» (Устинкин, Самсонов, 2023, 61). Таким образом, понимание политической обстановки в мире несет в себе значимую идеологическую составляющую. И в сложившихся условиях данная составляющая может, с одной стороны, способствовать формированию «образа врага» в отношении определенных мировых держав, но с другой – воздействует на представления молодых россиян о своей стране. Поэтому особенно важным представляется вопрос достоверности получаемой молодежью социально-политической информации и основных каналов ее

трансляции.

Актуальность данной проблемы обусловила заметный интерес к ней со стороны социологов, политологов и представителей других академических специальностей. Так, О.В. Попова, основываясь на результатах проведенного межрегионального социологического исследования, изучила приоритетные каналы получения политической информации современной российской молодежью, а также социально-демографический профиль молодых людей, предпочитающих получение информации из разных источников. Ею был выделен ряд тенденций. Во-первых, информация о политических событиях в регионе представляется молодежи менее интересной, нежели новости о происшедшем в мире и России в целом. Во-вторых, в получении политической информации оказались более заинтересованы представители молодого поколения, предпочитающие все виды онлайн-ресурсов, чем обращающиеся к традиционным каналам (Попова, 2019). Также, О.В. Попова, совместно с Н.В. Гришиным и С.И. Сусловым, изучая проблему политизации массового сознания российской молодежи, выявили, что уровень политического интереса молодежи сопряжен с наличием и размером их материальных и социальных ресурсов. Построив регрессионные модели, связывающие уровень интереса к политике с политическими установками, авторы выявили, что в качестве позитивных факторов влияния на интерес молодых людей к политике выступают убеждения в приоритете интересов государства, необходимости реформ, готовности работать в политических партиях, а также наличие лидеров мнений. Негативным же фактором является отсутствие у молодежи саморефлексии по поводу собственных политических взглядов (Попова, Гришин, Суслов, 2023).

А.А. Казаков на основе эмпирических данных авторского исследования, проведенного методом онлайн-опроса, проанализировал взаимосвязь между каналами получения информации молодыми людьми о происходящем, и их отношением к политике, идеологическими предпочтениями в идеологии и видением будущего своей страны. Автор пришел к выводу о необходимости мер по повышению общего уровня медийной грамотности молодежи, а также усиления деятельности государственных структур по борьбе с распространением фейков (Казаков, 2022). М.Ю. Ефлова, Ю.В. Виноградова и А.В. Витушкин рассмотрели особенности потребления медиаконтента современной молодежью, включая не только каналы получения информации, но и наиболее предпочтительные тематические направления новостей. В качестве методологической основы авторами был использован метод фокус-групп. Информанты высказали интерес к новостям из сферы технологий, международных событий, социальной политики, моды, экономики, а также геополитики и международных отношений. Интерес к сфере политики в целом оказался невысоким, причем здесь также был отмечен приоритет международного и федерального охвата новостной повестки, а не регионального (Ефлова, Виноградова, Витушкин, 2022). Н.В. Карпова изучила уровень интереса представителей подрастающего поколения к политике и основные источники политической информации в контексте электорального поведения молодежи (Карпова, 2020).

Отдельное внимание уделяется изучению отдельных каналов информации о политических событиях в России и в мире, в частности различным социальным сетям и Интернет-СМИ. Так, например, С.Г. Ивченков и А.А. Кошелев подвергли анализу региональные особенности выбора Интернет-СМИ в молодежной среде на примере молодых жителей Саратова, в ходе которого выделили критерии выбора СМИ молодежной аудиторией, основной круг информационных интересов, а также изучили гендерную специфику восприятия новостных ресурсов (Ивченков, Кошелев, 2016). Р.И. Зинурова и А.Р. Тузиков провели исследование особенностей медиасферы студенчества в разрезе степени доверия к основным источникам информации. Согласно полученным ими данным, студенческая молодежь в наибольшей степени доверяет мессенджерам, интернет-сайтам и социальным сетям, что становится вызовом для традиционных СМИ.

При этом авторы отмечают, что «проблематика формирования патриотического сознания российского студенчества неразрывно связана с целенаправленной информационной политикой, учитывающей особенности медиапотребления молодежи» (Зинурова, Тузиков, 2024).

Также исследователи обращаются к изучению и другого аспекта этого процесса – манипулятивное воздействие средств массовой информации и распространение фейковых новостей. Например, К.Л. Зуйкина и Д.В. Соколова, проведя прикладное исследование, пришли к выводу о способности молодежи распознавать недостоверную информацию. Более того, авторами было выявлено, что молодые люди склонны завышать собственный уровень медиаграмотности (Зуйкина, Соколова, 2021).

Таким образом, становится очевидной необходимость дальнейшего, более углубленного изучения основных каналов политической информации у представителей подрастающего поколения. Именно от качества получаемой информации о событиях в России и мире (в том числе, и о ходе специальной военной операции) зависят представления молодежи о месте и роли своей страны на мировой арене, о ее основных «врагах» и «союзниках», которые, во многом, оказывают влияние на формирование гражданских ценностей и поведенческих установок. Кроме того, говоря о студенческой молодежи, необходимо понимать реальное место высшего учебного заведения в процессе получения учащимися знаний о ситуации в мире и формировании их мировоззренческих позиций.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую основу данной статьи составляют результаты социологического исследования «Информированность населения г. Таганрога о международной жизни и отношении к различным странам», проведенного в 2023 году Южно-Российским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН). Исследование было реализовано с применением метода анкетного опроса. Общая выборка – 1701 человек в возрасте от 18 до 60 лет (выделены следующие возрастные категории респондентов: 18 – 24 лет, 25 – 29 лет, 30 – 39 лет, 40 – 49 лет, 50 – 59 лет, 60 лет и старше). Инструментарий исследования обеспечивает изучение восприятия респондентами социально-политической ситуации в мире. Под социально-политической ситуацией понимается «комплекс и результат взаимодействия факторов и условий, выражающих соотношение и расстановку социально-политических сил, ход и направленность социальных процессов, состояние социально-политических отношений, непосредственно связанных с достижением социальных и политических целей, решением задач, удовлетворением стремлений, желаний и потребностей социальных субъектов в определенных пространственно-временных рамках» (Котляров, 2018, 17). Проведенный опрос позволил не только выделить основные каналы получения информации о социально-политической ситуации в мире, но и определить, как формируется отношение респондентов к ней. В частности, рассмотреть влияние различных информационных источников на формирование образов «стран-врагов». Г.И. Козырев определяет «образ врага» как «качественная (оценочная) характеристика «врага», сформированная в общественном сознании. Восприятие врага опосредовано определенными источниками информации, например СМИ, которые могут целенаправленно формировать определенный имидж «врага»» (Козырев, 2008, 32 – 33). В этой связи анализ предпочтений среди каналов информации (в том числе и СМИ) представляется весьма актуальным.

Дополнительно используются данные социологического исследования «Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине». Данный проект реализован Центром социально-политических исследований Южного федерального университета (ЦСПИ ЮФУ) в 2022 году и охватил учащихся вузов Ростовской области (руководитель – В.И. Филоненко). В методологическую базу этого исследования были включены

качественные методы исследования: фокус-группа, анализ эссе студентов (всего было проведено 8 фокус-групп; проанализировано 203 эссе). Оба указанных проекта были организованы и проведены при участии автора.

Помимо этого, в данной статье проводится анализ эмпирических данных, полученных Фондом Общественное Мнение (ФОМ).

Основные каналы информации молодежи

Прежде всего, обратимся к рассмотрению наиболее предпочтительных новостных источников у представителей современной российской молодежи. Как следует из результатов исследования ФОМ, основным каналом получения информации у россиян в настоящий момент остается телевидение – 56%. Однако у молодежи данный источник данных находится далеко не на первом месте (табл. 1). Представители молодого поколения (респонденты в возрасте от 18 до 30 лет) в своем большинстве отдают предпочтение различным ресурсам, связанным с Интернет-пространством: новостные сайты (56%), форумы, блоги, социальные сети, мессенджеры (59%) и полностью игнорируют радио и печатную прессу. Безусловно, данная тенденция вполне закономерна, учитывая, что цифровое пространство сети Интернет занимает важнейшее место в жизни современной молодежи. На телевидение указал лишь каждый пятый молодой россиянин. Тогда как у представителей самых старших возрастных групп наблюдается диаметрально противоположная ситуация.

Таблица 1

Основные источники новостной информации россиян в зависимости от возраста, данные ФОМ, 2024 г., в% (Новостная информация..., 2024)

	Население в целом	18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
Телевидение	56	21	40	65	85
Новостные сайты в интернете	42	56	52	42	23
Форумы, блоги, социальные сети, мессенджеры	31	59	42	21	11
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	16	24	18	13	10
Радио	9	5	10	9	10
Печатная пресса (газеты, журналы)	6	3	1	7	11
Другое	1	2	<1	1	1
Затрудняюсь ответить	1	2	2	1	<1

Примечательно, что для молодежи в большей степени, нежели для старших возрастных когорт, важным представляется получение информации в разговорах с родственниками и друзьями (Новостная информация..., 2024). В целом, объяснением этому служит тот факт, что потребность в общении является одной из основных для молодежи. Так, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров в своем исследовании культуры в жизни молодежи отмечали, что общение с друзьями, а также потребность в сетевом общении стали основной чертой культурно-досуговых практик молодого поколения. При этом они зафиксировали, что с возрастом значимость ценности общения снижается (Зубок, Чупров, 2018). Здесь же кроется, отчасти, и ответ на вопрос о приоритетности онлайн-ресурсов для молодежи. Сайты и, особенно, социальные сети и мессенджеры не только транслируют информацию, но и предоставляют возможность прокомментировать,

высказать свое мнение и даже вступить в дискуссию с другими пользователями по поводу той или иной новости.

Таблица 2

Доверие россиян основным источникам новостной информации в зависимости от возраста, данные ФОМ, 2024 г., в% (Новостная информация..., 2024)

	Население в целом	18-30 лет	31-45 лет	46-60 лет	Старше 60 лет
Телевидение	38	17	23	46	58
Новостные сайты в интернете	23	33	28	23	12
Форумы, блоги, социальные сети, мессенджеры	17	33	22	13	4
Разговоры с родственниками, друзьями, знакомыми	11	15	13	11	8
Радио	7	3	8	8	8
Печатная пресса (газеты, журналы)	6	5	3	6	9
Другое	1	2	1	1	1
Нет источников информации, которым доверяю больше	25	26	28	26	21
Затрудняюсь ответить	4	5	5	2	4

Однако, помимо этого, имеет значение и уровень доверия тем или иным источникам. Согласно данным ФОМ, у представителей всех возрастных категорий населения России были зафиксированы сомнения в том, что каким-либо источникам информации можно доверять больше (от 21% до 28%). В целом, лидирующее место в этом списке занимает телевидение, однако молодежи, опять же, выводит на первую позицию интернет-сайты и социальные сети (более трети опрошенных) (табл. 2) (Новостная информация..., 2024).

Источники данных о политической сфере

Однако каково же место информации о политической ситуации в стране и мире среди всего потока новостных данных, получаемых представителями подрастающего поколения из разных источников?

Как следует из результатов социологического опроса, проведенного Фондом Общественное Мнение, половина россиян (50%) скорее следят за внешнеполитическими новостями, и практически столько же (48%) указали, что не проявляют интереса (еще 2% затруднились с ответом). Среди молодежи (респонденты в возрасте от 18 до 30 лет) только треть следят за внешней политикой России – 29%, а для 68% эта тематика оказалась безынтересной (Россия на международной арене..., 2024).

Источники информации жителей г. Таганрог о зарубежных странах в зависимости от возраста, данные ЮрФ ФНИСЦ РАН, 2023 г., в%

	Всего	18-24 лет	25-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60 лет и старше
Отечественные СМИ (ТВ, пресса, радио, интернет-сайты)	71,3	56	49,8	67,4	66,3	76,3	81,9
Иностранные СМИ (ТВ, пресса, радио, интернет-сайты)	20,3	27,2	26,1	27	17,8	21,8	13,9
Блогеры, паблики социальных сетей, интернет-форумы, видеохостинги	32,5	53	51,8	41,5	32,1	27	21,3
Рассказы друзей, родственников	21,6	28,4	40,3	22,9	20,1	16,9	18,6
Рассказы друзей, родственников, живущих за рубежом	16,7	18,1	19,2	19,1	14,8	13,6	17
Собственные наблюдения во время поездок по зарубежным странам	9,8	7,1	14,1	11,3	8,2	10,2	9,3
Другое	0,8	2,8	2,3	0,3	0,7	0,9	0,3
Затрудняюсь ответить	11,9	16,9	14,5	15,3	16,2	9,3	7,1

Помимо действий России на мировой арене одним из важнейших аспектов политической информации, получаемой молодыми людьми из различных каналов, выступают данные о зарубежных странах: их политических лидерах, особенностях их политической, социальной, культурной и экономической сфер. Именно на основе подобной информации у молодых россиян формируются представления о зарубежных государствах, их образ. В том числе, и образ «стран-врагов» и «стран-друзей». С этой целью обратимся к анализу результатов социологического исследования, реализованного ЮрФ ФНИСЦ РАН (табл. 3).

Как следует из представленных в таблице 3 данных, молодые люди обращаются, в своем большинстве, к отечественным средствам массовой информации (телевидению, печатной прессе, радио, интернет-сайтам), а также блогерам, пабликам в социальных сетях, различным интернет-форумам. Все эти каналы информации отметили около половины опрошенных представителей как младшей (18 – 24 лет), так и старшей (25 – 29 лет) когорт молодежи. Отметим, что здесь также нашел свое отражение коммуникативный аспект: рассказы друзей и родственников являются одним из важнейших каналов получения знаний о других странах прежде всего у молодежи, в особенности, у 25 – 29-летних – 40,3%. Именно у представителей именно этой возрастной когорты оказалось больше всего возможностей составить свое мнение о зарубежных государствах исходя из опыта личных поездок – 14,1%. Обращает на себя внимание и тот факт, что молодежь несколько чаще остальных возрастных групп черпает информацию о зарубежных странах из иностранных источников (телеканалы, газеты и журналы, радио, интернет-сайты).

Каким же образом те или иные каналы информации формируют представление молодежи о зарубежных государствах в условиях текущей геополитической повестки?

В ходе проведенного исследования было выявлено несколько любопытных тенденций. Первая. Нашло свое отражение проявление интереса к иностранным источникам. Отношение к некоторым мировым державам у молодых людей

формируется, во многом, исходя именно из этих каналов информации. Например, 14,5% молодежи в возрасте от 18 до 24 лет полагают, что КНДР представляют наибольшую опасность для человечества (еще практически столько же убеждены в этом на основании рассказов родственников, живущих за рубежом). Среди тех, кто черпает информацию из иностранных источников, больше всего назвавших Великобританию в качестве наиболее враждебной для России страны: 8,6% у 18 – 24-летних и 11,4% у 25–29-летних.

Вторая. Как отмечалось выше, у представителей молодого поколения оказалось больше всего опыта личных поездок, на основе которого они могли составить свое мнение о тех или иных государствах. Однако у разных возрастных когорт молодежи оказались разные предпочтения в выборе стран для посещения, что обусловило некоторую дифференциацию их мнений. Так, у представителей младшей возрастной категории Великобритания вызывает неприязнь в основном на основе личного опыта – 8,6% (тогда как среди старшей возрастной группы эту страну как объект антипатии называли только те, кто обращается к данным блогеров и социальных сетей – 3%). 17,1% среди 18–24-летних респондентов, бывавших за рубежом, отметили, что Германия является одной из наиболее враждебно настроенных к России стран (среди 25–29-летних такое мнение высказывали только молодые люди, обращающиеся к другим источникам информации – около 2%). Также заметная часть представителей младшей возрастной когорты, имеющая опыт зарубежных поездок, отмечают враждебность Латвии (17,1%), Польши (18,9%) и Эстонии (17,1%); среди 25 – 29-летних данные страны в ответе на этот вопрос не упоминались. При этом данные страны находятся далеко не в начале списка держав, которые не нравятся респондентам. А вот восприятие Белоруссии как самого надежного друга для Российской Федерации обусловлено личным опытом посещения, в первую очередь, у молодежи в возрасте от 25 до 29 лет – 68,9% (против 44,5% у тех, кто доверяет отечественным СМИ и 57,6% – блогерам и соцсетям). Тогда как в младшей возрастной группе, наоборот, положительное отношение к Белоруссии сформировано, в большей степени, средствами массовой информации (58,9%), нежели опытом зарубежных поездок (31,7%).

Третья. Можно сказать, что у представителей современной российской молодежи сформировался образ «страны-врага» в лице Соединенных Штатов Америки. Данная страна снискала наибольшую антипатию у респондентов, а также чаще остальных указывается в числе главных врагов России. Причем основой для неприязни, в большей степени, выступает именно политика США по отношению к нашему государству (Магранов, 2023). Однако формирование обозначенного образа несколько отличается у разных возрастных когорт молодежи и зависит от источников получаемой информации о ситуации в мире. Так, враждебный настрой Америки по отношению к РФ чаще отмечали молодые люди, узнающие новости из отечественных и иностранных СМИ, от блогеров и из социальных сетей (примерно 45% – 55% по всем источникам и у младшей, и у старшей возрастных когорт); тогда как личный опыт привел к такому мнению 36% в обеих группах молодых респондентов. А вот антипатия к Соединенным Штатам Америки как к государству сформировалась на основе личного опыта у 31,1% среди 18 – 24-летних и только у 10,1% среди 25 – 29-летних. На мнение респондентов в возрасте от 18 до 24 лет оказали заметное влияние отечественные (24,5%) и иностранные СМИ (29,6%); молодые люди в возрасте от 25 до 29 лет в большей степени сформировали свое негативное отношение к Америке на основании данных зарубежных источников – иностранные СМИ (17,3%) и рассказы родственников, живущих в других странах – 19,1%.

Источники информации молодежи о ходе СВО

Важнейшим событием последних лет на мировой геополитической арене стало начало специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины. За три года своего проведения СВО навсегда изменило ход мировой истории и судьбы не только России и Украины, но и всех стран, которые так или иначе оказались вовлечены в

этот конфликт. Каковы же основные источники, из которых молодые люди могут получить достоверную информацию о ходе событий СВО?

Как показали данные, полученные ЦСПИ ЮФУ осенью 2022 года в ходе анализа студенческих эссе, молодые люди испытывают определенные трудности в отношении доверия к тем или иным каналам информации – 22,7% затруднились с ответом на этот вопрос (рис. 1). У остальных респондентов наибольшее доверие вызывают данные о ходе СВО, транслируемые в интернет-изданиях (33%), на телевидении (23,6%) и в социальных сетях (15,8%). Значим и коммуникативной фактор: 14,8% доверяют информации, услышанной от родственников и друзей, а 11,8% считают, что правду можно узнать от тех, кто лично был в зоне боевых действий. Весьма удручает тот факт, что преподаватели в университете не являются для студентов доверенным источником данных (Социальное самочувствие..., 2024).

Рис. 1. Доверие студентов Ростовской области различным источникам информации о ходе СВО, данные ЦСПИ ЮФУ, 2022 г., в % (Социальное самочувствие..., 2024)

При этом вопрос о правдивости данных о специальной военной операции в СМИ, во многом, проясняет указанный выше показатель трудностей в определении наиболее доверенного источника информации. Только 13,8% полагают, что все транслируемые данные правдивы; 35% ответили, что большинство данных правда, остальное – ложь. Каждый пятый (20,2%) полагает, что в СМИ передается только ложная информация, а треть студентов (31%) не смогли в своих эссе дать однозначный ответ на этот вопрос. Стоит отметить, что 30,5% не смогли ответить на вопрос о том, чьи СМИ наиболее правдивы. Тем не менее, почти половина респондентов (45,3%) считают наиболее правдивыми российские средства массовой информации. Лишь 3% доверяют западным источникам, и всего 0,5% – украинским. При этом каждый десятый придерживается мнения, что «врут все», а еще 9,9% придерживаются позиции поиска «золотой середины» путем обращения ко всем источникам и сравнения полученных данных (Социальное

самочувствие..., 2024). Вероятнее всего, именно этим можно объяснить более выраженный интерес молодежи к иностранным СМИ, зафиксированный в исследовании ЮРФ ФНИСЦ РАН (о чем уже писалось выше).

Отметим, что фокус-группы со студентами вузов Ростовской области, реализованные ЦСПИ ЮФУ, подтвердили две из указанных выше тенденций. Во-первых, приоритетность для молодежи социальных сетей и мессенджеров (в особенности, Telegram), а также личного общения с людьми, которым они доверяют. Во-вторых, необходимость поиска истины через анализ различных источников информации:

***Студент:** Я смотрю со всех сторон. И украинские тг-каналы, и русские тг-каналы смотрю, на всех подписан, все мнения хочется посмотреть.*

***Студент:** Плюс, надо читать не только свои официальные источники информации, но также и зарубежные, сравнивать. Как это происходит: читаешь одно, читаешь второе, складываешь, делишь на 2 (Социальное самочувствие..., 2024, 139).*

Выводы

Формирование картины мира и роли нашей страны на глобальной политической арене у представителей современной молодежи во многом зависит от избираемых ими источников информации. Проведенный нами анализ позволил выделить ряд значимых факторов и особенностей выбора молодыми людьми новостных каналов. Во-первых, представители российской молодежи, преимущественно, отдают свое предпочтение цифровым источникам информации – Интернет-ресурсам, социальным сетям и мессенджерам (в особенности, Telegram), блогерам. Основная причина этого заключается не только в том, что нынешнюю молодежь называют «цифровым поколением» (см., например: Третьякова, 2021) ввиду их «погруженности» в цифровое пространство, но и в удобстве использования таких источников, и, что особенно важно, доверием к ним (Социальное самочувствие..., 2024, 132 – 133). Вероятнее всего, на выбор каналов получения информации о ситуации в стране и мире влияет и сам факт невысокого интереса к политике, фиксируемый у молодежи в различных исследовательских проектах. Также, было выявлено, что для молодых людей является значимым источником получения данных личное общение. Это объясняется, с одной стороны, доверием к личным контактам (в числе которых, в первую очередь, родственники и друзья), а с другой – потребностью в общении, являющейся одной из важнейших потребностей молодежи. Во-вторых, были зафиксированы различия в формировании представлений о других странах в зависимости от предпочитаемых каналов получения данных. К примеру, в отношении ряда государств была отмечена заметная дифференциация между теми, кто черпает информацию о них из СМИ, и теми, кто имеет личный опыт зарубежных поездок. В-третьих, представители современной российской молодежи обладают пониманием того, что в информационном пространстве достаточно много фейковых данных, в особенности касающихся актуального хода специальной военной операции. Молодые люди, зачастую, прибегают к поиску «золотой середины», обращаясь к разным источникам. Однако это, безусловно, не ограждает их полностью от риска получения недостоверных данных.

Сложившаяся ситуация требует принятия определенных мер, направленных на повышение интереса молодежи к политической сфере, а также формированию у них умений обращаться с получаемой информацией, отбирать только правдивые данные. И заметную роль в данном процессе должно сыграть высшее учебное заведение. Изучив роль внутривузовских СМИ в социализации студенческой молодежи, Ю.Ю. Новоскольцева и Е.А. Качанова подчеркивают, что «создавая правильную информационную среду, можно заложить некие основы для точного формирования ценностей, которые необходимы современному обществу» (Новоскольцева, Качанова, 2022, 82). Таким образом, необходимо развитие и использование потенциала внутривузовских средств

массовой информации, а также разработка и внедрение специализированных курсов, направленных на улучшение навыков молодежи по поиску данных в информационном пространстве. Особенно важным представляется повышение уровня доверия молодежи к вузу не только как источнику профессиональных знаний, но и информации, формирующей их мировоззрение.

Литература

- Ефлова, М.Ю.* Ценности молодежи в условиях цифровизации: поколенческий анализ / М.Ю. Ефлова, Ю.В. Виноградова, А.В. Витушкин // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – №6 (57). – С. 52 – 56. – <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.52-56>.
- Зинурова, Р.И.* Медиасфера современного российского студенчества: проблема доверия (на примере вузов республики Татарстан) / Р.И. Зинурова, А.Р. Тузиков // Управление устойчивым развитием. – 2024. – №3 (52). – С. 45 – 52. – https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_3_45.
- Зубок, Ю.А.* Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Вестник Института социологии. – 2018. – Том 9. – №4. – С. 170 – 191. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.546>
- Зуйкина, К.Л.* Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией / К.Л. Зуйкина, Д.В. Соколова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – №71. – С. 310 – 326. – <https://doi.org/10.17223/19986645/71/19>.
- Ивченков, С.Г.* Особенности выбора Интернет-СМИ в молодежной среде: региональный аспект / С.Г. Ивченков, А.А. Кошелев // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2016. – № 3 (56). – С. 97 – 105.
- Казаков, А.А.* Медийные факторы формирования идейно-ценностных оснований политического сознания современной молодежи / А.А. Казаков // Идейно-ценностные перспективы политического развития современной России: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. (Саратов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 20 мая 2022 г.) / под ред. А.А. Вилкова – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. – С. 53 – 59.
- Карпова, Н.В.* Электоральные установки и политические ориентации российской студенческой молодежи: социологический анализ / Н.В. Карпова // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – №4 (18). – С. 23 – 35.
- Козырев, Г.И.* «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2008. – №1(285). – С. 31 – 39.
- Котляров, И.В.* Социально-политическая ситуация как фактор цивилизационного кода / И.В. Котляров // Социологический альманах. – 2018. – №9. – С. 15 – 28.
- Магранов, А.С.* Восприятие молодежью зарубежных стран: образы «друзей» и «врагов» (на примере студенчества г. Таганрога) / А.С. Магранов // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 6(64). – С. 208 – 221. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.15>.
- Новоскольцева, Ю.Ю.* Развитие внутривузовских СМИ как инновационный проект социализации современной молодежи / Ю.Ю. Новоскольцева, Е.А. Качанова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2022. – №2. – С. 75 – 84. – <https://doi.org/10.22394/2304-3385-2021-4-75-84>.
- Новостная информация и телевидение // ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15104>.
- Попова, О.В.* Каналы получения политической информации российской молодежью: опыт межрегионального исследования / О.В. Попова // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. – Будапешт: Изд-во Selmecezi Bt.; Киров: ООО «Издательство «Радуга-Пресс», 2019. – С. 324 – 333.
- Попова, О.В.* Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа / О.В. Попова, Н.В. Гришин, С.И. Суслов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – №2. – С. 471 – 485. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485>.
- Россия на международной арене: оценка внешней политики // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Politika/15032>
- Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине: монография / под общ. ред. В.И. Филоненко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. – 335 с.
- Третьякова, В.С.* Цифровое поколение: потери и приобретения / В.С. Третьякова, Н.Г.

Церковникова // *Профессиональное образование и рынок труда*. – 2021. – №2. – С. 53 – 65. – <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.004>.

Устинкин, С.В. Отношение студенческой молодежи к власти и политике: на примере исследования мнений учащихся нижегородских вузов / С.В. Устинкин, А.И. Самсонов // *Технологии социально-гуманитарных исследований*. – 2023. – №4 (4). – С. 60 – 70.

References

Eflova M.Yu., Vinogradova Yu.V., Vitushkin A.V. Youth values in digitalization: generational analysis. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik = The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2022; 6 (57): 52 – 56. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2022.6.52-56> (In Russ.)

Zinurova R.I., Tuzikov A.R. The media sphere of modern Russian students: the problem of trust (using the example of universities in the republic of Tatarstan). *Upravlenie ustojchivym razvitiem = Sustainable development management*. 2024; 3 (52): 45 – 52. https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_3_45 (In Russ.)

Zubok Y.A., Chuprov V.I. Culture in the lives of young people: necessity, interest, value. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2018; 9 (4): 170 – 191. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.546> (In Russ.)

Zuykina K.L., Sokolova D.V. Fake News: Can Young People Distinguish Fact from Fiction? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*. 2021; 71: 310 – 326. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/19> (In Russ.)

Ivchenkov S.G., Koshelev A.A. Features of choice of online media among young people: a regional perspective. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura = «P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.)*. 2016; 3 (56): 97 – 105. (In Russ.)

Kazakov A.A. Media factors for the formation of the idea and value bases of political consciousness of modern youth. *Idejno-cennostnye perspektivy politicheskogo razvitiya sovremennoj Rossii = Ideological and value perspectives of the political development of modern Russia. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. (Saratov, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, May 20, 2022)*. Saratov: Publishing house «Saratov source»; 2022: 53 – 59. (In Russ.)

Karpova N.V. Electoral and political orientations of Russian students: sociological analysis. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Power*. 2020; 4 (18): 23 – 35. (In Russ.)

Kozyrev G.I. «Enemy» and «enemy image» in social and political relations. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2008; 1(285): 31 – 39. (In Russ.)

Kotlyarov I.V. Socio-political situation as a barometer of the civilizational code. *Sotsiologicheskij almanah = Sociological Almanac*. 2018; 9: 15 – 28. (In Russ.)

Magranov A.S. Perception of foreign countries by young people: images of «friends» and «enemies» (on the example of Taganrog students). *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023; 12; 6 (64): 208 – 221. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.15>. (In Russ.)

Kachanova E.A., Novoskoltseva Yu.Yu. Intra-university youth media development as an innovative project of modern youth socialization. *Municipalitet: ekonomika i upravlenie = Municipality: Economics and Management*. 2022; 2: 75–84. (In Russ.)

News information and television. Official portal of FOM. Available at: <https://fom.ru/SMI-i-internet/15104> (In Russ.)

Popova O.V. Channels of obtaining political information by Russian youth: the experience of interregional research. Politics and culture: problems of interaction in the modern world. *Budapesht: Izdatelstovo Selmechi Bt; Kirov: OOO "Izdatel'stvo "Raduga-Press" = Budapest: Selmechi Bt. Publishing House; Kirov: Raduga-Press Publishing House, LLC; 2019: 324 – 333*. (In Russ.)

Popova O.V., Grishin N.V., Suslov S.I. The politization of the mass consciousness of the Russian youth in 2022: Possibilities of evaluation on the basis of statistical analysis. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2023; 25(2): 471 – 485. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485> (In Russ.)

Russia in the international arena: an assessment of foreign policy. Official portal of FOM. Available at: <https://fom.ru/Politika/15032> (In Russ.)

Social well-being and the attitude of students to the special military operation of the Russian Federation in Ukraine. Ed. by V.I. Filonenko. *Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2024; 335 p.* (In Russ.)

Tretyakova V.S., Tserkovnikova N.G. Digital generation: losses and gains. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda = Vocational Education and Labour Market*. 2021; 2: 53 – 65. <https://doi.org/10.52944/PORT.2021.45.2.004> (In Russ.)

Ustinkin S.V., Samsonov A.I. The attitude of the student youth towards the government and politics: using the example of the study opinions of students of Nizhniy Novgorod universities. *Tekhnologii social'no-gumanitarnyh issledovanij = Technologies of social and humanitarian research*. 2023; 4 (4): 60 – 70. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 10.08 2025

Дата окончания рецензирования: 07.09.2025

Дата принятия к публикации: 10.09.2025

Информация об авторе

Магранов Алексей Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: alex_daredevil@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Magranov Aleksei Sergeevich – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Researcher, Center for Socio-political studies, Southern Federal University; Leading researcher, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: alex_daredevil@mail.ru

The author declares no conflict of interests

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 316.344.34:378.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.4>

EDN QCUICY

Валидность количественных показателей как управленческого инструмента в высшей школе**Галина С. Денисова¹**¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: gsdenisova@sfedu.ru**Анна А. Беспалова²**² Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: anna_isir@mail.ru**Аннотация**

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что основным управленческим инструментом оценки эффективности высшей школы является работа по количественным показателям. Необходимо понять: насколько такая методика способна объективно отражать социальную значимость достигаемых научных и образовательных результатов. Если данный инструмент не обладает признаками валидности, то имеет смысл подумать над его заменой на более адекватную управленческую модель. Цель данной статьи: установить пригодность управления высшей школой на основе количественных показателей в свете целеполагания ее результатов.

Методы. Методологические основы определены с использованием работ, написанных в концептуальных границах менеджеристского подхода. Прикладное исследование построено в опоре на два метода: массовый опрос преподавателей и анализ документов.

Результаты и их обсуждение. Авторы пришли к выводу, что работа в условиях менеджеристской модели управления, которая зиждется на признании количественных показателей как допустимых инструментов для оценки эффективности управления университетом, способствует имитации как научной, так и образовательной деятельности. Количественные показатели искажаются по причине воздействия двух групп факторов: объективных и субъективных. Объективно это предопределено отсутствием должного объема ресурсов, иными словами, внутреннего потенциала. Субъективно – высокой степенью значимости результата. В последнем случае возникает дилемма: либо быть честным и потерять всё, либо исказить результаты и получить желаемое. Второй путь, и здесь мы солидаризуемся с Д. Кэмпбеллом, более вероятен. Объективные и субъективные факторы переплетаются между собой и способны действовать солидарно. Но из этого вовсе не следует, что в условиях менеджеризма ресурсно-обеспеченный преподаватель непременно откажется от искажения результатов. Фальсификации обеспечивают более короткий путь к достижению цели. А это значит, что работа по показателям в высшей школе не может быть признана валидным управленческим инструментом.

Ключевые слова: менеджеризм; количественные показатели; цели образования; искажения результатов; высшая школа; университет; преподаватели; валидность результатов.

Для цитирования: Денисова Г. С., Беспалова А.А. (2025). Валидность количественных показателей как управленческого инструмента в высшей школе. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 49-56. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.4>

The validity of quantitative indicators as a management tool in higher education

Galina S. Denisova¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: gsdenisova@sfnedu.ru

Anna A. Bespalova²

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: anna_isir@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the choice of work on quantitative indicators as a universal means for measuring the managerial efficiency of educational organizations of higher education. It is necessary to understand how such a technique is really able to objectively reflect the social significance of the results achieved. If this tool does not have signs of validity, then it makes sense to think about replacing it with a more adequate managerial model. The purpose of this article is to establish the suitability of managing higher education based on quantitative indicators in light of the goal-setting of its results.

Methods. The methodological framework is based on the works written within the conceptual boundaries of the managerial approach. The applied research is based on two methods: a mass survey of teachers and document analysis.

Results and its discussion. The author concluded that working under a managerial management model, which is based on the recognition of quantitative indicators as acceptable tools for evaluating the effectiveness of university management, contributes to the imitation of both scientific and educational activities. Quantitative indicators are distorted due to two factors. Objectively, this is predetermined by the lack of sufficient resources, or in other words, internal potential. Subjectively, it is a high degree of significance of the result. In the latter case, there is a dilemma: either to be honest and lose everything, or to distort the results and get what you want. The second option, and here we agree with D. Campbell, is more likely. Objective and subjective factors are intertwined and can act in solidarity. However, this does not mean that a resource-rich teacher will necessarily refuse to distort the results in a managerial environment. Falsification provides a shorter path to achieving the goal. This means that performance management in higher education cannot be considered a valid management tool.

Keywords: managerialism; quantitative indicators; educational goals; distortion of results; higher education; university; teachers; validity of results.

For citation: Denisova G. S., Bespalova A.A. (2025). The validity of quantitative indicators as a management tool in higher education. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 49-56. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.4>

Введение

Количественные показатели в настоящее время применяются как главный способ оценки эффективности работы преподавателей высшей школы. Их выполнение в соответствии с заданными параметрами свидетельствует о том, что конкретная образовательная организация высшего образования успешна по основным направлениям своей деятельности и может в дальнейшем рассчитывать на финансирование от государства. Сегодня это является обязательным условием сохранения контингента студентов и преподавательского корпуса. Государство определяет такие «правила игры», в соответствии с которыми масштабы научной деятельности в вузах, качество образования и характер воспитательной работы устанавливаются в нормативном порядке. Подобная практика означает отказ от инструментов управленческой регуляции, создаваемых самим академическим сообществом, в пользу тех из них, которые утверждают уполномоченные органы государственной власти. Внутреннее самоуправление уступает место внешнему контролю. Он проводится так, что количественные показатели постепенно превращаются в некую самоценность, где инструменты во многом подменяются

реальными управленческими целями.

Подмену целей средствами мы позиционируем как социальную проблему, которую в представленной статье заявляем в качестве предметной сферы данного исследования. Цель – это желаемый результат, который обладает некоторой ценностью для участников социальных отношений. Средства – это способы достижения цели. В отношении количественных показателей можно сказать, что они полностью заменили собой целевые ориентиры. В современной социологии о показателях в формате KPI пишут достаточно много ученых. В их числе можно упомянуть о Е.В. Романове (сопоставляет количественные показатели с концепцией академического капитализма) (Романов, 2023), М.В. Курбатовой и И.В. Доновой (оценивают перспективы реализации в университетах модели управления по эффективным контрактам) (Курбатова, Донов, 2019), О.Б. Томилине (связывает смыслы введения KPI с менеджеристским управлением и формированием salariata и прекариата) (Томилин, 2024), Р.Г. Исянова (изучает масштабы цифровизации высшего образования) (Исянов, 2025) и др. Однако в науке недостаточно внимания уделяется вопросу оценки роли количественных показателей в контексте дихотомии «цели / средства». С учетом сказанного цель данной статьи определяется как установление пригодности управления высшей школой на основе количественных показателей в свете целеполагания ее результатов.

Методология и методы

Теоретический каркас работы выстраивается в рамках менеджеристской управленческой модели, разработанной западными социологами с целью замены веберовской модели рациональной бюрократии. Теоретические постулаты менеджеризма во многом выводились из тех реально сложившихся управленческих практик, которые стали широко использовать в публичной политике с середины 80-х годов прошлого столетия в некоторых англосаксонских странах. Упрощая ряд конструкций, основные их положения вполне допустимо свести к следующим тезисам: 1) государство должно жить по средствам; 2) чиновники и все другие бюджетно-зависимые профессионалы должны научиться зарабатывать деньги; 3) штат всех государственных организаций, включая университеты, должен быть существенно сокращен, а любые расширения, необходимые для поддержки науки и образования, следует осуществлять на внебюджетные ресурсы, заработанные самими организациями; 4) необходимо активизировать все виды профессиональной деятельности, прежде всего, связанные с вероятной монетизацией достигнутых результатов, что станет возможным через активное и повсеместное стимулирование конкуренции между персоналом (преподавателями и учеными) (Carr, 1999). В этой конструкции количественные показатели выступают индикаторами измерения профессиональной успешности и состоятельности. Их пригодность выполнять предписанную им роль на данном этапе можно признать спорной. Доказывая уязвимость показателей к искажениям, мы также будем опираться на концепцию Д. Кэмпбелла, утверждавшего, что, когда показатели из средства превращаются в цель, они неизбежно искажаются (Campbell, 1976).

Для верификации теоретических постулатов использовались вторичные данные массового опроса, проведенного В.В. Ковалевым и А.В. Дятловым в порядке реализации государственного задания «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9). Авторами было опрошено по репрезентативной выборке 958 преподавателей в семи субъектах юга России (Ковалев, Дятлов, 2024). Дополнительно осуществлялся анализ базовых документов федеральных органов власти, принятых для регулирования управления на основе количественных показателей. Кроме того, привлекались локальные нормативные акты отдельных университетов, устанавливающие правила для индивидуальных рейтингов профессорско-

преподавательского состава.

Результаты исследования

Закон Кэмпбелла гласит: если количественные показатели связаны со слишком высокими ставками, то они начнут неизбежно искажаться. Ученый не указывает на то, в какой мере будут производиться искажения и насколько они способны оказывать разрушительные воздействия на ту организацию, в которой количественные показатели применяются. Очевидно, этот момент необходимо учитывать индивидуально и всегда с четко определенными по правилам социологии эмпирическими индикаторами. Но то, что искажения в какой-либо степени будут всегда, Д. Кэмпбелл не сомневается. Здесь работает простой принцип, реализуемый в свое время ещё в ордене иезуитов в борьбе с еретиками, вероотступниками и иноверцами, – цель оправдывает средства. У Игнатия Лойолы, основателя ордена, такие допущения оправдывались благородством цели; в наше время достаточно просто отталкиваться от осознания их повышенной значимости. Высокая релевантность цели с высокой степенью вероятности определяет абсолютный релятивизм средств.

Но это теория. Концепция Д. Кэмпбелла сложилась при оценке социальных практик, реализуемых в процессе искажения баллов успеваемости, если они позиционировались как инструмент, обеспечивающий возможность поступления в высшее учебное заведение. В нашем случае речь идет о количественных показателях, на основе которых оценивается управленческая эффективность университетов как образовательных организаций, финансируемых государством. Высока ли их цена как средств достижения цели? Безусловно. Ценность КРІ имеет чрезвычайно высокую степень значимости для всех направлений функционирования высшей школы России. Во-первых, от достижения количественных показателей зависит получение премиальных сумм руководителями этих организаций. Так, в соответствии с Приказом от 8 июля 2024 г. №441 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений», установлены пятнадцать показателей, измеряемых в баллах и процентах, достижение которых обеспечивает высокую прибавку к должностному окладу ректора университета. Это означает, что уровень дохода руководителя, его финансовое благополучие поставлено в прямую зависимость от выполнения количественных показателей. Поэтому у него имеется заинтересованность в стимулировании ППС на интенсификацию производственной деятельности.

Во-вторых, все преподаватели фактически переведены на эффективные контракты. Так, в Южном федеральном университете эффективные контракты и индивидуальные рейтинги находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Они содержат экономический и административный аспекты в структуре выполнения КРІ. Административный проявляется в том, что для получения права претендовать на академическую должность необходимо набрать определенное количество баллов. То есть достичь нижнего порогового барьера. Для профессора – 60 баллов, для доцента – 45 баллов. Всё, что набрано свыше, трансформируется в экономический аспект, т.к. выступает основой для материального поощрения. Итоговая сумма производится как результат умножения баллов свыше обязательных для академической должности на номинальную стоимость одного балла. Таким образом, преподаватели, как и ректор, экономически заинтересованы в высоких показателях.

В-третьих, весь топ-менеджмент университетов (ректор, руководители структурных подразделений) находятся на эффективных контрактах, невыполнение которых фактически выступает основанием для прекращения трудовых отношений по

причине неэффективности управляемых ими организаций (подразделений). Стало быть, выполнение показателей – мощный фактор, побуждающий руководителя совершать управленческие действия с оглядкой на перспективы сохранения рабочего места. Это, в известном смысле, ещё более серьезный стимул исполнить показатели по предписанным параметрам. То же самое касается и преподавателей: недостижение результата (в ЮФУ – отсутствие должного количества баллов для нижнего порога) может стать основанием для недопуска на конкурс замещения вакантных должностей ППС.

В-четвертых, сами университеты как объекты управления тоже не могут рассчитывать на государственное финансирование, если не выполняют показатели. В подтверждение можем сослаться на Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 28 августа 2023 г. № 824 «Об утверждении Порядка проведения конкурса по распределению контрольных цифр приема по специальностям и направлениям подготовки...». В нем говорится о том, что на конкурс, на котором распределяется объем контрольных цифр приема (КЦП) обучающихся (бакалавров, магистрантов, аспирантов), по которым государство гарантирует финансирование, допускаются лишь те укрупненными группы образовательных направлений, которые набрали установленный минимум баллов в порядке межвузовской конкуренции по итогам за предыдущий образовательный год.

Таким образом, мы располагаем по меньшей мере четырьмя значимыми причинами, которые Д. Кэмпбеллом могли быть расценены как релевантные факторы для искажения количественных показателей. Следовательно, теоретически продекларированная вероятность подтверждается посредством обращения к нормативным актам, принятым уполномоченными органами государственной власти. Однако готовность ППС к искажению результатов своей профессиональной деятельности может иметь значение, как фактор, влияющий на управление университетами, лишь в том случае, если не будут достигаться цели управления или станут достигаться с серьезными дефектами, которые могут поставить под сомнение социальную ценность достигнутых результатов. Этот аспект проблемы коррелирует с заявленной целью данной статьи: установление пригодности управления высшей школой на основе количественных показателей в свете целеполагания ее результатов. Целевые приоритеты у высшей школы согласуются с тремя ведущими векторами профессиональной деятельности ее акторов: образованием, наукой и воспитанием. Чтобы проверить значимость работы по показателям для заявленных выше первых двух целей, обратимся к эмпирическим данным, полученным В.В. Ковалевым и А.В. Дятловым.

Таблица 1.

**«Существует ли практика завышения оценок обучающимся?»
(любое количество ответов), % (Ковалев, Дятлов, 2024, с. 862)**

Существует ли практика завышения оценок обучающимся?	Результаты
1. Да, низкие оценки не выгодно ставить из-за привязки объёма ставок к контингенту обучающихся	34,2
2. Да, оценки часто завышаются по просьбам студентов	15,0
3. Да, оценки иногда завышаются ради рейтинга преподавателей	13,9

4. Да, оценки завышаются ради роста показателей по качеству образования	15,2
5. Да, оценки завышаются из-за давления руководства	17,7
6. Нет, оценки в основном отражают реальный уровень знаний студентов	49,7

В качестве индикатора выбрано такое социальное действие, как оценивание образовательных успехов обучающихся. Как видно, чуть больше половины преподавателей указали на факт завышения оценок студентам, что в тех или иных проявлениях связывается с работой на показатели. Едва ли эти цифры репрезентуют ситуацию так, как она есть. И это означает, что масштаб проблемы можно представить лишь приблизительно. Однако точность результатов по данному вопросу едва ли вообще возможна. Мы можем лишь предполагать, что в реальности процент тех, кто завышает оценки, намного больше. Вряд ли преподавателям есть смысл оговаривать коллег, но, безусловно, у респондентов имеются мотивы скрывать отсутствие объективности в оценке полученных знаний. Для нас же важно понимать тенденции, возникающие под влиянием разных форм КРІ. А они указывают на то, что общество с высокой степенью вероятности получает недоучившихся выпускников, т.к. их объективное оценивание невыгодно в условиях действующей управленческой модели. На практике это ведет к снижению качества профессионального обучения, а значит деформирует одну из целей высшей школы.

Те же проблемы возникают применительно к реализации научной деятельности в университетах.

Таблица 2.

**«Все ли преподаватели способны продуктивно заниматься наукой?»
(не более трех вариантов ответа) (Ковалев, Дятлов, 2024, с. 859)**

Все ли преподаватели способны продуктивно заниматься наукой?	Результаты
1. Нет, большинство преподавателей ориентировано на образовательную деятельность	49,9
2. Нет, в образовательных учреждениях наукой, имеющей социальную полезность, всегда занимались немногие	35,2
3. Нет, ученых, способных внести вклад в развитие науки, всегда было немного	37,4
4. Да, вслед за развитием массового образования и наука стала массовой	4,7
5. Да, для продуктивного занятия наукой нужно создать справедливое премирование за показатели	13,3
6. Да, большинство преподавателей имеют достаточный уровень способностей, чтобы вносить	12,9

Работа на показатели затрагивает научную деятельность в большей степени, чем образовательную. Поэтому администрация образовательных организаций старается всемерно стимулировать обращение профессорско-преподавательского состава к фундаментальным и прикладным исследованиям. От этого, как уже писалось выше, зависят карьеры управленцев, их личные доходы и масштабы финансирования конкретного университета государством. Однако проведенный опрос показал, что четкую привязку к допустимости работать на показатели и продуктивной научной деятельностью видят лишь 13.3% из опрошенных. В остальном позиционируются риски получения имитационных результатов. Действительно, если большинство преподавателей не занимались наукой в доменеджеристский период, если у большинства нет соответствующих способностей, то искусственное понуждение к этому, даже благодаря стимулированию через денежные вознаграждения за рост показателей, объективно приведет к созданию околонуучных симулякров.

Заключение

В качестве итогового вывода можно отметить, что работа в условиях менеджеристской модели управления, которая зиждется на признании количественных показателей как одного из ключевых инструментов для оценки эффективности управления университетами, способствует распространению имитационных практик как в научной, так и образовательной деятельности. Количественные показатели искажаются вследствие двух факторов. Объективно это предопределено отсутствием должного объема ресурсов, иными словами, внутреннего потенциала. Субъективно – высокой степенью значимости результата. В последнем случае возникает дилемма: либо быть честным и потерять возможности, либо исказить результаты и получить желаемое. Второй путь, и здесь мы солидаризуемся с Д. Кэмпбеллом, более вероятен. Объективные и субъективные факторы переплетаются между собой и способны действовать солидарно. Но из этого вовсе не следует, что в условиях менеджеризма ресурсно-обеспеченный преподаватель непременно откажется от искажения результатов. Фальсификации обеспечивают более короткий путь к достижению цели. А это значит, что работа по показателям в высшей школе не может быть признана валидным управленческим инструментом.

Литература

- Исянов, Р.Г. Показатели достижения цифрового образования в высшей школе с 2022 по 2025 гг. / Р.Г. Исянов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – №03/2. – С. 91-94. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.03-2.24>
- Ковалев, В.В. Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Oriental Studies. – 2024. – Т. 17. – №4. – С. 849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>
- Курбатова, М.В. Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта / М.В. Курбатова, И.В. Донова // Journal of Institutional Studies. – 2019. – Т. 11. – №2. – С. 122-145. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145>
- Романов, Е.В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» / Е.В. Романов // Вопросы экономики. – 2023. – №2 – С. 100-115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115>
- Томили, О.Б. Тупики университетского менеджериализма: концептуальный анализ / О.Б. Томили // Университетское управление: практика и анализ. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 125-143. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.01.009>

Campbell, D. Assessing the Impact of Planned Social Change / D. Campbell // Occasional Paper Series. Paper. – 1976. – №8. – 70 p.

Carr, F. The Public Service Ethos: Decline and Renewal / F. Carr // Public Policy and Administration. – 1999. – Vol. 14. – №4. – P. 3–14.

Reference

Campbell D. Assessing the Impact of Planned Social Change. *Occasional Paper Series. Paper.* 1976; 8, 70 p.
Carr F. The Public Service Ethos: Decline and Renewal. *Public Policy and Administration.* 1999; 14; 4: 3–14.

Isyanov R.G. Indicators of Digital Education Achievement in Higher Education from 2022 to 2025. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities.* 2025; 03/2: 91-94. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.03-2.24>. (In Russ.)

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Professional Culture of Teachers in the Context of Managerial Management (Based on the Example of Universities in Southern Russia). *Oriental Studies.* 2024;17(4): 849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>. (In Russ.)

Kurbatova M.V., Donova I.V. An Effective Contract in Higher Education: Results of the Project Implementation. *Journal of Institutional Studies.* 2019; 11(2):122-145. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145>. (In Russ.)

Romanov E.V. Publication Activity of Russian Universities: From «Academic Capitalism» to «Academic Socialism». *Voprosy Ekonomiki = Economic issues.* 2023; 2: 100-115. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115>. (In Russ.)

Tomilin O.B. Dead Ends of University Managerialism: A Conceptual Analysis. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis.* 2024; 28(1): 125-143. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.01.009>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 08.08 2025

Дата окончания рецензирования: 10.09.2025

Дата принятия к публикации: 12.09.2025

Информация об авторах

Денисова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, профессор Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: gsdenisova@sfedu.ru

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: anna_isir@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Galina Sergeevna Denisova – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: gsdenisova@sfedu.ru

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: anna_isir@mail.ru

The authors declare no conflict of interests

Научная статья

УДК 316.344.34:378.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.5>

EDN SNGRZA

**Эволюция аспирантской подготовки научно-педагогических кадров
в оценках российских социологов****Ксения М. Богомазова¹**

¹ Шахтинский автодорожный институт (филиал) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова

e-mail: kseniabogggomazovaa@gmail.com

Аннотация

Введение. Аспирантура является важнейшим институтом, который обеспечивает воспроизводство научно-педагогических кадров для высших учебных учреждений. От его работы зависит наличие преемственности в передаче профессионального опыта, знаний и мастерства для новых поколений приходящих в науку молодых ученых. Последовательность, эффективность, бесперебойность данного процесса – это залог успешного функционирования науки и образования в российском обществе. Между тем аспирантская подготовка в настоящее время по мнению значительной части ученых весьма далека от совершенства. Цель исследования: типология основных этапов развития аспирантуры в свете сложившегося научного дискурса по аспирантской подготовке.

Методы. В статье применяются общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения, сопоставления, обобщения, на основе чего реализуется процедура типологии научного дискурса, возникшего вокруг проблем развития современной аспирантуры.

Результаты. Выделено три исторических типа аспирантуры. Первый назван классической аспирантурой. Отличительными чертами этой аспирантуры являются модель наставничества, полная ответственность научного руководителя за эффективность, сведение образовательной компоненты к предметам кандидатского минимума, обязательность защиты диссертации. Второй тип аспирантуры – образовательный. Его главные особенности проявляются в отказе от обязательности защиты кандидатской диссертации, структурированной образовательной компоненте, реализации контрольных функций в соответствии с ФГОСами, перенесении ответственности за эффективность перед государством на образовательную организацию. Третий тип аспирантуры – компромиссный, возник под воздействием ожесточенной критики реформы 2013 г. со стороны научного сообщества. Аспирантура по-прежнему остается последней образовательной ступенью, аспиранты изучают множественные факультативные учебные курсы, ответственность за эффективность возлагается на образовательные организации, но при этом возвращена цель обязательности защиты диссертации, которая теперь стала единицей измерения эффективного управления.

Ключевые слова: аспирантура; аспирантская подготовка; научно-педагогические кадры; цель аспирантуры; кризис аспирантуры; аспиранты; научные руководители.

Для цитирования: Богомазова К.М. (2025). Эволюция аспирантской подготовки научно-педагогических кадров в оценках российских социологов. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 57-66. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.5>

The evolution of postgraduate training of scientific and pedagogical staff in the assessments of Russian sociologists

Ksenia M. Bogomazova¹

¹ Shakhty Automobile Institute (branch) Platov South Russian State

Polytechnic University (NPI)

e-mail: kseniabogggomazovaa@gmail.com

Abstract

Introduction. Postgraduate studies are the most important institution that ensures the reproduction of scientific and pedagogical personnel for higher educational institutions. The continuity in the transfer of professional experience, knowledge and skills for new generations of young scientists coming to science depends on its work. Consistency, efficiency, and continuity of this process are the key to the successful functioning of science and education in Russian society. Meanwhile, postgraduate training is currently, according to a significant number of scientists, very far from perfect. The purpose of the study: typology of the main stages of postgraduate development in the light of the established scientific discourse on postgraduate training.

Methods. The article uses general scientific methods of analysis and synthesis, comparison, juxtaposition, generalization, on the basis of which the procedure for the typology of scientific discourse that has arisen around the problems of the development of modern postgraduate studies is implemented.

Results. Three historical types of postgraduate studies are identified. The first is called classical postgraduate study. The distinctive features of this postgraduate program are the mentoring model, full responsibility of the supervisor for efficiency, reduction of the educational component to the minimum subjects of the candidate's degree, and mandatory defense of the dissertation. The second type of postgraduate program is educational. Its main features are the refusal to make the candidate's dissertation mandatory, a structured educational component, the implementation of control functions in accordance with the Federal State Educational Standards, and the transfer of responsibility for efficiency to the state to the educational organization. The third type of postgraduate program is a compromise one, which arose under the influence of fierce criticism of the 2013 reform by the scientific community. Postgraduate program still remains the last educational stage, postgraduate students study multiple optional courses, responsibility for efficiency is assigned to educational organizations, but at the same time the goal of mandatory dissertation defense has been returned, which has now become a unit of measurement for effective management.

Key words: postgraduate program; postgraduate training; scientific and pedagogical personnel; the purpose of postgraduate program; crisis of postgraduate program; postgraduate students; scientific supervisors.

For citation: Bogomazova K.M. (2025). Evolution of postgraduate training of scientific and pedagogical personnel in the assessments of Russian sociologists. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 57-66. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.5>

Введение

Аспирантура является важнейшим институтом, который обеспечивает воспроизводство научных и научно-педагогических кадров для высших учебных учреждений. От его работы зависит наличие преемственности в передаче профессионального опыта, знаний и мастерства для новых поколений приходящих в науку молодых ученых. Последовательность, эффективность, бесперебойность данного процесса – это залог успешного функционирования науки и образования в российском обществе. Между тем аспирантская подготовка в настоящее время по мнению значительной части ученых весьма далека от совершенства. М.А. Кашина указывает на бесцельность аспирантуры (Кашина, 2020), А.М. Марголин и Р.М. Мельников говорят о засилье формализованных процедур (Марголин, Мельников, 2018), С.Д. Резник и И.С.

Чемезов обращают внимание на неспособность научных руководителей оказывать необходимую помощь обучающимся (Резник, Чемезов, 2018), С.В. Бобрышев и Н.И. Джегутанова фиксируют резкое снижение мотивации аспирантов к научной деятельности (Бобрышев, Джегутанова, 2018), Н.В. Рыбаков, М.Б. Сапунов и Б.И. Бедный отмечают неготовность аспирантуры выступать в статусе воспроизводства профессиональных кадров для высокотехнологичной индустрии (Рыбаков, Сапунов, Бедный, 2017). Перечень проблем, о которых пишут эти и другие авторы на самом деле не исчерпывается перечисленными проблемами. Их намного больше. Следовательно, аспирантура переживает системный кризис, который проявляется в многочисленных дисфункциях, имеющих разную степень выраженности и актуальности.

Опираясь на сказанное, существует настоятельная потребность установить нечто главное, что является первоосновой, базовым источником, вследствие которого происходит деградация аспирантуры как социального института. Чтобы установить это, цель данного исследования определяется как типология основных этапов развития аспирантуры в свете сложившегося научного дискурса по аспирантской подготовке.

Методы исследования

В статье применяются общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения, сопоставления, обобщения, на основе чего реализуется процедура типологии научного дискурса, возникшего вокруг проблем развития современной аспирантуры.

Результаты исследования и обсуждение

Аспирантура начала создаваться как социальный институт в начале 20-х гг. XX в. (Васильев, 2005). Ее изначальная цель заключалась в обеспечении молодой советской науки новыми кадрами, в которых был значительный дефицит из-за оттока научного сообщества за границу. Процесс создания аспирантуры растянулся на несколько десятилетий – до 1962 г., когда были приняты итоговые нормативные акты, регулирующие аспирантскую подготовку вплоть до распада СССР. Вместе с исчезновением советского государства основные принципы, на базе которых функционировала аспирантура, сохранялись ещё некоторое время, а точнее – до 2013 г. Неизменной целевой установкой всё время сохранялось обязательство защитить диссертацию. Впрочем, каких-либо санкций, за исключением общественного порицания научного руководителя, не существовало. Индивидуальные планы аспирантов контролировались научными руководителями, а образовательная подготовка велась только по тем предметам, по которым обучающимся предстояло сдавать кандидатские экзамены. (Цеховой, 2012).

Данный исторический тип аспирантуры получил название наставнический. Он свойственен не только советской высшей школе. В те годы он получил широкое распространение во всём мире. Механизмы его действия были построены по принципу «делай как я», поскольку подготовка научных кадров строилась на идентификации лучших образцов профессионального поведения, которые являли собой научные руководители в лице ведущих профессоров. До принятия ныне действующего федерального закона «Об образовании» наставническая модель без существенных изменений была частью и российского высшего образования (Ковалев, 2024).

Массовизация аспирантской подготовки и резкое снижение числа защит относительно количества поступивших поставили вопрос о необходимости поисках новых, формализованных критериев эффективности. Таким критерием были выбраны защита выпускных квалификационных работ (ВКР) на основе научного доклада. Успешная защита обеспечивала годную и готовую к массовому применению единицу измерения эффективности. Основной сферой занятости аспирантов оказалась образовательная деятельность. Отсюда второй исторический тип аспирантуры получил наименование образовательный. Проведенная реформа была в строгом смысле слова бюрократической

и реализованной для удобства бюрократии. Естественно, научная общественная выступила против подобного типа аспирантуры.

Критикуя аспирантскую реформу, значительная часть учёных всё же исходила из убежденности, что в новых условиях наставническая модель в своем «чистом» виде обеспечивать нужный результат уже не сможет. А.И. Нефедова, в частности, связывает это с процессами массовизации, возникновения ценностей «академического капитализма» и «предпринимательского университета», что, вне всяких сомнений, оказывает на аспирантуру определенное воздействие (Нефедова, 2015). Термин академический капитализм нам представляется не очень удачным, поскольку он построен на случайном сопоставлении не связанных между собой понятий и по сути своей является оксюмороном. Процессы массовизации и коммерциализации точнее отражали бы характер институциональных изменений в аспирантуре, но под них нужно подводить более основательную теорию, чем это сделано в сложившемся дискурсе.

М.А. Капшутарь связывает проведение реформы с необходимостью достроить институт аспирантуры под уже реализованные преобразования на других уровнях высшего образования, что выглядит, по нашему мнению, вполне логично (Капшутарь, 2018). Однако далее автор пишет, что в новых условиях социально-экономического развития и образовательных трендов, задаваемых на Западе, аспирантура начинает работать на саму себя в отрыве от реальных задач общества, науки и образования. Вывод, по меньшей мере, спорный, поскольку прямой корреляции между целями социально-экономического развития общества и целями аспирантуры не существует, а ссылка на западные реформы после того, как многие из них показали свою полную несостоятельность, не выглядит императивом, которому нужно слепо следовать в преобразовательной деятельности.

Последовательным сторонником реформ аспирантуры выступает Б.И. Бедный. В своих работах (в некоторых – с соавторами) он выдвигает идею о создании разных типов аспирантур с целями, отражающими те социальные потребности, которые реализуемая аспирантская подготовка удовлетворяет. Поэтому переход на образовательные стандарты, в целом, им принимается, но отклоняется их унифицированность (Терентьев, Бедный, 2020). И.Б. Бедный и его соавторы позитивно отнеслись к упразднению модели наставничества и переходу к аспирантской подготовке на основе ФГОСов. Однако их понимание того, зачем требуется менять целевые приоритеты и отказываться от наставничества вызывает ряд вопросов. Массовизация, интернализация и востребованность выпускников за пределами академического сообщества сами по себе не способны снижать или повышать качество работы аспирантуры, если не создать соответствующие условия, при которых аспирантура станет органической частью трёх заявленных процессов. По нашему мнению, от массовизации аспирантуру нужно закрывать. Это элитный клуб исключительно для способных заниматься наукой. Интернализация имеет очень несущественное влияние на высшее образование в региональных вузах. Скорее только в отрицательном контексте. Востребованность же аспирантов на рынке труда вне академической среды тоже сомнительна, т.к. вряд ли работодателям жизненно необходимы сотрудники с кандидатской степенью. Решающее значение для них всегда имеет профессионализм.

Вышеназванные аргументы о необходимости трансформации аспирантуры дополняются возникновением в России свободного рынка и переходом всей мировой экономики к обществу знаний. Из сказанного делается вывод, что аспирантура не может ограничиваться, как было до 2013 г., лишь целью подготовки кадрового резерва для высшей школы. Оба аргумента, на наш взгляд, не выглядят убедительными. «Свободный рынок» имманентно присущ западной экономике и совершенно органично уживался с наставнической моделью аспирантуры (Ковалев, Дятлов, 2024). Что касается «общества знания», то его образовательные запросы через корреляцию с образовательным потенциалом аспирантуры толком никем не изучались. Следовательно, указанные

авторы строят гипотезу на гипотезе, что не вполне корректно.

Столь же неудачной нам представляется и предлагаемая Б.И. Бедным классификация целей аспирантуры в границах осмысленного данным социологом дискурса по проблематике. Он выделяет три основных подхода: диссертационный, образовательный и квалификационный. Первый нацеливает аспирантуру на подготовку и защиту кандидатской диссертации; второй видит в ней институт, где обучаются особо квалифицированные кадры, элитный продукт системы образования; третий, с которым Б.И. Бедный отождествляет собственные представления об аспирантуре, предполагает наличие как образовательной, так и научно-исследовательской компоненты. Казалось бы, срединные варианты всегда предпочтительнее, т.к. крайние чаще всего являются результатом категоризации и потому нередко имеют мало общего с реальностью. Но цель уже сама по себе есть следствие определенного рода обобщений, что предполагает выделение наиболее главного с отсечением второстепенного. Так, никто из сторонников формального закрепления обязанности аспиранта защитить диссертацию не отрицает в настоящее время необходимость включения в аспирантскую подготовку курсов, необходимых для сдачи кандидатских экзаменов и теоретико-методологического обучения. Но ведь Б.И. Бедный пишет применительно к квалификационному подходу вовсе не об этом. Он сторонник т.н. многовариативной аспирантуры, которая вбирает в себя самые различные ипостаси этого института, сложившегося в образовательных традициях разных стран. Автор рассуждает о присуждении «...степени доктора образования (EdD), которые существенно отличаются по содержанию, форме подготовки и аттестации от PhD-программ в той же области. В сфере государственного управления распространены программы DPA (Doctor of Public Administration), в области прикладной экономики, менеджмента и бизнеса – DBA (Doctor of Business Administration)» (Бедный, 2017). Б.И. Бедный предлагает ввести профессиональные степени для аспирантов, которые не планируют связывать свою жизнь с наукой. Столь либеральный подход, безусловно, продуктивен в идеальных институтах образования, где отсутствуют имитации, все акторы мотивированы на предельную эффективность, а институциональные цели совпадают с идеальными. Очевидно, что для российской системы образования – это утопия. За распадом традиций у нас, как правило, следует распад профессиональной этики. Стало быть, цель аспирантуры должна быть сформулирована предельно четко, унифицировано для всех и максимально близко к проверенным временем моделям социального поведения.

Полагаем, что реформа аспирантуры, в результате которой она стала третьей ступенью в системе образования, проводилась вовсе не под воздействием процессов массовизации, интернационализации или перехода к «обществу знания». Перечисленные процессы стали лишь возможностью для реформы, опорными конструкциями, но вовсе не причинами. Прямой корреляции здесь нет. Побудительные импульсы к преобразованию аспирантуры были совсем иными. Трансформация аспирантской подготовки прошла в фарватере общей менеджеристской политики, которая затронула и видоизменила все социальные институты науки и образования.

Новый образ аспирантуры, встроенный в третью ступень системы образования и созданный для получения квалификации «Преподаватель. Преподаватель-исследователь», рядом ученых получил безоговорочное принятие. Так, Д.Ю. Райчук и Н.В. Минина убеждены, что указанная цель придаст аспирантской подготовке системность и академичность. Этот вывод соотносится с появлением ФГОСов, полноценным образовательным наполнением учебных планов, возможностями получать новые знания не только от научного руководителя, но и от самого широкого круга преподавателей. Также авторы связывают свои надежды на повышение качества аспирантуры с опытом работы по данной модели стран-участниц болонского процесса (Райчук, 2016). Е.В. Строгеецкая и И.Б. Бетигер видят позитивные изменения целевой природы аспирантуры в создании общего образовательного пространства с западной моделью образования, с

которой аспирантская подготовка была унифицирована (Строгеецкая, Бетигер, 2021). Надо ли говорить, что этот аргумент несколько устарел после выхода России из болонского процесса. Кроме того, формальные действия без учета фактического результата не могут быть основанием для позитивной оценки. М.А. Дроздова и О.В. Зарубкина, опираясь на действующие правила об аспирантуре, усматривают её базовую цель в создании новой интеллектуальной элиты для разных сфер национальной экономики: технологического производства, социальных инноваций, воспроизводства научного знания и т.п. (Дроздова, Зарубкина, 2022). Защита диссертации в приоритетные позиции не выходит.

Достаточно широкое наполнение получил и критический сектор восприятия трансформационных процессов аспирантской подготовки. Доля ученых, негативно воспринявших проводимые реформы, очень велика. Квинтэссенцией подобного подхода может служить следующая точка зрения: «при проведении анализа авторы исходят из того, что основной целью любой аспирантуры (или докторантуры PhD) должна быть подготовка и защита аспирантом диссертации на соискание учёной степени для подтверждения научной квалификации» (Караваяева, Маландин, Мосичева, Телешова, 2018, с. 23). В.С. Сенашенко отмечает, что перенасыщение учебных планов образовательным компонентом стирает грань между образованием в магистратуре и аспирантуре. Психологически это не содействует переосмыслению новых целей обучения и отодвигает планы написания диссертации на неопределенный срок, делая их нереалистичными (Сенашенко, 2020). Простая гонка за количеством не должна отменять вопрос о качестве защищенных диссертаций и последующего трудоустройства молодых ученых в научных и образовательных организациях.

В итоге, социологи пишут о бесцельности аспирантской подготовки, действовавшей на основе ФГОСов в 2013-2020 гг. Заявленная во ФГОС квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь» не получила каких-либо преимуществ для трудоустройства в высшей школе перед образованием в специалитете или магистратуре. В связи с этим, вполне допустимо предположить, что цель анализируемой модели не имеет никаких корреляций с качеством или другими положительными эффектами, а ориентирована на наиболее оптимальный способ обеспечения управленческой эффективности.

Неудивительно, что в нормативных документах произошла очередная корректировка цели аспирантской подготовки. Аспирантура по-прежнему остаётся третьей ступенью высшего образования, но её цель теперь состоит в получении положительного заключения кафедры на диссертацию. Опираясь на новые институциональные правила, Д.В. Макаров отмечает, что «основной задачей реформы аспирантуры является её трансформация из образовательного института в научный» (Макаров, 2022). Итогом очередных преобразований стало постепенное возвращение дискурса к исторически сложившемуся пониманию цели аспирантского образования как подготовки научных и научно-педагогических кадров (Басюк, Краснощеков, 2023).

Сохранение в аспирантуре образовательной компоненты предполагает, что в неё должны поступать лишь готовые к научной деятельности будущие учёные, для которых написание диссертации – очередной этап последовательного совершенствования профессионального мастерства. С.Д. Резник и И.С. Чемезов пишут, что на самом деле ничего подобного не происходит. В аспирантуру поступают профессионально неподготовленные кандидаты. Их реальный уровень способностей и полученных в ходе образования познаний не соответствует даже минимальному уровню требований. В первый же год обучения в аспирантуре они сталкиваются с прежде неизвестными им стандартами качества высокой науки, под который в бакалавриате и магистратуре не возводился должный образовательный фундамент. Как следствие, этот контингент не в состоянии без помощи научного руководителя, а порой и при его активной поддержке и умелому руководству создать нечто близко напоминающее диссертацию. Отсюда у

большинства аспирантов уже в первый год обучения падает мотивация и снижаются усилия на поприще научного творчества.

Заключение

Проделанная работа позволяет прийти к некоторым значимым относительно поставленной цели выводам.

Отталкиваясь от проанализированной в разных работах российских социологов целей аспирантской подготовки, мы можем выделить три типа аспирантуры. Первый вполне допустимо назвать классической аспирантурой. Она сформировалась в советский период в промежутке времени между двадцатыми годами и 1962 годом прошлого столетия. Отличительными чертами этой аспирантуры являются модель наставничества, полная ответственность научного руководителя за эффективность, сведение образовательной компоненты к предметам кандидатского минимума, обязательность защиты диссертации. С косметическими поправками такая аспирантура функционировала до 2013 г., когда вступили в силу нормативные изменения, на основе которых была создана аспирантская подготовка образовательного типа. Ее главные особенности проявляются в отказе от обязательности защиты кандидатской диссертации, структурированной образовательной компоненте, реализации контрольных функций в соответствии с ФГОСами, перенесении ответственности за эффективность перед государством на образовательную организацию. Третий тип аспирантуры – компромиссный, возник под воздействием ожесточенной критики реформы 2013 г. со стороны научного сообщества. Аспирантура по-прежнему остается последней образовательной ступенью, аспиранты изучают множественные факультативные учебные курсы, ответственность за эффективность возлагается на образовательные организации, но при этом возвращена цель об обязательности защиты диссертации, которая теперь стала единицей измерения эффективного управления. По нашему мнению, основной смысл всех воспроизводимых реформ в области аспирантской подготовки состоит в поиске наиболее удобных индикаторов для измерения управленческой эффективности. Они не имеют никакого отношения ни к качеству диссертаций, ни к социализации аспирантов в пространство профессиональной культуры, ни к воспроизводству класса молодых ученых. Это исключительно бюрократические реформы, внешне уподобленные целям и ценностям менеджеристской идеологии.

Литература

- Бобрышев, С.В.* Смыслы, цели и функции современной российской аспирантуры: проблемный анализ / С.В. Бобрышев, Н.И. Джегутанова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2018. – №5 (68). – С. 155-162. EDN VTMGOM
- Бедный, Б.И.* Российская аспирантура в образовательном поле: междисциплинарный дискурс / Б.И. Бедный, Н.В. Рыбаков, М.Б. Сапунов // Социологические исследования. – 2017. – №9. – С. 125-134. EDN ZFTRPN
- Бедный, Б.И.* Новая модель аспирантуры: pro et contra / Б.И. Бедный // Высшее образование в России. – 2017. – № 4 (211). – С. 5-16. EDN YKOSWB
- Басюк, В.С.* Особенности организации подготовки научных и научно-педагогических кадров в России: исторический опыт и современное состояние / В.С. Басюк, Н.А. Краснощеков // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2023. – Т. 21. – №4. – С. 7-42. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2635-2023-21-4-7-42>. EDN MVWHKK
- Васильев, Д.* Так выращивались научно-педагогические кадры высшей школы / Д. Васильев // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2005. – № 9. – С. 46-49. EDN ZVESLJ
- Вершинин, И.В.* Дискуссии об аспирантуре за рубежом: основные проблемы и тенденции / И.В. Вершинин // Управление наукой и наукометрия. – 2016. – Т. 11. – №2. – С. 133-155. EDN WBPNNH
- Дроздова, М.А.* Новый порядок государственного регулирования правового управления системой подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре / М.А. Дроздова, О.В. Зарубкина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №7. – С. 179-183.

doi.org/10.23670/IRJ.2022.121.7.072 EDN MVGCZO

Капшутарь, М.А. К вопросу о цели и содержании подготовки аспирантов / М.А. Капшутарь // Перспективы Науки и Образования. – 2018. – №3 (33). – С. 61-70. EDN XSHSMP

Караваева, Е.В. Аспирантура как уровень высшего образования: состояние, проблемы, возможные решения / Е.В. Караваева, В.В. Маландин, И.А. Мосичева, И.Г. Телешова // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27. – № 11. – С. 20-32. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-22-34> EDN YOEEZF

Кашина, М.А. Негативные последствия реформирования российской аспирантуры: анализ и пути минимизации / М.А. Кашина // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 8/9. – С. 55-70. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-55-70> EDN NQMKRA

Ковалев, В.В. Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Oriental Studies. – 2024. – Т. 17. – №4. – С. 849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869> EDN TKARIN

Ковалев, В.В. Защита по научному докладу как альтернативный (менеджеристский) способ соискания учёной степени / В.В. Ковалев // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т. 7. – № 4. С. 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.1> EDN PKAERJ

Макаров, Д.В. Новое в нормативном регулировании подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре / Д.В. Макаров // Праксис. – 2022. – №2(9). – С. 15-25. <https://doi.org/10.31802/PRAXIS.2022.9.2.001> EDN PJVDTT

Марголин, А.М. Пути повышения эффективности подготовки аспирантов / А.М. Марголин, Р.М. Мельников // Высшее образование в России. – 2018. – Т. 27. – № 12. – С. 9-19. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-12-9-19> EDN YQORIT

Нефедова, А.И. О концептах «академический капитализм» и «предпринимательский университет» / А.И. Нефедова // Высшее образование в России. – 2015. – №6. – С. 75-81. EDN UDQZYB

Райчук, Д.Ю. О позиционировании аспирантуры в структуре высшего образования / Д.Ю. Райчук, Н.В. Минина // Высшее образование в России. – 2016. – № 4 (200). – С. 33-41. EDN VUBIQN

Резник, С.Д. Институт аспирантуры российского вуза: состояние, проблемы и перспективы развития / С.Д. Резник, И.С. Чемезов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 430. – С. 159-168. <https://doi.org/10.17223/15617793/430/22> EDN XRZGHR

Сенашенко, В.С. Особенности реформирования отечественной аспирантуры как предмет дискуссии / В.С. Сенашенко // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 3. – С. 58-73. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-3-58-73> EDN PFZFG

Строгецкая, Е.В. Аспирантура на фронтире науки и образования / Е.В. Строгецкая, И.Б. Бетигер // Современное образование: содержание, технологии, качество. – 2021. – №1. – С. 384-387. EDN FFTOJE

Терентьев, Е.А. Проблемы и перспективы развития российской аспирантуры: взгляд региональных университетов / Е.А. Терентьев, Б.И. Бедный // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 10. – С. 1023. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28>. EDN PFBWYF

Цеховой, Н.П. Организационно-правовое оформление системы советской аспирантуры: основные этапы и особенности / Н.П. Цеховой // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №3. – С. 151-154.

References

Bobryshev S.V. Meanings, goals and functions of modern Russian postgraduate study: problem analysis. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*. 2018; 5(68): 155-162. (In Russ.)

Bedny B.I., Rybakov N.V., Sapunov M.B. Russian postgraduate study in the educational field: interdisciplinary discourse. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2017; 9: 125-134. (In Russ.)

Bedny B.I. New model of postgraduate study: pro et contra. *Vysseee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2017; 4(211): 5-16. (In Russ.)

Basyuk V.S., Krasnoshchekov N.A. Features of the organization of training of scientific and scientific-pedagogical personnel in Russia: historical experience and current state. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical education*. 2023; 21(4): 7-42. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2635-2023-21-4-7-42>. (In Russ.)

Vasiliev D. This is how scientific and pedagogical personnel of higher education were grown. *Alma mater*

- (*Vestnik vysshej shkoly*) = *Alma mater (Bulletin of Higher School)*. 2005; 9: 46-49. (In Russ.)
- Vershinin I.V. Discussions about postgraduate studies abroad: main problems and trends. *Upravlenie naukoj i naukometriya = Science management and scientometrics*. 2016; 11(2): 133-155. (In Russ.)
- Drozdova M.A., Zarubkina O.V. New order of state regulation of legal management of the system of training scientific and pedagogical personnel in postgraduate study. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International research journal*. 2022; 7: 179-183. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.121.7.072>. (In Russ.)
- Kapshutar M.A. On the issue of the purpose and content of postgraduate training. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya = Prospects of Science and Education*. 2018; 3 (33): 61-70. (In Russ.)
- Karavaeva E.V., Malandin V.V., Mosicheva I.A., Teleshova I.G. Postgraduate study as a level of higher education: state, problems, possible solutions. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2018; 27(11): 20-32. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-11-22-34>. EDN YOEEZF. (In Russ.)
- Kashina M.A. Negative consequences of reforming Russian postgraduate study: analysis and ways to minimize it. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2020; 29(8/9): 55-70. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-55-70>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Professional culture of teachers in the context of managerial management (on the example of universities in the south of Russia). *Oriental Studies*. 2024; 17(4): 849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>. (In Russ.)
- Kovalev V.V. Defense of a scientific report as an alternative (managerial) way of obtaining an academic degree. *Caucasian Science Bridge*. 2024; 7(4): 8-21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.4.1>. (In Russ.)
- Makarov D.V. New in the regulatory framework for the training of scientific and scientific-pedagogical personnel in graduate school. *Praksis = Praxis*. 2022; 2 (9): 15-25. <https://doi.org/10.31802/PRAXIS.2022.9.2.001>. (In Russ.)
- Margolin A.M., Melnikov R.M. Ways to improve the efficiency of graduate student training. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2018; 27(12): 9-19. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-12-9-19>. (In Russ.)
- Nefedova A.I. On the concepts of "academic capitalism" and "entrepreneurial university". *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2015; 6: 75-81. (In Russ.)
- Raichuk D.Yu., Minina N.V. On the positioning of postgraduate studies in the structure of higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2016; 4 (200): 33-41. (In Russ.)
- Reznik S.D., Chemezov I.S. Institute of postgraduate study of the Russian university: state, problems and development prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2018; 430: 159-168. <https://doi.org/10.17223/15617793/430/22>. (In Russ.)
- Senashenko V.S. Features of reforming domestic postgraduate study as a subject of discussion. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2020; 29(3): 58-73. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-3-58-73>. (In Russ.)
- Strogetskaia E.V., Betiger I.B. Postgraduate Studies at the Frontier of Science and Education. *Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo = Modern Education: Content, Technology, Quality*. 2021; 1: 384-387. (In Russ.)
- Terentyev E.A., Bedny B.I. Problems and Prospects for the Development of Russian Postgraduate Studies: The View of Regional Universities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020; 29(10): 10-23. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-9-28>. (In Russ.)
- Tsekhovoy N.P. Organizational and legal design of the Soviet postgraduate school system: main stages and features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2012; 3: 151-154. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 12.05.2025

Дата окончания рецензирования: 28.07.2025

Дата принятия к публикации: 10.08.2025

Информация об авторе

Богомазова Ксения Михайловна – ассистент кафедры экономики и управления Шахтинского автодорожного института (филиал) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова, г. Шахты, Россия; e-mail: kseniaboggomazovaa@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Ksenia Mikhailovna Bogomazova – assistant Professor at the Department of Economics and Management of Shakhty Automobile Institute (branch) Platov South Russian State Polytechnic University (NPI); Shakhty, Russia; e-mail: kseniabogggomazovaa@gmail.com

The author declares no conflict of interests

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.47

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.6>

EDN STBGUJ

Социологический портрет организатора добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области

Анастасия Э. Пилипенко¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail:kalosha@sfnu.ru

Максим Ю. Владимиров²

²Государственное автономное учреждение Ростовской области «Донской волонтерский центр» (ГАУ РО «Донволонтер»), г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail:fovaza3@mail.ru

Вадим Г. Пантелеев³

³Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail:pwg92@mail.ru

Аннотация.

Введение. В статье предпринята попытка составить социологический портрет организатора добровольческой деятельности в Ростовской области посредством проведения комплексного анализа социально-демографических, мотивационных и компетентностных характеристик. Актуальность работы обусловлена необходимостью формирования эффективных механизмов для реализации управленческих практик волонтерской деятельности на территории региона.

Методы. Исследование реализовано методом массового анкетного опроса в период с 15 марта по 5 апреля 2025 года. География исследования определена границами Ростовской области. Респондентами стали 1842 организатора волонтерской деятельности, которые зарегистрированы и верифицированы на платформе Добро.рф; выборка стихийная. Данные собирались через платформу Анкетолог (<https://anketolog.ru/>) и обрабатывались в SPSS 26.0 с использованием методов дескриптивной статистики и контент-анализа открытых вопросов.

Результаты и обсуждение. Данные, полученные в ходе исследования, позволили зафиксировать следующие положения:

- социально-демографический профиль характеризуется преобладанием женской аудитории среди организаторов добровольческой деятельности, превалированием жителей сельских территорий (38,6%) и малых городов (21,3%) со средним возрастом 37,3 года;

- мотивационные характеристики определяются доминированием желания помочь нуждающимся (51,2%) и улучшить окружающую действительность (26,7%). Инструментальные мотивы выражены слабее (9–12%). Для молодежи (18–35 лет) характерна мотивация самореализации, тогда как старшее поколение (50+ лет) руководствуется альтруистическими установками;

- компетентностный профиль организатора, согласно данным исследования, представляется выделенными тремя группами личностных качеств и профессиональных компетенций: морально-этические (доброта, эмпатия) как основа идентичности; организационно-лидерские (ответственность, работа в команде) обеспечивают управление, адаптивные (стрессоустойчивость, креативность) позволяют преодолевать

ресурсные ограничения.

Выводы. Авторы делают вывод о необходимости развития целевых образовательных программ для разных возрастных групп организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности, увеличения количества мер поддержки организаторов на муниципальном уровне

для выстраивания сбалансированной системы ресурсообеспеченности, проведения работы по созданию горизонтальных сетей взаимодействия между акторами добровольческой (волонтерской) деятельности (формирование и развитие сообществ).

Ключевые слова: организатор добровольческой (волонтерской) деятельности; доброволец (волонтер); молодежная политика; добровольческие (волонтерские) практики.

Для цитирования: Пилипенко А. Э., Владимиров М. Ю., Пантелеев В.Г. (2025). Социологический портрет организатора добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 68-81. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.6>

Sociological portrait of an organizer of volunteer activities in the Rostov region

Anastasia E. Pilipenko¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail:kalosha@sfned.ru

Maxim Yu. Vladimirov²

² Donskoy Volunteer Center (GAU RO "Donvolonter")
Rostov-on-Don, Russia
e-mail:fovaza3@mail.ru

Vadim G. Panteleev³

³ Russian Branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
e-mail:pwg92@mail.ru

Abstract

Introduction. The article aims to create a sociological profile of a volunteer coordinator in the Rostov region through a comprehensive analysis of their socio-demographic, motivational, and professional characteristics. The significance of this work stems from the need to establish effective management strategies for implementing volunteer programs.

Methods. Data was collected through a large-scale survey conducted between March 15 and April 5, 2025, targeting 1,842 registered volunteer coordinators on the Dobro platform in the Rostov region of the Russian Federation. The sample was non-random and spontaneous. Data was collected using the Questionnaire platform and processed using SPSS 26.0 software for descriptive statistics and qualitative analysis of open-ended questions.

Results and its discussion. Based on the findings, we have identified the following key points:

- the socio-demographic profile of the organizers of volunteer activities is characterized by a predominance of female participants, with residents of rural areas and small towns accounting for 60% of the total. The average age of these organizers is 37.3 years, and they are motivated by a desire to help others in need (51.2%), improve the surrounding environment (26.7%), and less so by instrumental motives (9-12%).
- young people (18-35 years) are driven by self-actualization, while older generations (50 years and older) are guided by altruistic values. According to the research, the competence profile of organizers includes three main categories: moral and ethical qualities (such as kindness and empathy), organizational and leadership skills (responsibility and teamwork), and adaptive abilities (stress tolerance and creativity).

Conclusions. In conclusion, the authors propose several key points for improving the support of organizers of volunteer activities. These include the development of targeted educational programs tailored to different age groups, increasing the number of initiatives at the municipal

level, establishing a balanced system for resource provision, and creating horizontal networks for interaction among volunteer actors (i.e., building communities).

Keywords: organizer of volunteer (volunteering) activities; volunteer (volunteer); youth policy; volunteer (volunteering) practices.

For citation: Pilipenko A. E., Vladimirov M. Yu., Panteleev V.G. (2025). Sociological portrait of the organizer of volunteer (volunteer) activities in the Rostov region. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 68-81. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.6>

Введение

В современном российском общественном пространстве значимость добровольчества (волонтерства) постоянно увеличивается. Среди причин – глобальные вызовы, с которыми сталкивается наша страна (международные события, такие как Олимпиада в Сочи в 2014 году, Чемпионат Мира по футболу в 2018 году, Covid-19, Специальная военная операция и др.). Они требуют включенности в сообщества добровольцев (волонтеров). Волонтерские практики обладают значительным потенциалом и способствуют социальной интеграции различных групп населения, устойчивости общественной жизни через взаимопомощь (Шадже, 2024; Скворцова А.А., Скворцов О.А., 2023). Ключевым показателем нового Национального проекта «Молодежь и дети» к 2030 году является вовлечение 45,8% молодежи (от 14 до 35 лет) в добровольческую (волонтерскую) и общественную деятельность (Паспорт национального проекта, 2025). При этом результативность и популярность добровольческих (волонтерских) проектов во многом зависит от управленческих навыков и личностных характеристик организаторов данной деятельности, что подтверждается исследованиями влияния качеств организаторов на благополучателей (Шалько, 2011; Гражданственность в молодежной среде).

Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» фиксирует, что организатором добровольческой (волонтерской) деятельности может быть любой человек, в том числе независимо от направления профессиональной деятельности, возраста и т.д., что, с одной стороны, делает организацию волонтерских практик доступной сферой, а с другой – обеспечивает разнородность состава участников, который характеризуется различными компетентностными и личностными характеристиками. Среди проблемных вопросов, с которыми сталкиваются акторы добровольчества (волонтерства), является невысокий уровень развития компетентностного профиля организаторов добровольческой деятельности, а также неравномерный доступ к ресурсной базе, в том числе для формирования необходимых компетенций для организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности (Эффективность реализации программ, 2022). Обозначенные проблемы оказывают влияние на невысокий уровень идентификации себя в качестве организатора добровольческой (волонтерской) деятельности. Результаты исследований показывают, что и среди волонтеров доля оказывающих помощь значительно выше, чем доля идентифицирующих себя в качестве волонтера. Так, актуализируется проблема развития идентичности организаторов добровольческой деятельности как лидеров мнений волонтерских сообществ (Факторы формирования, 2020).

Сегодня Ростовская область обладает уникальными локационными и институциональными характеристиками, влияющими на специфику добровольческого (волонтерского) движения. Так, именно здесь функционирует федеральный штаб Общероссийской акции взаимопомощи «#МЫВМЕСТЕ» (Федеральному штабу, 2025), а Донской волонтерский центр как основной актор развития добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области имеет статус регионального ресурсного центра добровольчества (волонтерства), что позволяет ему осуществлять целенаправленную деятельность в адрес организаторов добровольческой

(волонтерской) деятельности в регионе (Распоряжение Губернатора, 2025). Существующие условия актуализируют потребность в анализе профиля организатора добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области.

Цель проведенного исследования – формирование комплексного социологического портрета организатора добровольческой (волонтерской) деятельности донского региона. Среди задач выделяются следующие: выявить социально-демографические характеристики организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области, проанализировать мотивационные основания деятельности организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности Ростовской области, выявить список актуальных компетенций, необходимых организатору добровольческой (волонтерской) деятельности.

Методология и методы

Понятийный аппарат добровольчества (волонтерства) достаточно сложен ввиду объемности данного социального явления. Опросы общественного мнения показывают, что россияне склонны отождествлять волонтерскую деятельность с бескорытием и самоотдачей нуждающимся (Россияне стали чаще проявлять альтруизм, 2023). В исследовательской среде данное понимание также находит отражение. И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон характеризуют добровольчество как «разновидность филантропических практик» (Потенциал и пути, 2010). Л.Е. Сикорская рассматривает волонтерство как «форму социального служения» (Сикорская, 2007). Нам же представляется более близкой позиция М.В. Певной, которая считает, что данное понимание добровольчества (волонтерства) несколько сужено (Певная, 2016). Сегодня волонтерство охватывает различные сферы общественной жизни, оказывая значительное влияние на развитие человеческого капитала и экономического потенциала территорий. Так, нами предлагается рассматривать добровольчество через ценностные основания, формирующие контур данной деятельности, так как «волонтерство выполняет функцию сохранения и передачи духовных традиций, выступает механизмом компенсации дефицитов социальной справедливости, является средством утверждения в обществе идей и ценностей добра и милосердия, составляющих аксиологическую основу нравственного воспитания личности» (Козодаева, 2010). При этом стоит учитывать, что волонтерство влияет на развитие социального опыта и компетентностного профиля добровольцев (Богданова, 2013).

Понятие «Организатор добровольческой (волонтерской) деятельности» в российском законодательстве официально закрепилось с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)». До 2018 года оно использовалось в повседневной жизни, но не было юридически закреплено. Сегодня выделены два определения, закрепляющие официальный статус добровольца (волонтера) и организатора добровольческой (волонтерской) деятельности. Так, доброволец (волонтер) – это «физическое лицо, осуществляющие добровольческую (волонтерскую) деятельность по одной или нескольким целям волонтерской деятельности» (например, социальная поддержка и защита граждан, подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий, содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, укрепление и защита семьи, охрана окружающей среды и защита животных, содействие патриотическому, духовно-нравственному воспитанию и др.). Всего выделено 27 целей. Организатор добровольческой (волонтерской) деятельности – это юридическое или физическое лицо, которое привлекает на постоянной или временной основе добровольцев (волонтеров) к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности в аналогичных целях (Федеральный закон, 2018).

Центром прикладных социологических исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета совместно с ГАУ РО «Донволонтер» при методической поддержке Ассоциации «Добро.рф» (Стандарт работы, 2021) в период с 15 марта по 5 апреля 2025 года методом массового анкетного опроса проведено исследование среди организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности. Объектом эмпирического социологического исследования являются индивиды, которые занимаются организацией волонтерской деятельности и верифицированные на портале Добро.рф. При этом индивид может представлять физическое или юридическое лицо. Генеральная совокупность, а именно организаторы волонтерской деятельности Ростовской области, является специфической, так как формируется по принципу занятия определенным родом деятельности. Следовательно, такие параметры как пол и возраст, важные при сплошном опросе населения, не играют значимой роли при формировании выборочной совокупности данного исследования. Генеральная совокупность составляет 6576 человек. При таком объеме и доверительной вероятности 95%, доверительном интервале $\pm 5\%$ для соблюдения свойств репрезентативности выборки достаточно опросить 363 человека.¹ Однако ввиду возможности прямого доступа к организаторам волонтерской деятельности была реализована выборка в 1842 человека, что составило 28% генеральной совокупности. При этом выборка квотировалась по критерию, значимому с точки зрения ведения подобной деятельности. А именно по муниципальным образованиям, в которых осуществляется организация волонтерской деятельности. В Ростовской области 55 муниципальных образований, что приводит к значительному дроблению выборки. Поэтому респондентам в анкетном опросе были предложены следующие укрупненные группы по типам населенных пунктов с соблюдением квот по муниципальным образованиям: областной центр, крупный город, малый город, районный центр, поселок городского типа, сельское поселение. Информация о представленности организаторов волонтерской деятельности в муниципалитетах области предоставлена ресурсным центром добровольчества Ростовской области ГАУ РО «Донволонтер».

Таким образом, при реализации выборки были соблюдены достаточность единиц наблюдения и отражение свойств генеральной совокупности (квотирование по муниципальным образованиям). Сбор данных осуществлялся методом онлайн-анкетирования при помощи российского сервиса для создания опросов Анкетолог (<https://anketolog.ru/>).

Расчет полученных эмпирических данных и их статистическая обработка проведены с использованием программы SPSS, версия 26.0.

Обсуждение результатов

Социально-демографические характеристики организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области. Основная доля организаторов Ростовской области сосредоточена в сельских поселениях (38,6%). Предположительно, в активизации волонтерской деятельности на селе значительную роль играет наличие тесных связей жителей небольших территорий. Кроме того, каждый четвертый (21,3%) респондент проживает в малом городе Дона, что также может объясняться наличием постоянного взаимодействия жителей и доступностью волонтерской деятельности как механизма самореализации.

В Ростове-на-Дону и крупных городах региона организаторов добровольческих практик, наоборот, меньше – 12,2% и 12% соответственно. Вероятно, наличие большого объема проектов в городе создает конкурентную среду среди некоммерческого сектора и направлений молодежной политики. Наименьшее число вовлеченных организаторов в

¹ Расчет размера выборки / socioline.ru. URL: <https://socioline.ru/tv.php>

добровольческие практики, согласно данным опроса, проживают в районных центрах (8,3%) и поселках городского типа (7,5%). Можно предположить, что данные территории находятся в «промежуточном» состоянии: у них нет такой сплоченности, как в селах, но и недостаточно ресурсов, как в крупных городах. Кроме того, необходимо учитывать наличие локальных лидеров и поддержки представителей местных органов самоуправления, которые в значительной степени влияют на развитие волонтерской деятельности.

Средний возраст организатора добровольческой деятельности в Ростовской области, согласно данным проведенного исследования, составляет 37,3 года. До 18 лет наибольшее число опрошенных проживают в Ростове-на-Дону (16,6%) или крупном городе региона (19,3%). От 18 до 23 – в крупном (28,9%) или малом городе региона (18,4%). От 36 до 50 – в районном центре (42,1%) или сельском поселении (37,1%). От 50 до 64 также в районном центре (25,6%) или в сельском поселении (27%). Так, мы видим, что молодые люди наиболее активно вовлечены в организацию волонтерской деятельности в крупных городах Дона или столице региона, что может объясняться большим числом образовательных организаций и близостью молодежных центров, наличием большого количества действующих организаций некоммерческого сектора и молодежных объединений. Люди более старшего возраста, наоборот, наиболее активны в районных центрах и сельских территориях, что, можно предположить, обусловлено личными взаимоотношениями с благополучателями ввиду близости проживания друг к другу. Более половины организаторов состоят в браке, 38,1% холосты, 10% разведены или овдовели. 36,8% организаторов добровольческой деятельности детей пока не имеют, почти у трети (28%) 1 или 2 ребенка, 22,9% имеют совершеннолетних детей, а у 8% уже есть внуки дошкольного и младшего школьного возраста. Многодетные родители, согласно данным опроса, реже других категорий включены в организацию добровольческих практик в регионе в качестве организаторов (4,3%). Ограничения по здоровью есть у 4,9% организаторов волонтерской деятельности, большинство опрошенных (95,1%) ограничений не имеют. Среди организаторов волонтерской деятельности подавляющее большинство (59,9%) имеют высшее образование, 19,6% – среднее профессиональное, 8,8% – среднее, 8,6% – неоконченное среднее. Среди организаторов, имеющих высшее образование, наибольшее число участников исследования проживают в г. Ростове-на-Дону (67,4%) и районных центрах Ростовской области (83,5%). Респонденты со средним профессиональным образованием, занимающиеся организацией волонтерских практик, чаще проживают в малом городе Ростовской области (27,3%), чем в других территориях. Организаторы в возрасте от 50 до 65 лет чаще других категорий имеют среднее профессиональное образование (24,2%), а организаторы в возрастных категориях от 24 до 35 лет и от 36 до 50 лет чаще других имеют высшее образование – 84,9% и 84,1% соответственно. На данный момент работают 75% респондентов, 20,1% учатся, 2,3% находятся на пенсии, а 1,4% имеют статус безработного. Наиболее популярными отраслями профессиональной деятельности организаторов волонтерской деятельности Дона являются образование, наука (58,6%) и культура (10,4%). Участники опроса также трудятся в следующих сферах: производство и промышленность (5,4%), молодежная политика (4,3%), армия (2,3%), медицина и здравоохранение (1,9%), строительство (2,2%), сельское хозяйство (2,1%). Большинство организаторов работает на позиции линейного сотрудника-специалиста (53,5%), 13,7% трудятся на позиции стажера, 14,7% являются специалистами высокой квалификации, 6,7% – руководителями первичного звена, 7,2% – руководителями среднего звена, 4,1% – руководителями высшего звена. Результаты опроса показывают, что две трети опрошенных не относят себя к категории нуждающихся: 49,3% организаторов добровольческой деятельности отмечают, что им хватает средств на основные нужды и небольшие покупки, 6,6% могут позволить себе поездки на отдых и крупные покупки, 6,9% отмечают, что не испытывают ограничений в средствах. Данный

вариант ответа наиболее часто выбирают организаторы волонтеров в возрасте до 18 лет (33,6%) и от 18 до 23 лет (12,5%). Можно предположить, что представители данных возрастных групп еще не имеют финансовых обязательств и получают систематическую материальную поддержку со стороны родителей или других родственников. При этом, 22,5% респондентов отмечают, что им хватает средств только на оплату жилья и продуктов питания, а 13,9% говорят, что их доход не покрывает основные нужды.

Характеристики деятельности организаторов добровольчества (волонтерства) в Ростовской области. Для 40,7% организация волонтерской деятельности является должностной обязанностью, 59,3% респондентов занимаются данной деятельностью по личной инициативе. Причем чем старше респонденты, тем в большей степени для них организация волонтерских практик является личной инициативой (от 50 до 65 лет – 71,4%; старше 65 лет – 75%).

Рассматривая зависимость от территории проживания респондентов, фиксируется, что для большей половины респондентов из Ростова-на-Дону организация добровольческой деятельности является служебной обязанностью (53,8%), тогда как для респондентов из других типов населенных пунктов причина вовлеченности смещается в сторону личной инициативы. Это наиболее ярко проявляется в поселках городского типа (59,3%) и сельской местности (65%). Предположительно, причина в сосредоточении наибольшего числа некоммерческих организаций именно в столице ростовского региона, где организаторы задействованы в реализации волонтерских практик в качестве своих профессиональных обязанностей.

Данные проведенного исследования иллюстрируют развитость различных направлений волонтерской деятельности в Ростовской области. Наиболее широко распространенными являются патриотическое (49,1%), образовательное (35%), культурное (30,7%) и экологическое (29,8%) волонтерство. Согласно данным опроса, наименее популярными направлениями волонтерской деятельности в Ростовской области на данный момент являются туристическое волонтерство (3,9%), поиск пропавших людей (3%), корпоративное волонтерство (3,3%), а также «серебряное» волонтерство (4%). Можно предположить, что полученные результаты связаны с особенностями данных направлений, требующих определенных навыков, возрастных характеристик или включенности целых компаний.

Кроме того, следует проиллюстрировать и значимые отличия в пределах возрастных групп респондентов. Так в группе от 18 до 23 лет наибольший уровень участия проявляется в культурном направлении (35,4%), патриотическом (32,5%), образовательном (28,8%), зоозащитном (27,2%). Можно констатировать у этой группы отсутствие безусловно преобладающего направления волонтерской деятельности. У возрастной группы 24-35 лет наибольший уровень участия проявляется в патриотическом (67,4%), экологическом (50,2%), образовательном (49,5%), культурном (40,1%) направлениях. Эта группа по сравнению с другими демонстрирует гораздо больший интерес к экологической проблематике. Кроме того, этот возраст характеризуется высоким уровнем участия в большинстве направлениях, нежели остальные возрастные группы. Для возраста 36-50 лет характерны такие направления как патриотическое (58,9%), образовательное (39,8%), экологическое (32,9%), культурное (30,9%). Похожая тенденция наблюдается и в возрасте 50-65 лет. В возрасте старше 65 лет востребованы культурное (35,7%), образовательное и патриотическое (по 28,6%) направления.

«Новичками» в организации добровольческих практик являются 37,5% опрошенных. Они пришли в эту сферу в течение последнего года. Среди людей в возрасте до 23 лет таких большинство (69,7% до 18 лет и 58,8% от 18 до 23 лет). Участники исследования старших возрастных групп, наоборот, чаще других категорий включены в организацию добровольческой деятельности более 10 лет (17,8% в возрасте от 50 до 65 лет и 48,1% старше 65 лет). Зависимостей стажа волонтеров-лидеров от территории

проживания не выявлено, что дает основание предположить о равномерном развитии заинтересованности населения региона в добровольческих практиках. Почти 70% организаторов добровольческой деятельности на Дону имеют стаж не более трех лет. Они имеют опыт управления волонтерскими командами до 10 человек (55,3%) или от 10 до 20 человек (25,8%). 13,8% организовывали работу больших команд (13,8% от 21 до 100 человек), и только каждый двадцатый имеет опыт управления командами свыше 100 волонтеров одновременно (5,1%).

Большинство опрошенных занимаются организацией добровольческой деятельности регулярно (38,2%). В Ростове-на-Дону число постоянно вовлеченных организаторов выше, чем по региону (51,9%). Каждый третий участник исследования организует волонтерские инициативы от случая к случаю (31,1%). Имеют опыт организации, но в данный момент не проявляют активность 7,7% респондентов.

При анализе мотивационных оснований, которыми руководствуются организаторы добровольческой деятельности в Ростовской области, ответы респондентов могут быть разделены на несколько категорий: альтруистические, инструментальные, самоактуализация. Более половины опрошенных делятся, что участвуют в организации добровольческой деятельности из-за желания помочь нуждающимся (51,2%) или стремления улучшить окружающую действительность (26,7%, альтруистическая категория). 27,8% организаторов включаются в волонтерские практики из-за желания чувствовать себя полезным, 24,9% из-за желания реализовать свои убеждения и ценности, 14,3% из-за стремления реализовать собственные инициативы (категория самоактуализации через волонтерскую деятельность). Включение в добровольческие практики из-за желания укрепить свой социальный капитал (9,8%), получить дополнительные умения и навыки (12,1%), профессиональный опыт (6,3%), поощрения (4,7%) может быть отнесено к инструментальной категории (Клименко, Алкесов, 2023). Кроме того, 33% отметили, что являются организаторами добровольческой деятельности по настоянию организации, в которой они учатся или работают.

Мотивационная составляющая возрастных групп организаторов волонтерской деятельности демонстрирует как некоторые зависимости, так и отличительные черты между группами. Желание помогать тем, кто нуждается, растет с увеличением возраста. Так, в возрасте до 18 лет наблюдается наименьший уровень такой мотивации по сравнению с другими группами (28,1%). Среди респондентов старше 65 лет, наоборот, желание помогать в качестве основного мотива выделяют 53,6%. В стремлении улучшить окружающую действительность мы обнаруживаем зависимость вида «подкова», когда противоположные группы демонстрируют схожие свойства. В группе до 18 лет этот мотивационный фактор находится на уровне 17%, в группе старше 65 лет – на уровне 17,9%. При этом в возрасте от 24 до 35 лет, в периоде вхождения в профессиональную деятельность, мотивация улучшить окружающую действительность имеет наивысшее значение по сравнению с остальными возрастными группами и составляет 34,6%.

Компетентностный портрет организатора добровольческой (волонтерской) деятельности в Ростовской области. При формировании портрета организатора добровольческой деятельности особо значимым видится выявление личностных качеств и профессиональных компетенций волонтеров-лидеров различного уровня. По мнению респондентов, для координатора волонтерской деятельности/тимлидера наиболее важными являются (при множественном выборе):

- способность вести за собой – 55,8%
- ответственность, высокая работоспособность – 49,6%
- инициативность и проактивность – 45,6%;
- умение работать в команде – 39,5%.

Для руководителя волонтерского проекта/руководителя направления:

- ответственность, высокая работоспособность – 48%
 - способность вести за собой, умение поддерживать позитивный настрой – 47,2%
 - инициативность и проактивность – 38,3%
 - целеустремленность, ориентированность на результат – 37,5%
- Для руководителя волонтерской организации:
- ответственность, высокая работоспособность – 44,7%
 - способность вести за собой, умение поддерживать позитивный настрой – 42,2%
 - целеустремленность, ориентированность на результат – 37,4%
 - эмпатия и отзывчивость – 35,1%.

Анализ ответов на вопрос открытого типа «Что, по-вашему, отличает организатора добровольческой деятельности от любого другого координатора или руководителя?» показал, что участники исследования акцентируют внимание на личностных качествах как основе работы организатора волонтерской деятельности (доброта, ответственность, отзывчивость). Цитата: *«Доброта, отзывчивость, бескорыстие — без этого нельзя работать с людьми»*. Далее по частоте упоминания следуют профессиональные навыки, необходимые для эффективного управления проектами и командами (планирование, распределение задач, работа в нестандартных условиях), основы нормативно-правовой базы в сфере добровольчества в стране и регионе. Цитата: *«Организатор должен уметь ставить цели, делегировать и следить за сроками»*. Следующей категорией по частоте упоминания являются коммуникативные навыки (эмпатия, эффективное общение с партнерами и благополучателями, понимание потребностей волонтеров и подопечных). Цитата: *«Важно не просто отдавать приказы, а слышать каждого волонтера»*. Еще одной категорией, отличающей организатора волонтерской деятельности, по мнению респондентов, являются способность мотивировать и развивать ценности в команде добровольцев (желание помогать за идею, социальная ответственность). Цитата: *«Мы делаем это не для галочки, а потому что хотим видеть мир добрее»*. Завершающей отличительной особенностью организатора добровольческой деятельности является понимание уникальных аспектов работы с волонтерами. Цитата: *«Умение вдохновлять без финансовых стимулов», «Способность импровизировать при нехватке ресурсов и адаптироваться к меняющимся условиям»*.

Также следует выделить то, какие качества чаще всего назывались респондентами вместе. Так качество «ответственность» часто в ответах комбинировалось с «коммуникабельностью» (68 упоминаний), «организованностью» (55 упоминаний), «лидерством» (40 упоминаний). Качество «доброта» комбинировалась с «отзывчивостью» (65 упоминаний), «эмпатией» (50 упоминаний). Качество «инициативность» комбинировалась с «работой в команде» (52 упоминания), «креативностью» (30 упоминаний). В целом, связи между качествами в ответах респондентов можно структурировать по следующим группам: морально-этические качества, организационно-лидерские качества, адаптивные качества (Рисунок 1).

Рисунок 1. Качества организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности

В группе морально-этических качеств респондентами связываются «доброта», «отзывчивость», «эмпатия», «бескорыстие». Например, цитата: *«Доброта, отзывчивость и желание помогать безвозмездно»*. В группе организационно-лидерских качеств респондентами увязываются между собой такие качества как «ответственность», «коммуникабельность», «лидерство», «работа в команде». Например, цитата: *«Ответственный лидер, умеющий организовать команду»*. Наконец, группа адаптивных качеств состоит из взаимосвязей между «стрессоустойчивостью», «гибкостью», «креативностью». Например, цитата: *«Гибкость и стрессоустойчивость в нестандартных ситуациях»*.

Таким образом, связи между качествами в ответах респондентов свидетельствуют о том, что организатор волонтерской деятельности должен обладать, прежде всего, личностными качествами, ориентированными на помощь другим (это выявил и простой частотный анализ). То есть интенции организатора волонтерской деятельности должны иметь морально-этический характер, что и обуславливается личностными качествами (доброта, эмпатия, бескорыстие и т. д.). Только во вторую очередь это организационные качества (ответственность, командная работа), которые в таком представлении, по-видимому, должны компенсироваться изначальной направленностью («желание помогать другим»), с одной стороны, и опытом, либо практикой (по мере вовлечения). Наконец, адаптивные качества служат приспособлению организаторов волонтерской деятельности к различным типам задач, а также облегчают получение организационного опыта (The interplay of traits, 2005; The relationship, 2013).

Заключение

По итогам проведенного исследования можно зафиксировать следующие выводы:

- в Ростовской области на постоянной основе функционируют малые добровольческие (волонтерские) сообщества, рассредоточенные по всей территории региона, что способствует равномерному развитию добровольчества (волонтерства) и указывает на возможность плодотворной организации работы с добровольцами (волонтерами) и в поселениях, и в административном центре. Но стоит отметить узконаправленность реализации инициатив на местах. Наиболее часто они представляют собой патриотические, социальное, культурное и экологические направления;

- средний возраст организатора добровольческой (волонтерской) деятельности (37,3 года). Более половины организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности являются линейными специалистами, осуществляющими организаторскую деятельность в нерабочее время, что свидетельствует о сильной

внутренней мотивации к участию в развитии социальной и добровольческой (волонтерской) сфер. Большинство организаторов находят свое предназначение в помощи людям, служении обществу и стремлении улучшить окружающую действительность;

- организация добровольческой (волонтерской) деятельности представляет собой относительно новое направление профессиональной занятости, переживающее активную фазу развития последние 3-5 лет;

- возможность самореализации через организацию добровольческой (волонтерской) деятельности особенно актуальна для молодых людей в возрасте 18-35 лет. Более старшее поколение руководствуется скорее альтруистическими мотивами, направленными на помощь нуждающимся.

- личностные качества организатора добровольческой (волонтерской) деятельности должны представлять собой симбиоз сильного руководителя, «крепкого хозяйственника», обладающего такими чертами, как «доброта», «отзывчивость», «бескорыстие», «эмпатия». Именно при такой форме управления появляется возможность объединения равнодушных людей в активное добровольческое (волонтерское) сообщество, стремящееся к совместному созиданию.

Практическое использование данных исследования в Ростовской области может способствовать бесшовному выстраиванию взаимоотношений между акторами добровольческой (волонтерской) в связках: организаторы и органы исполнительной власти региона, организаторы и некоммерческие организации, организаторы и органы местного самоуправления, организаторы и бизнес. Социально-демографические, личностные и компетентностные характеристики организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности необходимо учитывать при реализации тематических образовательных программ, семинаров, информационных кампаний (The Effects of Structural Network, 2023).

Стоит обратить внимание на объективное нежелание организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности «работать для галочки», работать с большим объемом документов, ведь зачастую это люди, работающие «на земле», люди, совершающие реальные изменения.

В связи с этим предлагается увеличить количество мер поддержки (имущественная, материальная), оказываемых на местах в муниципальных образованиях Ростовской области. В свою очередь организаторам добровольческой (волонтерской) деятельности следует прилагать усилия для изменения вертикали качественных инициатив (не сверху вниз, а снизу вверх), объединяться в сообщества в рамках муниципальных образований / региона в целях развития сплоченности, создания института наставничества и преемственности (Люев, Овсий, 2023).

В условиях усиления роли добровольчества (волонтерства) как ресурса социальных преобразований данное исследование может являться значимым элементом стратегического планирования в сфере молодежной и социальной политики.

Литература

Богданова, Е. В. Возможности волонтерской деятельности в социальном воспитании студентов / Е.В. Богданова, И.Е. Дремина, Н.С. Морозова // Волонтерская деятельность студентов по индивидуальному сопровождению детей группы риска: стандарты, опыт, технология: учебное пособие. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013.

Горшков, М. К. Российская молодежь в контексте социологического анализа / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019.

Гражданственность в молодежной среде в России, Германии и Франции / А. В. Лубский, В. О. Вагина, Е. В. Громакова [и др.]. – Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2020. – 396 с.

Клименко, Л. В. Социетальное содержание экономических ценностей студенческой молодежи Юга России / Л. В. Клименко, Р. Т. Алкесов // *Caucasian Science Bridge*. – 2023. – Т. 6. – № 1(19). – С. 8-17. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.1>.

Козодаева, Л.Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи // *Вестник ТГУ. Серия: гуманитарные науки*. – 2010. – № 11 (91). – С. 121-126.

Люев, А. Х. Молодежное волонтерство в современном российском обществе: вопросы формирования и основные проблемы развития / А. Х. Люев, В. В. Овсий // *Гуманитарий Юга России*. – 2023. – Т. 12. – № 4. – С. 55-63. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.4.2>.

Мерсиянова, И. В. Факторы формирования волонтерской идентичности россиян / И. В. Мерсиянова // *Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ*. – 2020. – № 7. – С. 89-94.

Неделько, П. С. Проблема самоидентификации волонтеров как особенность развития добровольческого движения в России / П. С. Неделько // *Теория и практика общественного развития*. – 2024. – № 9(197). – С. 23-29. – <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.9.2>.

Паспорт национального проекта «Молодежь и дети» // Министерство науки и высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/N_Molodezh_i_deti.pdf.

Певная, М. В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики / М. В. Певная. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2016. – 434 с.

Распоряжение Губернатора Ростовской области от 05.02.2025 № 30 "О ресурсном центре добровольчества (волонтерства) в Ростовской области" // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/documents/20814/>.

Стандарт работы организатора добровольческой/волонтерской деятельности. – М.: Ассоциация волонтерских центров, 2021. – 149 с.

Скворцова А. А. Трансформация российского волонтерства в условиях социальных вызовов / А. А. Скворцова, А. О. Скворцов, В. П. Воробьев, М. Д. Макарушина // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2023. – № 1(65). – С. 135-145. – <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-13>.

Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 419 с.

Сикорская, Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // *Социологические исследования*. – 2007. – № 9 (281). – С. 52-58.

Россияне стали чаще проявлять альтруизм // Российское информационное агентство «Победа». – 2023. URL: <https://pobedarf.ru/2023/12/04/rossiyane-stali-chashhe-zanimatsya-volonterstvom/>.

Факторы формирования волонтерской идентичности россиян // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и мире. – 2023. – URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/25/1607268575/HSE_Covid_07_2020_4_1.pdf.

Федеральному штабу Общероссийской акции взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ в Ростовской области – три года // Официальный портал Правительства Ростовской области URL: <https://www.donland.ru/news/29324/>.

Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025).

Шадже, Л. А. Волонтерство как ресурс консолидации российского общества в условиях нестабильности / Л. А. Шадже // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2024. – № 6. – С. 104-110. – <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-28>.

Шалько, Е. Н. Изучение роли педагога-организатора в развитии самосознания подростков, участвующих в общественно-организационной деятельности / Е. Н. Шалько // *Мир науки, культуры, образования*. – 2011. – № 4-1(29). – С. 46-49.

Эффективность реализации программ добровольческой деятельности в регионах Российской Федерации / О. А. Бокова, К. С. Лебедева, Ю. А. Мельникова, А. Н. Свидовская. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2022. – 44 с.

Carlo, G. The Interplay of Traits and Motives on Volunteering: Agreeableness, Extraversion and Prosocial Value Motivation / G. Carlo, M. A. Okun, G. P. Knight, M. R. T. de Guzman // *Personality and Individual Differences*. – 2005. – Vol. 38. – P. 1293-1305.

- Jiao, J. The Effects of Structural Network Embeddedness on College Students' Intention to Volunteer Service Behavior: An Empirical Study / J. Jiao, Y. Wang, K. Jiang // 2023 International Conference on Information Management (ICIM). Oxford, 2023. – P. 61-65. <https://doi.org/10.1109/ICIM58774.2023.00017>.
- Wang, T. The Relationship among Volunteering Motivation, Moral Emotion and Volunteerism / T. Wang. – Beijing: China University of Geosciences, 2013.

References

- Bogdanova E.V., Dremina I.E., Morova N.S. Possibilities of volunteer activity in the social education of students: Textbook: Volunteer activity of students for individual support of children at risk: standards, experience, technology. *Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet = Yoshkar-Ola: Mari State University*, 2013. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Russian Youth in the Context of Sociological Analysis. *M.: FNISTS RAN = M.: Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*; 2019. (In Russ.)
- Civic Consciousness Among Youth in Russia, Germany, and France / A.V. Lubsy, V.O. Vagina, E.V. Gromakova [et al.]. *Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya = Rostov-on-Don: Science and Education Fund*, 2020; 396 p. (In Russ.)
- Klimenko L.V., Alkesov R.T. The Societal Content of Economic Values Among Student Youth in Southern Russia. *Caucasian Science Bridge*. 2023; 6(1): 8–17. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.1>. (In Russ.)
- Lyuev A.Kh., Ovsii V.V. Youth Volunteering in Modern Russian Society: Formation Issues and Key Development Challenges. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2023; 12(4): 55–63. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.4.2>. (In Russ.)
- Mersiyanova I.V. Factors of Volunteer Identity Formation Among Russians. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye posledstviya koronavirusa v Rossii i v mire. Analiticheskiy byulleten' NIU VSHE = Economic and Social Consequences of Coronavirus in Russia and the World. Analytical Bulletin of HSE*. 2020; (7): 89–94. (In Russ.)
- Mersiyanova I. V. Factors of the formation of the volunteer identity of Russians. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye posledstviya koronavirusa v Rossii i v mire. Analiticheskiy byulleten' NIU VSHE = Economic and social consequences of the coronavirus in Russia and around the world. Analytical Bulletin of the Higher School of Economics*. 2020; 7: 89-94. (In Russ.)
- Nedelko P.S. The Problem of Self-Identification of Volunteers as a Feature of the Development of the Volunteer Movement in Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2024; (9(197)): 23–29. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.9.2>. (In Russ.)
- Passport of the National Project "Youth and Children". Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/N_Molodezh_i_deti.pdf. (In Russ.)
- Pevnaya M.V. Volunteer Management: International Experience and Local Practices. *Yekaterinburg: Ural'skiy federal'nyy universitet = Yekaterinburg: Ural Federal University*; 2016. 434 p. (In Russ.)
- Decree of the Governor of Rostov Region No. 30 of 05.02.2025 "On the Resource Center for Volunteering in Rostov Region". Official Portal of the Government of Rostov Region. Available at: <https://www.donland.ru/documents/20814/>. (In Russ.)
- Standard for Organizing Volunteer Activities. *M.: Assotsiatsiya volonterskikh tsentrov = Moscow: Association of Volunteer Centers*; 2021, 149 p. (In Russ.)
- Skvortsova A.A., Skvortsov A.O., Vorobyev V.P., Makarushina M.D. Transformation of Russian Volunteering Under Social Challenges. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region. Obshchestvennye Nauki = News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences*. 2023; (1(65)):135–145. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-1-13>. (In Russ.)
- The potential and ways of developing philanthropy in Russia / Edited by I.V. Mersiyanova, L.I. Yakobson. *M.: Izdatelskiy dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshaya shkola ekonomiki = Moscow: Publishing House of the State University of Higher School of Economics*; 2010, 419 p. (In Russ.)
- Sikorskaya L.E. Tolerance in the views of young Russian and German social work volunteers. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2007; 9 (281): 52-58. (In Russ.)
- Russians have become more likely to show altruism. Russian news Agency Pobeda. 2023. URL: <https://pobedarf.ru/2023/12/04/rossiyane-stali-chashhe-zanimatsya-volonterstvom>. (In Russ.)

Factors of formation of the volunteer identity of Russians. HSE Analytical Bulletin on the economic and social consequences of coronavirus in Russia and the world. 2023. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/25/1607268575/HSE_Covid_07_2020_4_1.pdf (In Russ.)

The Federal Headquarters of the All-Russian Mutual Aid Campaign #WEARETOGETHER in Rostov Region Celebrates Three Years. Official Portal of the Government of Rostov Region. Available at: <https://www.donland.ru/news/29324/>. (In Russ.)

Federal Law No. 135-FZ of 11.08.1995 (as amended on 28.12.2024) "On Charitable Activities and Volunteering" (with amendments and additions, effective from 05.02.2025). (In Russ.)

Shadzhe L.A. Volunteering as a Resource for Consolidating Russian Society in Conditions of Instability. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki = Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*. 2024; (6):104–110. <https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-28>. (In Russ.)

Shalko E.N. Studying the Role of a Teacher-Organizer in the Development of Self-Awareness Among Adolescents Engaged in Social and Organizational Activities. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya = The world of science, culture, and education*. 2011; (4-1(29)): 46–49. (In Russ.)

Efficiency of Volunteer Program Implementation in the Regions of the Russian Federation / O.A. Bokova, K.S. Lebedeva, Yu.A. Melnikova, A.N. Svidovskaya. *Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet = Barnaul: Altai State Pedagogical University*; 2022, 44 p. (In Russ.)

Carlo G., Okun M. A., Knight G. P., de Guzman M. R. T. The Interplay of Traits and Motives on Volunteering: Agreeableness, Extraversion and Prosocial Value Motivation. *Personality and Individual Differences*. 2005; 38: 1293–1305.

Jiao J., Wang Y., Jiang K. The Effects of Structural Network Embeddedness on College Students' Intention to Volunteer Service Behavior: An Empirical Study. *2023 International Conference on Information Management (ICIM)*. – Oxford, 2023: 61-65. <https://doi.org/10.1109/ICIM58774.2023.00017>.

Wang T. The Relationship among Volunteering Motivation, Moral Emotion and Volunteerism. *Beijing: China University of Geosciences*, 2013.

Дата получения рукописи: 15.07.2025

Дата окончания рецензирования: 20.08.2025

Дата принятия к публикации: 26.08.2025

Информация об авторах

Пилипенко Анастасия Эдуардовна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: kalosha@sfedu.ru

Владимиров Максим Юрьевич – заместитель директора, Государственное автономное учреждение Ростовской области «Донской волонтерский центр» (ГАУ РО «Донволонтер»), аспирант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону; e-mail: fovaza3@mail.ru

Пантелеев Вадим Геннадьевич – научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону; e-mail: pwg92@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Pilipenko Anastasia Eduardovna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: kalosha@sfedu.ru

Vladimirov Maxim Yurievich – Deputy director, State autonomous institution of the Rostov region «Don volunteer center», graduate student Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: fovaza3@mail.ru

Panteleev Vadim Gennadievich - Research associate, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: pwg92@mail.ru.

The authors have no conflict of interests to declare

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ,
ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИИ

Научная статья

УДК 316.7

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.7>

EDN TJILZW

Стили финансовой подготовки россиян к старости: перспективы популяризации добровольного пенсионного страхования**Диана А. Кунижева¹**¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россияe-mail: diana_kunizheva@mail.ru**Дмитрий И. Марков²**²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россияe-mail: dimarkov@fa.ru**Аннотация**

Введение. В условиях демографических сдвигов и трансформации системы социального обеспечения вопрос финансовой подготовки к старости становится одним из наиболее актуальных для современной России. Увеличение нагрузки на трудоспособное население, продолжительности жизни создают серьезные вызовы для существующей пенсионной системы, основанной на принципах солидарности поколений. В этом контексте особое внимание приобретают индивидуальные стратегии накопления на пенсию и развитие инструментов добровольного пенсионного страхования (ДПС). В настоящей статье представлено многообразие подходов россиян в отношении пенсионного планирования: от полного игнорирования до активного использования различных финансовых инструментов. Доказано, что среди россиян выражен как пассивный стиль, когда основная надежда возлагается на государственные выплаты, так и активный – с использованием ДПС. В этих условиях добровольное пенсионное страхование, выступающее как один из ключевых механизмов долгосрочного инвестирования, имеет огромный потенциал для повышения финансовой устойчивости граждан в пожилом возрасте. **Новизна исследования** заключается в том, что эмпирически выявлено, какая доля россиян использует или готова использовать активный стиль финансовой подготовки к старости, а какой полагается исключительно на государство или свои силы. Предложена типологизация россиян по основанию: 1) используемые сегодня и в будущем способы для обеспечения себе достойного уровня жизни на пенсии; 2) готовность воспользоваться системой добровольного пенсионного страхования. Определен социально-демографический портрет представителей разных стилей.

Методы. Результаты исследования получены методом анкетного опроса россиян в апреле 2024 года по выборке, репрезентирующей российское население по полу и возрасту.

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты: в российском обществе преобладает 5 стилей финансовой подготовки к выходу на пенсию: «Государственники», «Абсолютный самселф» «Что угодно, кроме ДПС», «Потенциальные пользователи ДПС», «Пользователи ДПС». Самой крупной оказалась группа

«Потенциальные пользователи ДПС», среди них 25% представителей уверены в том, что вступят в том или ином временном горизонте в практики добровольного пенсионного страхования.

Ключевые слова: финансовое поведение; пенсионное поведение; пенсионное страхование; пенсия; Социальный фонд; долгосрочные сбережения.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2025 год.

Для цитирования: Кунижева Д.А., Марков Д.И. (2025). Стили финансовой подготовки россиян к старости: перспективы популяризации добровольного пенсионного страхования. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 83-96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.7>

Russians' Financial Preparation Styles for Old Age: Prospects for Popularizing Voluntary Pension Insurance

Diana A. Kunizheva¹

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: diana_kunizheva@mail.ru

Dmitry I. Markov²

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
e-mail: dimarkov@fa.ru

Abstract

Introduction. Amid demographic shifts and the transformation of the social security system, the issue of financial preparation for old age has become one of the most pressing issues in modern Russia. The increasing burden on the working-age population and increasing life expectancy pose serious challenges to the existing pension system, which is based on the principles of intergenerational solidarity. In this context, individual retirement savings strategies and the development of voluntary pension insurance (VPI) instruments are gaining particular attention. This article presents the diversity of Russians' approaches to pension planning: from complete disregard to the active use of various financial instruments. It has been demonstrated that Russians exhibit both a passive approach, placing their primary reliance on government payments, and an active approach, utilizing VPI. In these circumstances, voluntary pension insurance, as a key long-term investment mechanism, has enormous potential for increasing the financial stability of citizens in old age. **The study's novelty** lies in its empirical identification of the proportion of Russians who use or are willing to use an active financial preparation style for retirement, while others rely solely on the state or their own resources. A typology of Russians is proposed based on: 1) the methods they currently and will use to ensure a decent standard of living in retirement; 2) their willingness to use the voluntary pension insurance system. A socio-demographic profile of representatives of these styles is also determined.

Methods. The study results were obtained through a questionnaire survey of Russians in April 2024, using a sample representative of the Russian population by gender and age.

Results and its discussion. The following findings were obtained: five predominant financial preparation styles for retirement prevail in Russian society: "State-minded," "Absolutely Self-aware," "Anything but VPI," "Potential VPI Users," and "VPI Users." The "Potential VPI Users" group was the largest, with 25% of respondents confident that they will adopt voluntary pension

insurance practices within a given timeframe.

Keywords: Financial behavior; retirement behavior; pension insurance; pension; Social Fund; long-term savings.

Funding: This article was prepared based on the results of research conducted using budgetary funds, according to a state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2025.

For citation: Kunizheva D.A., Markov D.I. (2025). Styles of financial preparation of Russians for old age: Prospects for popularizing voluntary pension insurance. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 83-96. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.7>

Введение

Демографические вызовы, старение населения и растущая нагрузка (Белехова, 2025) на государственный бюджет ставят под сомнение устойчивость солидарной пенсионной системы в России. Гарантированная государством пенсия все реже способна обеспечить привычный уровень жизни после завершения карьеры, вследствие чего на передний план все чаще выходят механизмы личной ответственности (Белехова, 2025). В этих условиях добровольное пенсионное страхование превращается из дополнительной опции в насущную необходимость, возникшую как ответ на современные тренды (в частности, цифровизацию экономики, усложнение финансового рынка) (Белехова, 2025) и социально-экономические изменения в стране (Дулина, 2019).

Добровольное пенсионное страхование может стать одним из ключевых инструментов для достижения финансовой стабильности в старости. Однако система постоянно эволюционирует и имеет определенные сложности в более активном вовлечении граждан в нее (Кунижева, 2025). Так, например, ДПС требует от людей и систем долгосрочного планирования в условиях постоянной неопределенности, что реализовать на практике оказывается достаточно сложно (Кравченко, 2009). Система негосударственного пенсионного обеспечения, созданная в России Указом Президента в 1992 году, как и система государственного пенсионного обеспечения (Пудовкин, 2015), за более чем три десятилетия подверглась значительным трансформациям (Юшкова, 2019). Ключевые изменения включали реформы законодательства и заморозку пенсионных накоплений в 2014 году. За этот же период количество НПФ кардинально сократилось: с 262 в 2000 году до 35 в 2024 (Ярашева, 2020). Отсутствие последовательности и предсказуемости в действиях государства является основной причиной низкого уровня доверия населения к этой системе (Александрова, 2020)

Еще одним из факторов, подрывающих доверие к пенсионной системе, является низкий уровень осведомленности граждан о принципах ее функционирования (Заяц, 2018), особенно среди молодежи (Тюриков, 2021).

Здесь же стоит отметить и ограничения для участия в ПДС, связанные с материальным положением потенциальных участников. В частности, исследователями фиксируется длительная стагнация реальных доходов населения (Гулютина, 2023), начиная с 2007 года (Бобков, 2024). Причем, наиболее уязвимыми по уровню жизни оказываются домохозяйства с детьми (Одинцова, 2023) (с их появлением приоритетным становится потребление, а сбережение – остаточным (Белехова, 2024) и молодые люди, с одной стороны, в большей степени подверженные иррациональным моделям обращения с деньгами (Марков, 2024), а с другой – имеющие большую потребность в оперативных

средствах для обеспечения себя необходимыми удобствами (стоимость которых постоянно растет) для комфортной жизни (Александрова 2024).

Принимая во внимание аспекты, усложняющие привлечение россиян в систему добровольного страхования и наличие различных более конкурентных долгосрочных финансовых инструментов, проведен анализ перспективы популяризации добровольного пенсионного страхования в рамках научно-исследовательской работы по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2025 год.

Методология и методы исследования

В апреле 2025 года социологами Финансового университета проведено исследование методом анкетного количественного онлайн-опроса россиян (n=1600). Результаты репрезентируют население по полу и возрасту. Смещение в данные опроса может вносить перекося выборки в сторону городских жителей.

Результаты опроса позволили выявить 5 стилей финансовой подготовки к старости. Основой кластеризации послужили: 1) используемые сегодня и в будущем способы для обеспечения себе достойного уровня жизни на пенсии; 2) готовность воспользоваться системой добровольного пенсионного страхования.

Кластер 1: «Государственники» (незастрахованные, 19% в выборке). Данная группа представлена россиянами, которые планируют обеспечить себе достойный уровень жизни на пенсии путем официальной работы, получая «белую» зарплату и не используя при этом никакие другие финансовые инструменты, вероятно, рассчитывая на социальную пенсию; они также не готовы воспользоваться возможностями системы добровольного пенсионного страхования. Кластер «Государственников» чаще представлен женщинами среднего и предпенсионного возраста, с высшим образованием и чаще других – средним профессиональным, проживающими в Москве и Санкт-Петербурге или чаще других – в средних и крупных городах (от 50 тыс. до 500 тыс.). Представители данной группы работают по найму и оценивают свое материальное положение как среднее, каждый десятый – как плохое (доля выше, чем в других кластерах). 75% «государственников» задумываются о своей будущей пенсии.

Кластер 2: «Абсолютный самселф» (12%) – это россияне, которые не намерены полагаться на помощь государства и инструменты добровольного пенсионного страхования, но готовы воспользоваться или уже пользуются различными инвестиционными инструментами, приобретая ценные бумаги/криптовалюту/валюту/драгоценные металлы/имущество для сдачи в аренду, развивают собственный бизнес, инвестируют в детей или откладывают деньги в банке / хранят «под подушкой» Данная группа чаще представлена мужчинами-предпринимателями и самозанятыми среднего и предпенсионного возраста с высшим образованием. Представители этой группы чаще имеют хорошее или очень хорошее материальное положение, проживают в городах-миллионниках, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. Реже остальных кластеров задумываются о своей будущей пенсии (67%).

Кластер 3%: «Что угодно, кроме ДПС» (11%) – его образуют респонденты, не рассматривающие варианты использования хоть какой-нибудь из программ добровольного пенсионного страхования, при этом они готовы трудиться на

официальной работе, получая «белую» зарплату и использовать любые другие способы подготовки себя к старости. К кластеру «Что угодно, кроме ДПС» относятся мужчины среднего и предпенсионного возраста, чаще – проживающие в крупных городах (от 101 тыс. до 500 тыс.), работающие по найму и имеющие среднее материальное положение. В кластере доля имеющих высшее образование выше, чем в остальных, а каждый пятый представитель имеет два высших образования или ученую степень кандидата/доктора наук. 81% группы задумывались о своей будущей пенсии.

Кластер 4: «Потенциальные пользователи ДПС» (43%) – состоит из людей, выразивших ту или иную степень готовности воспользоваться в будущем возможностями добровольного пенсионного страхования. «Потенциальные пользователи ДПС» – самый молодой кластер, доли мужчин и женщин практически равны. Представители данной группы проживают в городах-миллионниках и в крупных городах (от 101 тыс. до 950 тыс.), оценивают свое материальное положение как среднее или хорошее. Чаще других имеют только среднее образование. 81% группы задумывались о своей будущей пенсии.

Кластер 5: «Пользователи ДПС» (16%) – включает опрошенных, осуществляющих самостоятельные отчисления средств в негосударственный пенсионный фонд (НПФ), участвующих в корпоративной пенсионной программе от работодателя, в программе долгосрочных сбережений (ПДС) от НПФ или являющихся держателем полиса «Накопительное страхование жизни» (НСЖ). Данная группа представлена и женщинами, и мужчинами средних лет, проживающими в городах-миллионерах и в крупных городах (от 101 тыс. до 950 тыс.). Материальное положение данной категории среднее или хорошее. Представители группы имеют высшее образование и в основном работают по найму, почти каждый пятый – предприниматель или самозанятый. 85% кластера задумывались о своей будущей пенсии.

Таким образом, около 60% опрошенных россиян можно назвать вовлеченными в программы негосударственного пенсионного обеспечения, среди которых 16% уже используют возможности ДПС, а 43% потенциально готовы к этому, но с разной оценкой своей уверенности.

Результаты исследования

Результаты исследования представлены несколькими тезисами:

- 1) *Общественные дискурсы: на ком лежит ответственность за формирование пенсионных накоплений;*
- 2) *Уровень информированности о том, как устроена система добровольного пенсионного страхования и желание узнать больше о ней;*
- 3) *Уровни доверия субъектам и программам добровольного пенсионного страхования;*
- 4) *Динамика доверия к системе добровольного пенсионного страхования за последние 2-3 года;*
- 5) *Оценки добровольного пенсионного страхования с точки зрения безопасности, выгоды, популярности, справедливости, защиты от инфляции, репутации, интересности.*

Начнем с первого тезиса.

*1. **Общественные дискурсы: на ком лежит ответственность за формирование пенсионных накоплений.** По мнению представителей всех кластеров, ответственность за*

формирование пенсионных накоплений должна быть возложена на государство. В этом убеждены представители кластеров «Что угодно, кроме ДПС» (91%) и «Государственники» (86%). Кластер «Что угодно, кроме ДПС» чаще других отмечает роль человека и индивидуальную ответственность (51%). «Пользователи ДПС», помимо государства (69%) и индивидуальной ответственности человека (48%), чаще других говорят о том, что ответственность за формирование пенсий должна быть возложена на работодателей (30%) и частные структуры (21%). В группе «Абсолютный самселф» разделяют ответственность за пенсионное обеспечение между государством (65%) и каждым человеком индивидуально (42%) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, на ком ДОЛЖНА лежать ответственность за формирование пенсионных накоплений?» (сравнение кластеров)

	«Государственники»	«Абсолютный самселф»	«Что угодно, кроме ДПС»	«Потенциальные пользователи ДПС»	«Пользователи ДПС»
Государство	86%	65%	91%	77%	69%
Человека (индивидуальная ответственность)	17%	42%	51%	42%	48%
Частные структуры – негосударственные пенсионные фонды, страховые компании, банки	6%	7%	9%	16%	21%
Работодатель	19%	7%	18%	23%	30%
Ближайшее окружение (собственных детей, супругов)	0%	4%	4%	2%	5%

Источник: составлено авторами.

2. *Уровень информированности о том, как устроена система добровольного пенсионного страхования и желание узнать больше о ней.* Здесь выделяются кластеры «Пользователи ДПС» – 75% представителей информированы о системе добровольного пенсионного страхования, и «Государственники» – наоборот, знающих сравнительно меньше – 46%. Самый не заинтересованный кластер в повышении информированности о ДПС – «Абсолютный самселф» (72% не хотят). Самый заинтересованный кластер – «Потенциальные пользователи ДПС» (78% хотят).

3. Уровни доверия субъектам и программам добровольного пенсионного страхования. «Потенциальные пользователи ДПС» и «Пользователи ДПС» выражают большее, нежели другие кластеры, доверие всем предложенным для оценки субъектам и программам ДПС – НПФ, работодателям, страховым компаниям, Социальному фонду России, корпоративной пенсионной программе от работодателя, полису НСЖ и ПДС. Индексные значения только этих двух групп населения являются положительными. «Абсолютный самселф» же, напротив, выступает единственным кластером с исключительно отрицательными индексами доверия ко всем субъектам и программам ДПС (от -46 и.п. для НПФ до -9 и.п. для работодателей), что свидетельствует о недоверии данной группы населения к системе ДПС в целом (табл. 2).

Среди субъектов ДПС наименьшим доверием у представителей всех стилей финансовой самоподготовки к старости пользуются НПФ (от -46 и.п у «Абсолютных самселф» до 5 и.п. у «Потенциальных пользователей ДПС») и страховые компании (от -37 и.п у «Абсолютных самселф» и «Что угодно, кроме ДПС» до 16 и.п. у «Потенциальных пользователей ДПС»).

Среди программ ДПС самые высокие показатели доверия от большинства кластеров зафиксированы у корпоративной пенсионной программы от работодателя, а самые низкие – у полиса НСЖ и ПДС.

Таблица 2

Оценки доверия россиян субъектам и программам добровольного пенсионного страхования, в % от опрошенных в каждой группе и в индексных пунктах (сравнение кластеров)

	«Государственники»	«Абсолютный самселф»	«Что угодно, кроме ДПС»	«Потенциальные пользователи ДПС»	«Пользователи ДПС»
Негосударственные пенсионные фонды					
Безусловно не доверяю	17%	28%	24%	6%	11%
Скорее не доверяю	55%	51%	34%	35%	29%
Скорее доверяю	13%	14%	30%	46%	48%
Безусловно доверяю	0%	0%	0%	5%	3%
Затрудняюсь ответить	15%	7%	13%	8%	10%
Индексы доверия	-38 и.п.	-46 и.п.	-25 и.п.	5 и.п.	1 и.п.
Работодатели					
Безусловно не доверяю	3%	10%	9%	4%	4%
Скорее не доверяю	32%	38%	23%	21%	29%
Скорее доверяю	46%	35%	51%	62%	51%
Безусловно доверяю	6%	3%	8%	9%	9%
Затрудняюсь ответить	13%	14%	10%	5%	7%
Индексы доверия	10 и.п.	-9 и.п.	13 и.п.	25 и.п.	16 и.п.
Страховые компании					
Безусловно не доверяю	19%	22%	24%	4%	8%
Скорее не доверяю	49%	49%	46%	28%	35%

	«Государственники»	«Абсолютный самселф»	«Что угодно, кроме ДПС»	«Потенциальные пользователи ДПС»	«Пользователи ДПС»
Скорее доверяю	19%	17%	16%	51%	39%
Безусловно доверяю	1%	1%	2%	9%	8%
Затрудняюсь ответить	12%	11%	12%	7%	11%
Индексы доверия	-33 и.п.	-37 и.п.	-37 и.п.	16 и.п.	2 и.п.
Социальный фонд России					
Безусловно не доверяю	14%	26%	15%	5%	7%
Скорее не доверяю	18%	38%	27%	18%	18%
Скорее доверяю	45%	24%	44%	59%	51%
Безусловно доверяю	9%	2%	8%	14%	18%
Затрудняюсь ответить	13%	10%	6%	3%	6%
Индексы доверия	9 и.п.	-31 и.п.	1 и.п.	30 и.п.	27 и.п.
Корпоративная пенсионная программа от работодателя					
Безусловно не доверяю	9%	17%	18%	5%	4%
Скорее не доверяю	36%	41%	31%	20%	21%
Скорее доверяю	21%	21%	32%	49%	51%
Безусловно доверяю	2%	3%	1%	5%	9%
Затрудняюсь ответить	14%	10%	4%	14%	9%
Ничего не знаю об этом	18%	7%	13%	7%	6%
Индексы доверия	-14 и.п.	-24 и.п.	-16 и.п.	14 и.п.	20 и.п.
Полис «Накопительное страхование жизни» (НСЖ)					
Безусловно не доверяю	14%	21%	18%	2%	6%
Скорее не доверяю	38%	41%	42%	23%	28%
Скорее доверяю	11%	8%	16%	44%	42%
Безусловно доверяю	0%	4%	0%	7%	9%
Затрудняюсь ответить	21%	14%	10%	10%	9%
Ничего не знаю об этом	17%	12%	15%	15%	6%
Индексы доверия	-27 и.п.	-34 и.п.	-31 и.п.	15 и.п.	9 и.п.
Программа долгосрочных сбережений (ПДС)					
Безусловно не доверяю	15%	25%	25%	1%	9%
Скорее не доверяю	41%	38%	41%	27%	20%
Скорее доверяю	15%	13%	15%	45%	51%
Безусловно доверяю	0%	6%	2%	8%	10%
Затрудняюсь ответить	22%	11%	6%	13%	8%
Ничего не знаю об этом	8%	8%	11%	6%	3%
Индексы доверия	-28 и.п.	-32 и.п.	-36 и.п.	16 и.п.	17 и.п.

Источник: составлено авторами.

Таким образом, уровень доверия россиян субъектам и программам добровольного пенсионного страхования выше среди тех, кто уже пользуется или планирует

воспользоваться программами ДПС, нежели среди полагающихся на себя, государство или другие инструменты финансовой самоподготовки к старости.

4. *Динамика доверия к системе добровольного пенсионного страхования за последние 2-3 года.* Пользователи и потенциальные пользователи ДПС за последние 2-3 года стали преимущественно относиться с большим доверием к системе добровольного пенсионного страхования (35% и 33% соответственно). В свою очередь, у профилей «Государственники», «Абсолютный самселф» и «Что угодно, кроме ДПС» отношение к системе ДПС не изменилось (58%, 73% и 69%), они как не доверяли, так и не доверяют. Но при этом наибольшая доля тех, кто стал относиться с меньшим доверием – это профиль «Государственники» (28%) (табл. 3).

Таблица 3

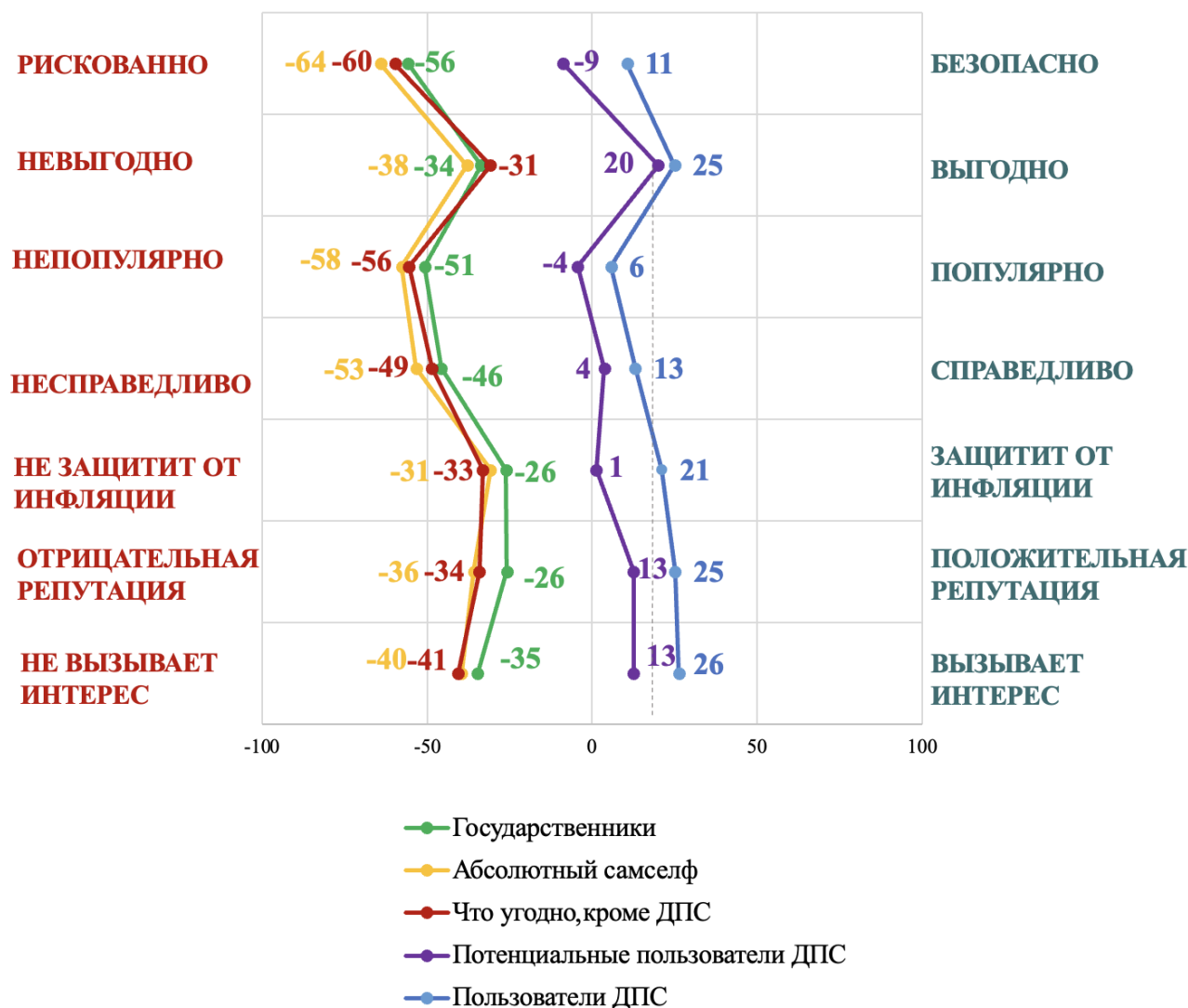
Распределение ответов на вопрос «Как в целом изменилось ваше доверие к системе добровольного пенсионного страхования за последние 2-3 года?» (сравнение кластеров)

	«Государственники»	«Абсолютный самселф»	«Что угодно, кроме ДПС»	«Потенциальные пользователи ДПС»	«Пользователи ДПС»
Стал(а) относиться к системе добровольного пенсионного страхования с бóльшим доверием	10%	2%	3%	34%	35%
Стал(а) относиться к системе добровольного пенсионного страхования с меньшим доверием	28%	19%	19%	21%	26%
Мое отношение к системе добровольного пенсионного страхования не изменилось — не доверял и не доверяю	58%	73%	69%	23%	16%
Мое отношение к системе добровольного пенсионного страхования не изменилось — доверял и доверяю	5%	5%	9%	23%	23%

Источник: составлено авторами.

5. *Оценки добровольного пенсионного страхования с точки зрения безопасности, выгоды, популярности, справедливости, защиты от инфляции, репутации, интересности.* В восприятии представителей всех кластеров наблюдается скепсис относительно характеристик добровольного пенсионного страхования (рис.1). Нет выраженной детерминанты, которая позитивно раскрывала бы образ ДПС. Критичнее остальных настроены представители кластеров «Абсолютный самселф» и «Что угодно,

кроме ДПС», особенно в отношении безопасности, популярности и справедливости ДПС (рис. 1).

Источник: составлено авторами.

Рисунок 1. Индексы отношения россиян к участию в добровольном пенсионном страховании

Заключение

Таким образом, выявлено и проанализировано 5 стилей финансовой подготовки россиян к выходу на пенсию: «Государственники», «Абсолютный самселф», «Что угодно, кроме ДПС», «Потенциальные пользователи ДПС», «Пользователи ДПС». Самой крупной оказалась группа «Потенциальные пользователи ДПС», среди них 25% представителей уверены в том, что вступят в том или ином временном горизонте в практики добровольного пенсионного страхования. Можно заключить, что данную группу как потенциально вовлеченную в программы негосударственного пенсионного обеспечения, необходимо исследовать с точки зрения факторов, сдерживающих от вступления в ДПС и реализовать фокусированную работу над привлечением их в практики негосударственного пенсионного обеспечения. А мотивы вступления в ДПС представителей «Пользователи ДПС» могут послужить драйверами для наращивания

сторонников в других кластерах.

Полученные результаты также позволяют заключить, что россияне «не закрыты» для участия в программах ДПС, но их вовлечение потребует достаточно длительного времени и заметных усилий со стороны государства, особенно в части повышения доверия. В частности, это потребует подробного информирования населения о рисках и возможностях участия в программах добровольного пенсионного страхования, мерах стимулирования и гарантиях, которые государство готово предпринять для минимизации тех или иных рисков. Как мы отметили в одной из предыдущих статей, рост доверия и доли вовлеченных в ДПС, требует наличия и роста доли положительных примеров – тех, кто сумел обеспечить себе достойную старость, участвуя в данных программах (Кунижева, 2025).

Литература

- Александрова, О.А.* Инфантильные или ответственные: студенческая молодёжь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах // *Народонаселение*. – 2024. – Т. 27. – № S1. – С. 107-119. – <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119>. – EDN YXWVNE
- Александрова, О.А.* Обеспеченные или нищие: что думают молодые россияне о будущей старости и как намерены действовать? / О.А. Александрова, Д.И. Марков // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 3(157). – С. 42-65. – <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>. – EDN ZTMNHJ.
- Белехова, Г.В.* Возрастные особенности подготовки к старости: стратегии населения в контексте реализации госпрограмм для старшего поколения / Г.В. Белехова, А.В. Попов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 203-222. – <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.11>. – EDN MLHRLA.
- Белехова, Г.В.* Сберегательное поведение домохозяйств с детьми и без детей: есть ли отличия? / Г.В. Белехова // III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы» (Воронеж, 23–25 мая 2024 года). – Воронеж: ООО «Цифровая полиграфия», 2024. – С. 351-358. – EDN PPWPGU.
- Белехова, Г.В.* Финансовая грамотность населения старшего возраста как составляющая благополучной жизни в старости / Г.В. Белехова // *Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы* : Материалы X Международной научно-практической конференции, Москва, 29 ноября 2024 года. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2025. – С. 43-48. – EDN YYSHKE.
- Бобков, В.Н.* О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Е.В. Одинцова // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 59-75. – https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75. – EDN IJGXW.
- Гулюгина, А.А.* Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов / А.А. Гулюгина // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 395-406. – https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406. – EDN MCQQSC.
- Дулина, Н.В.* Финансовое поведение пенсионеров: трансформация под влиянием цифровой экономики? / Н.В. Дулина, Д.В. Моисеева // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 399-406. – <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-399-406>. – EDN NYHFUI.
- Заяц, О.В.* Уровень информированности молодежи о пенсионном страховании в России (на примере студентов ДВФУ) / О.В. Заяц, Д.И. Зиннатуллина // *World science: problems and innovations* : сборник статей XXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 августа 2018 года. – Пенза: "Наука и Просвещение", 2018. – С. 317-321. – EDN XWIDCX.
- Как старение населения России повлияет на ключевые экономические показатели. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/10/25/653654369a79474c35c944c6>
- Кравченко, С.А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме / С.А. Кравченко. – Москва, 2009. – 224 с. – ISBN 978-5-86476-296-7. – EDN PZWPLL.

- Кунижева, Д.А. Доверие россиян системе добровольного пенсионного страхования / Д.А. Кунижева, Д.И. Марков // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 8(136). – С. 20-26. – <https://doi.org/10.24158/spp.2025.8.2>. – EDN UOQWDI.
- Марков, Д.И. Типология сберегателей: опыт эмпирического исследования установок и правил обращения с доходами россиян / Д.И. Марков // Социальное пространство. – 2024. – Т. 10, № 4. – <https://doi.org/10.15838/sa.2024.4.44.6>. – EDN JGVGJG.
- Население России в перспективе до 2045 года. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/barom02.php>
- Одинцова, Е.В. Особенности уровня жизни и трудового положения домохозяйств с детьми и без детей / Е.В. Одинцова, Т.В. Чащина, Д.А. Мочалов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 155-171. – <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.9>. – EDN JDQXJU.
- Пудовкин, А.В. Анализ системы пенсионного обеспечения в СССР / А.В. Пудовкин // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 2(41). – С. 217-223. – EDN TVRHFZ.
- Тюриков, А.Г. Установки российских студентов в отношении индивидуальных пенсионных накоплений / А.Г. Тюриков, П.В. Разов, Д.И. Марков // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 62-75. – <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.6>. – EDN QXFXBY.
- Указ Президента РФ «О негосударственных пенсионных фондах» от 16 сентября 1992 г. №1077 // Гарант.ру. – URL: <https://base.garant.ru/10102369/>
- Юшкова, С.А. Стратегии пенсионного поведения в условиях реформирования пенсионной системы / С.А. Юшкова, М.В. Дорошенко // Власть. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 41-46. – <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6196>. – EDN YZPVFR.
- Ярашева, А.В. Финансовое поведение населения : Мониторинг. 2020 / А.В. Ярашева, О.А. Александрова, Е.И. Медведева [и др.]. Том 2. – Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2020. – 123 с. – ISBN 978-5-4465-2933-9. – EDN UUODDV.

References

- Aleksandrova O.A. Infantile or responsible: student youth on new trends in the marital, family and reproductive spheres. *Narodonaselenie = Population*. 2024; 27: 107-119. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119>. (In Russ.).
- Aleksandrova O.A., Markov D.I. Wealthy or poor: what do young Russians think about their future old age and how do they intend to act? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020; 3 (157): 42-65. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1607>.
- Belekhova G.V., Popov A.V. Age-related features of preparation for old age: population strategies in the context of the implementation of state programs for the older generation. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2025; 18; 3: 203-222. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.3.99.11>.
- Belekhova G.V. Savings behavior of households with and without children: are there any differences? *III-j Mezhdunarodnyj demograficheskij forum «Demografiya i global'nye vyzovy» (Voronezh, 23–25 maya 2024 goda) = III International Demographic Forum "Demography and Global Challenges (Voronezh, May 23-25, 2024). Voronezh: OOO «Cifrovaya poligrafija» = Voronezh: OOO "Digital Printing"*. 2024: 351-358.
- Belekhova G.V. Financial literacy of the older population as a component of a prosperous life in old age. *Dohody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendencii i perspektivy: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 29 noyabrya 2024 goda = Income, expenses and savings of the population of Russia: trends and prospects: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 29, 2024. Moskva: Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr RAN = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences*. 2025: 43-48.
- Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. On the risks in the sphere of the standard of living of the population of Russia, opportunities and solutions for their reduction / V.N. Bobkov, *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2024; 20; 1: 59-

75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75.
Gulyugina A.A. Purchasing power of cash income of the population of Russia in the context of modern challenges. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2023; 19; 3: 395-406. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_7_395_406.
Dulina N.V., Moiseeva D.V. Financial behavior of pensioners: transformation under the influence of the digital economy? *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya = Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*. 2019; 19; 4: 399-406. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-399-406>.
Zayats O.V., Zinnatullina D.I. The level of awareness of young people about pension insurance in Russia (on the example of FEFU students). *World science: problems and innovations: collection of articles of the XXIII International scientific-practical conference, Penza, August 30, 2018. Penza: "Nauka i Prosveshchenie" = Penza: "Science and Education"*. 2018: 317-321.
 How the aging of the population of Russia will affect key economic indicators. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/10/25/653654369a79474c35c944c6>
Kravchenko S.A. Risks in a nonlinear global-local society. Moscow, 2009: 224 p.– ISBN 978-5-86476-2967.
Kunizheva D.A., Markov D.I. Trust of Russians in the voluntary pension insurance system. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2025; 8; 136: 20-26. <https://doi.org/10.24158/spp.2025.8.2>.
Markov D.I. Typology of savers: experience of an empirical study of attitudes and rules for handling Russians' income. *Social'noe prostranstvo = Social space*. 2024; 10; 4. <https://doi.org/10.15838/sa.2024.4.44.6>.
 The population of Russia in the long term up to 2045. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/barom02.php>
Odintsova E.V., Chashchina T.V., Mochalov D.A. Features of the standard of living and labor status of households with and without children. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2023; 16; 5: 155-171. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.5.89.9>.
Pudovkin A.V. Analysis of the pension system in the USSR. *Vestnik MGIMO Universiteta = Bulletin of MGIMO University*. 2015; 2; 41: 217-223.
Tyurikov A.G., Razov P.V., Markov D.I. Attitudes of Russian students regarding individual pension savings. *Narodonaselenie = Population*. 2021; 24; 3: 62-75. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.3.6>.
 Decree of the President of the Russian Federation «On non-state pension funds» dated September 16, 1992 No. 1077. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/10102369/>
Yushkova S.A., Doroshenko M.V. Pension behavior strategies in the context of pension system reform. *Vlast' = Power*. 2019; 27; 1: 41-46. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6196>.
Yarasheva A.V., Alexandrova O.A., Medvedeva E.I. Financial behavior of the population: Monitoring. 2020; 2. Moskva: *Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr Rossijskoj akademii nauk = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian*.

Дата получения рукописи: 25.08.2025

Дата окончания рецензирования: 05.09.2025

Дата принятия к публикации: 10.09.2025

Информация об авторах

Кунижева Диана Анзоровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; e-mail: diana_kunizheva@mail.ru

Марков Дмитрий Игоревич – стажер-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; e-mail: dimarkov@fa.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Diana Anzorovna Kunizheva – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, Leading Researcher at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; e-mail: diana_kunizheva@mail.ru

Dmitry Igorevich Markov – Research intern at the Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; e-mail: dimarkov@fa.ru

The author has no conflict of interests to declare

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.8>

EDN HVL RDE

Цивилизационные приоритеты России**Александр М. Осипов¹**¹ Петровская академия наук и искусств, г. Великий Новгород, Россия

e-mail: osipov.al58@gmail.com

Александр В. Скоробогатко²² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: skorobogatkoav@mail.ru

Виталий В. Ковалев³³ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются социальные, значимые для современной России черты глобального конфликта как долгосрочной ситуации и подчеркивается важность мобилизации социальных ресурсов российского общества для выживания, самосохранения и развития в обозримом будущем. Авторы также обращают внимание на неоднозначные позиции в текущем состоянии российской социологии, уточняют ее миссию в научном раскрытии проблемы мобилизации общества и обозначают цивилизационные приоритеты России.

Ключевые слова: глобальный конфликт; Россия как современная цивилизация; приоритеты России.

Для цитирования: Осипов А.М., Скоробогатко А.В., Ковалев В.В. (2025). Цивилизационные приоритеты России. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 98-105. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.8>

Civilizational Priorities of Russia**Alexander M. Osipov¹**¹ Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Veliky Novgorod, Russia

e-mail: osipov.al58@gmail.com

Alexander V. Skorobogatko²² Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: skorobogatkoav@mail.ru

Vitaly V. Kovalev³³ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: vitkovalev@yandex.ru

Abstract. The article examines the social features of the global conflict as a long-term situation that are significant for modern Russia, and emphasizes the importance of mobilizing the social resources of Russian society for survival, self-preservation, and development in the foreseeable future. The authors also draw attention to the ambiguous positions in the current state of Russian sociology, clarify its mission in scientifically addressing the issue of mobilizing society, and identify Russia's civilizational priorities.

Keywords: global conflict; Russia as a modern civilization; Russia's priorities.

For citation: Osipov A.M., Skorobogatko A.V., Kovalev V.V. (2025). Russia's Civilizational Priorities. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 98-105. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.8>

Введение

Российское общество и государство в 2022 г. оказались в «новых» геополитических обстоятельствах и меняют отношение к решаемым проблемам. Важно оценить приоритеты России в этой ситуации и обозримом будущем (XXI в.) с позиции социологии. М. Горбачев и Б. Ельцин приложили усилия по «интеграции в цивилизованный мир», и страна «открылась». Глобальная интеграция с воплощением интересов России не состоялась (да и могла ли?). Болонизация и менеджериализация образования и науки, отвергнутые частью ученых (Садовничий), были навязаны неолиберальной элитой и отбросили эти отрасли назад. «Свободный» рынок при попытке России обеспечить свою безопасность обернулся санкциями, потерей «вывезенных для сохранности» золотовалютных резервов РФ в 1/2 ее годового бюджета, запретом экспортно-импортных связей, подрывами газопроводов... Холодная война переросла в военно-техническое и экономическое подавление России, нагнетание напряженности на ее границах, подпитку оппозиции для внутреннего конфликта и слома государства. Многовековое амплуа Запада в отношении к России – как в известной басне у Волка к Ягненку «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Красной чертой стал «культурный» и военный геноцид против Донбасса и подготовка с помощью ЕС и НАТО гибридной войны Украины (в которой «вдруг» разглядели неонацизм) против РФ. Это – новый план DropShot XXI века: вновь «просвещенный» Запад видит Россию изгоем, заслуживающим наказания. СВО против киевского режима – подобие артиллерийской контратаки Красной Армии 5 июля 1943 г. и наступление под Курском на готовых к броску фашистов. Масштаб угрозы велик². Ее цена – следствие ложных стратегий правящих элит с 1990-х гг., их неспособности оценить планы глобалистских элит сломать Россию как государство и отвлечь ее граждан от этой угрозы, сдержать мобилизацию общества на самозащиту и развитие.

Глобальный конфликт, СВО и неоднозначные позиции в российской социологии

Казалось бы, ВСК-7 в этой глобальной и долгосрочной ситуации должен сориентировать сообщество ученых на ключевую проблему страны. Но Президиум РОС определил для него тему общественной памяти³. В январе 2025 г. проф. А. М. Осипов направил в Оргкомитет ВСК-7 мотивированное предложение посвятить конгресс проблеме социальных ресурсов защиты России в условиях СВО. Данная проблема является самой насущной и долговременной. С ней связана перспектива выживания российского государства. Она является относительно новой для российской социологии и комплексной, в ней социологии принадлежит миссия освещения судьбоносных решений, наряду с другими гуманитарными и социальными науками.

Выдвижение темы общественной памяти (составившей лишь седьмую часть Научной программы ВСК-7⁴, в которой нет и военной социологии) в противовес проблематике защиты страны от уничтожения в глобальном конфликте – сродни

² Министр обороны РФ С. К. Шойгу 21.09.2022 г. сообщил о гибели за первые полгода СВО почти 6 тысяч российских военных (URL: <https://ria.ru/20220921/poteri-1818333891.html>). Как минимум, к гуманитарным потерям РФ нужно отнести гибель мирных жителей на Востоке Украины за многие годы и, например, во временно оккупированной ВСУ части Курской области (в 2024-2025 гг.), массы «пропавших без вести», сотни тысяч раненых, инвалидов, вдов, сирот; к экономическим – военные расходы ВС РФ и ОПК, разруху миллионов домохозяйств, сотен городов и тысяч предприятий, безработицу и экономические бедствия, ресурсы на врачебную и материальную помощь, колоссальное по объему хозяйственное и инфраструктурное восстановление жизни освобожденных от ВСУ территорий.

³ *Общественной памяти* как термина нет в социологических словарях и энциклопедии. Насколько проблема памяти важна, говорит Научная программа ВСК-7, где 1 сессия (из 18) и 7 секций (из 32) включают этот термин. Выбор темы для конгресса говорит о по меньшей мере спорной позиции принявших решение о теме ВСК-7. В свою очередь, темы СВО и связанных с нею социальных проблем, как коррупция, преступность, бюрократия, дезинтеграция и других – вообще нет в этой Научной программе.

⁴ Научная программа ВСК-7: URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=600.

позиции глобалистской части элит и бюрократов: «это не наша война». В общественной памяти и истории науки, увы, останется тот факт, что ВСК-7 2025 г. обошел молчанием идущие четвертый год военные действия страны против гибридного жестокого неонацизма объединенного Запада и сопряженные с ними социальные проблемы. В этом, по нашему мнению, выражается определенная идейная и ценностная позиция.

За 10 месяцев до конгресса Оргкомитет отказался рассматривать изменение его темы и предложил автору сформировать самостоятельно особую секцию по предложенной им теме и собрать заинтересованных в ней участников⁵. Тем самым Оргкомитет как бы снял с себя ответственность за выбор неактуальной темы для ВСК-7, за отказ признать более насущную для социологической науки тему социальных ресурсов России в глобальном конфликте и СВО. Авторы убеждены, что их мнение разделяют многие социологи. Конгресс по теме «общественной памяти» – неиспользованная возможность обратиться к актуальной проблеме, которая, по нашему мнению, в большей степени отвечает потребностям социального развития.

Глобальные идеи, «забытые» элитами, и выводимые их адептами из оборота

В XX в. капиталократия (Субетто, 2009) стала мировой. Ее кризисы неизбежны и цикличны (более 200 войн с потерей 170 миллионов жизней, разрухой десятков стран). Она применяет стратегии управляемого хаоса, питает «пятые колонны» и региональные конфликты, сжигающие ресурсы и ставящие страны и народы на грань выживания. И. В. Сталин писал о закономерном обострении борьбы мировой буржуазии за продление ее глобального господства. Был ли он неправ?

При видимой национально-государственной мозаичности мира, верхушки национальных элит в союзе с коррумпированной бюрократией, вопреки интересам государств и народов, насадили в мире монополярность через деятельность «экономических убийц» и наднациональных структур, опутывающих регионы мира кредитной кабалой и мифами о слабости государств.

В этой мозаичности особый цивилизационный статус – у России, самодостаточной в плане экономических и природных ресурсов, культурного многообразия, общественного интеллекта. Элиты, втянув РФ в мировой рынок, вывозят из нее капиталы (в денежной форме – ежегодно около шестой части госбюджета) и ресурсы. Страна теряет оптимальность хозяйственной структуры и технологическую независимость, ослабла демографически и экономически, измотана рыночными реформами и мифами. От способности вернуть себе эту независимость и контроль над своими ресурсами, опору на совесть и ценность труда зависят судьба ее народов и новых поколений, многополярность, равновесие мира.

Реалии глобального развития России

Глобальная экономика – по большей части капиталистическая, живет лишь при скачкообразном производстве и растущем ресурсопотреблении, конфликтности мира. Попытки ученых (Римский клуб, Субетто, 2009; и др.) указать на гибельность рынка для Земли скрыты от людей (Глобальный..., 2022). Глобалистские медиа с 1990-х гг. скармливают населению лицензионные кальки популярных на Западе передач: *Фабрику звезд*, *Хочешь стать миллионером*, *Поле чудес*, *Ледниковый период*, *ДНК*, *Маски*, *Голос*, *Пусть говорят* и иные шоу, сериалы, сплетни, коммерческий спорт, стендапы, где гибельность рынка для страны изъята целиком из кругозора.

Часть топ-менеджмента скрытно занята самообогащением, что вытекает из статистики расследований коррупции и многомиллиардных конфискации, попадающей в каналы СМИ. Она выполняет наднациональные интересы, срослась с финансовым капиталом, достигла автономии от граждан, отделила науку от государства (Алферов,

⁵ Источник – данные личной электронной переписки А. М. Осипова с секретариатом РОС и Оргкомитетом ВСК-7, которая продолжалась несколько месяцев (личный архив А.М. Осипова).

2019), узаконила свои привилегии и бюрократологии, культ имитации над правдой. Бюрократологии не сломать снизу (что было бы равноценно социальной революции – крупному риску для государства). Нужны политическая воля сверху и сильная организация масс ее сторонников снизу.

Главные опасности бюрократологий – непрозрачность менеджмента, менеджериализация бюрократии и бюрократическая тирания в разных сферах, клановость, коррупция, уход от научного управления и потребностей общества (как в «методологии» нацпроектов (Осипов, 2022: 27)) в пользу управления по т. н. результатам. Безответственность бюрократов, в том числе в науке, распахнула ворота непрофессионализму, под видом разнообразия точек зрения подавляющему развитие научного знания (Осипов, 2024). Бюрократологии сокращают цивилизационные преимущества России, усиливают социальную дезинтеграцию и размывают со стороны населения поддержку власти.

Есть диссонанс между внешней и внутренней политикой: внешняя (Украина, СВО, кризисы в мире и т.п.) получает больше времени в СМИ и ТВ; внутренняя (экономическая, социальная, демографическая, аграрная, молодежная, образовательная, научная) освещается скудно и некритически. Во внешней заявлен приоритет национальных интересов, во внутренней сохранились диктат чиновничества, дезинтеграция, сверхдоходы и вывоз капитала, структурные перекосы (ввозим продовольствие, автомобили, турбины, станки, микрочипы, бытовую технику, нержавейку, упаковку, посуду, гвозди ...), идолоизация «звезд», бедность, спад экономической активности – и призывы к стабильности. Возникает вопрос: что хуже для РФ – санкции Запада или негативное действие правящих элит и бюрократии?

Приоритеты России становятся еще контрастнее, когда глобалистские элиты насаждают негатив в отношении к РФ в жанре *highly-likely* с опорой на подконтрольные им медиа-ресурсы. Западные общества (впрочем, и российское тоже) в эпоху Интернета и социальных сетей, возросшей образованности подвержены информационно-политическим манипуляциям с привлечением проплаченных медиа-клоунов. В них память о войнах и многомиллионных людских жертвах стерта, как и понимание последствий ядерных конфликтов.

Манипуляции обществом через *псевдосвободный* выбор информации (десятки и сотни якобы разных, а на деле сходных каналов ТВ и радио, сетевых «независимых» изданий). Большинство их стремится привязать людей к сетям, сделать из Общества – пассивного Зрителя, создав для него вал ажиотажного, но бесполезного, дезориентирующего и разлагающего личность контента, с подчас тонко продуманной имитацией важных Человеку смыслов и идей. Но в этом постоянно нагнетаемом информационном вале здоровые зёрна теряются... (Хомский, 2019). Полезные КНИГИ – уже стали рудиментами (к чему ведет «проектное» и «онлайн» обучение, вместо вдумчивой работы с ними – «экранная культура», *paste-and-soru* и скрытно управляемые IT-сети). Слова Ленина: «Люди всегда были и ... будут глупенькими жертвами обмана и самообмана ...» перефразируем: *пока не научатся за любыми фильмами, сериалами, теле- и ток-шоу, викторинами, рекламой, клипами, репортажами, развлечениями и скандалами, за общей тематической и эмоциональной направленностью этого потока разыскивать интересы тех или иных классов и элит.*

Опасности для России как цивилизации

Главная опасность – социальная дезинтеграция, лишаящая Родину перспективы общественного прогресса и мобилизации сил при кризисах. Дезинтеграция – итог рыночно-радикальной политики, разрушения справедливости – вид гибридного оружия, разъедающего отношения между группами и слоями, массовую психологию и культуру в РФ. Она ослабляет готовность к достижению интересов Родины, делает политический строй шатким, добавляет ему риски. Дезинтеграция – продукт 4 трендов:

а). Дезинтеграция как небывалое экономическое расслоение населения замалчивается. Децильный коэффициент неравенства, который в СССР был 3-4, в

нынешних капстранах – 6, в текущий момент официально превысил 15 (по оценке ученых РАН – 20, в Москве до 40). Суточная плата за квалифицированный труд разнится в 4 тыс. раз – от 600 рублей у учителя до 2-3 млн у члена Правления Сбербанка. У министра Мантурова и главы «Газпрома» Миллера – несколько млн. руб. в день [Сведения о ..., 2021] – в 70-100 раз больше, чем у Президента РФ. Правительство РФ находит оправдания компенсациям из госбюджета затрат даже на отдых для богатых. Средний класс сжался с 21 до 12 %. Для 2/3 занятых труд – не главный залог успеха в жизни. Уровень доходов большинства работающих необоснованно низок, внутренний платежеспособный спрос не стимулирует производство в РФ.

б). Дезинтеграция межрегиональная раскалывает общество: оплата за равный труд в госсекторе разнится между регионами в 10 раз (у учителя в столице и в провинции), госбюджетные ассигнования на москвича в 13 раз выше средних по РФ. Идет откатка молодых из провинции, ускоряющая ее старение и спад демографического потенциала. Глубже становится сельско-городская дезинтеграция: бесконтрольный рост городов обрекает село во многих провинциальных регионах на вымирание. Тают сеть сел и обрабатываемые площади, слабеет продовольственная безопасность страны.

в). Дезинтеграция общественно-политическая: вокруг гражданина теперь нет сети общественно-политических организаций, обеспечивающей его политическое участие, защиту прав, включенность в жизнь страны. Такой сети нет и у элит (кроме бизнес- и чиновничьих кланов), интеллигенции, рабочих. Медиа-ресурсы отталкивают граждан от политического участия.

г). Дезинтеграция идейная и психологическая ведется десятилетиями пятой колонной через медиа-ресурсы: ложь под видом реалий; высмеивание как досуг (КВН, стендапы, Comedy-club и т.п.); самореклама паразитов – «звезд» и рыночных элит; асоциальные смыслы (поедание «звездами» насекомых в *Последнем герое*, подражание им в *Точь в точь*, *Три аккорда*, *Маски-шоу* и т.п.), ложные ценности (культ денег в *Утиных историях* и пр.); дискурсы о всеобщем моральном разложении власти; культ насилия, сытости, безделья, роскоши, моды; образ криминала «с человеческим лицом». Там нет места честному труду, подвижничеству. Образ войны 1941-1945 гг. сведен к жанру *block-buster* (война – приключение, фантазия), стираются ценности, за которые бились народы СССР (*справедливость, равенство, коллективизм*). Ведется быдлоизация населения (Григорьев, 2013): диван, телевизор – и нет Человека, он – марионетка.

Бюрократы вкладывают бюджетные ресурсы в инфраструктурные проекты (которые дают им шансы откатов и коррупции), но не в качество жизни большинства населения. Так, больше высокотехнологичных медицинских центров для тысяч и меньше доступность медпомощи для десятков миллионов. Пресечение дезинтеграции – не в интересах рыночных элит и бюрократии в разных отраслях, лишает их контроля над бюджетными потоками. Пример по теме импортозамещения приводил Андрей Клишас (сенатор СФ ФС, д.ю.н., проф.): «Программа импортозамещения провалена полностью. Ничего нет, кроме браваурных отчетов отраслевых ведомств... Пора уже урезать аппетиты ряда заинтересованных лиц, которые свои личные интересы ставят выше государственных, запуская неактуальные на сегодня проекты» (Клишас, 2022). Некому урезать? Выход – иная кадровая политика и ответственность сверху донизу.

Приоритеты России

1. Отказ от передоверия власти рыночным элитам, не признающим свои ошибки (бюропатологии, кумовство, кадровую чехарду; структурные диспропорции и провальные проекты в экономике, отток капиталов; преступность и коррупцию; техногенные катастрофы; технологическую зависимость), создание условий для системного участия граждан в управлении.

2. Установка на социальную интеграцию, на реальное и разностороннее (не только в выборную кампанию) политическое участие масс, на гармонизацию социальных институтов, на ценность труда и справедливость.

3. Преобразование социально-информационного пространства, ныне оно

дезинтегрирует и дезориентирует общество (*псевдовыбор, дегуманизация, довлеющие коммерческие принципы вопреки социальным целям РФ*), особенно молодежь.

4. Системное предотвращение бюрократологий, научное управление – встраивание науки в выработку решений и их реализацию, экспертизу результатов, кадровую политику, организационное управление, контроль над ресурсами. Отказ от менеджеристской модели управления по «результатам», которые имитируются и заменяются суррогатами, и возвращение к затратному способу финансирования.

5. Кардинальная смена экономической стратегии государства:

5.1. Отказ от рыночных фетишей *роста, экспорта, инвестклимата, уровней инфляции, конкуренции, частной инициативы*, не дающих Обществу и Человеку ничего – в пользу служащей внутренним потребностям оптимальной структуры хозяйства, сбережения ресурсов, производительности труда. Моисей водил свое племя в пустыне 40 лет, и оно переродилось... Сколько нам еще бродить в этой «рыночной реформе»?

5.2. Системное пресечение бюрократологий, делающее бессмысленным и невыгодным бюрократическое злоупотребление служебным положением, возвращение к эффективному государственному регулированию, планированию, учету и контролю.

5.3. Переход от лояльности к сверхдоходам и экономическому расслоению народа, от бюрократической политики пособий – к достойной оплате по труду;

5.4. Приоритет природо- и человеко-ориентированного хозяйства над показателями прибыльности, равное распределение среди граждан доходов от добычи и экспорта природных ресурсов;

5.5. Отказ от монетаризма как кнута в налоговой политике, переход к социально-ориентированному регулированию, критерий которого – соответствие производства внутренним рациональным потребностям населения;

5.6. Отказ от открытости глобальному рынку – ради всесторонней хозяйственной самодостаточности и технологической независимости России как страны – особой цивилизации, с судьбой которой связано выживание Мира;

6. Отказ от консьюмеризма в пользу ресурсосбережения, творческого уклада жизни и разумных потребностей, чему противятся глобальная капиталократия и элиты РФ.

7. Разработка Социальной доктрины РФ и ее публичное принятие. Такая доктрина должна в общей форме служить до сих пор отсутствующим ориентиром научной актуальности для социологов РФ.

8. Признание наличия «пятой колонны» в России, о чем говорил Президент РФ⁶, а по времени относил к началу 1990-х гг. Но «пятая колонна» остается вне внимания социологов в РФ. В ее составе – виртуальные элиты, часть властных и бизнес-элит, бюрократы и кланы интеллигенции, исполнители теневых практик в медиа, во внутренней и внешней политике (Осипов, 2022), блокирующие движение РФ к ее цивилизационным приоритетам. Ее дезинтегрирующее влияние не изучено.

9. Введение механизмов защиты цивилизационных приоритетов России от влияний «пятой колонны», с соответствующей коррекцией законодательства, регулируемых социальных институтов, систем управления.

Выводы

Намеченный Оргкомитетом путь ВСК-7, судя по его Научной программе, говорит о социально-идейном, ценностном размежевании в российской социологии. В этом конгрессе российское социологическое сообщество отвлечено от своей миссии – изучать жизненно важные проблемы, в т. ч. социальные риски для общества, тем более в долговременной ситуации глобального конфликта и военного противостояния, в котором решается судьба Родины. Оно теряет темп в этой миссии, в научном обеспечении эффективного управления общественным развитием. Правомерен вопрос: не

⁶ В. В. Путин: «Запад пытается расколоть российское общество и использовать "пятую колонну"» (URL: <https://ria.ru/20220316/zapad-1778488458.html>); «Мы зря «пятую колонну» гладили по голове...». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6411892> (дата обращения 27.09.2025).

оказывается ли социологическое сообщество России пассивным инструментом в руках «пятой колонны»? Остается открытым и вопрос о позиции другой части российских социологов, которая иначе, чем Оргкомитет ВСК-7 и Президиум РОС оценивает приоритетные проблемы своей страны и своей профессии.

Литература

Алферов, Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства / Ж.И. Алферов. – М.: Родина, 2019. 37 с. [электронный документ] // www.eduspb.com/public/books/classiki/alferov_vlast_bez_mozgov.pdf (дата посещения ресурса 12.03.2025).

Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка. XX Международные Лихачевские научные чтения. – СПб.: СПбГУП, 2022. [электронный документ] // <https://www.lihachev.ru/news/224502/> (дата посещения ресурса 18.03.2025).

Григорьев, С.И. Виталистская социология быдлоизации – основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества / С.И. Григорьев // Ученые записки ЗабГУ. – 2013. – № 4. – С. 27-35.

Клишас, А. Клишас заявил о провале программы импортозамещения в России [электронный документ] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/05/2022/6285f0c79a7947c127bab983> (дата посещения ресурса 28.09.2025).

Осипов, А.М. и др. Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании: коллективная монография. – Великий Новгород: Виконт, 2020. – 351 с.

Осипов, А.М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании / А.М. Осипов // Вестник РУДН. Социология. – 2020. – № 4. – С. 953-966.

Осипов, А.М. К теории образовательной политики / А.М. Осипов // Социологические исследования. – 2022. – № 2. – С. 23-33.

Осипов, А.М. Post-scriptum к рецензии на учебник социологии образования / А.М. Осипов // Caucasian Science Bridge. – 2024. – Т. 7. – № 4 (26). – С. 124-125.

Садовничий, В.А. (ред.) Образование, которое мы можем потерять: сборник статей. – М.: МГУ, 2003. – 368 с.

Сведения о доходах ... членов Правительства ... РФ за 2021 г. [электронный документ] // URL: <http://government.ru/news/45170> (дата посещения ресурса 28.09.2025).

Субетто, А.И. Капиталократия и глобальный империализм: монография. – СПб.: Астерион, 2009. – 979 с.

Хомский, Н. Кто правит миром: монография – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 416 с.

Reference

Alferov Zh.I. Power without Brains. Separation of Science from the State / Zh.I. Alferov. Moscow: Rodina, 2019. 37 p. [electronic document] // www.eduspb.com/public/books/classiki/alferov_vlast_bez_mozgov.pdf (date of access to the resource on March 12, 2025). (In Russ.)

Global Conflict and the Contours of the New World Order. XX International Likhachev Scientific Readings. St. Petersburg: SPbGUP, 2022. [electronic document] // <https://www.lihachev.ru/news/224502/> (date of access to the resource on March 18, 2025). (In Russ.)

Grigoriev S.I. Vitalist Sociology of Bydloization – the Basis of Scientific Support for Overcoming the Crisis Development of Modern Russian Society. Uchenye zapiski ZaBGU = *Scientific Notes of ZabGU*. 2013;4:27-35. (In Russ.)

Klishas A. Klishas declared the failure of the import substitution program in Russia [electronic document] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/05/2022/6285f0c79a7947c127bab983> (date of access to the resource on September 28, 2025). (In Russ.)

Osipov A.M. et al. School in the abyss of paper: the crisis of information flows in education: a collective monograph. – Veliky Novgorod: Viscount, 2020. – 351 p. (In Russ.)

Osipov A.M. Bureaupathology and paper pressure in Russian education. *Bulletin of RUDN University. Sociology*. 2020;4:953-966. (In Russ.)

Osipov A.M. Toward a Theory of Educational Policy. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2022;2:23-33. (In Russ.)

Osipov A.M. Postscriptum to a Review of a Textbook on the Sociology of Education. *Caucasian Science Bridge*. 2024; 7(4):124-125. (In Russ.)

Sadovnichy V.A. (ed.) The Education We Can Lose: A Collection of Articles. - Moscow: Moscow State

University, 2003. - 368 p. (In Russ.)

Information on the Incomes of ... Members of the Government ... of the Russian Federation for 2021 [electronic document] // URL: <http://government.ru/news/45170> (date of access to the resource 09/28/2025). (In Russ.)

Subetto A.I. Capitalocracy and Global Imperialism: A Monograph. St. Petersburg: Asterion, 2009, 979 p. (In Russ.)

Chomsky N. Who Rules the World: Monograph. Moscow: RIPOL Classic, 2019, 416 p. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 19.08 2025

Дата окончания рецензирования: 20.09.2025

Дата принятия к публикации: 21.09.2025

Информация об авторах

Осипов Александр Михайлович – доктор социологических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), Великий Новгород, Россия; e-mail: osipov.al58@gmail.com

Скоробогатько Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры политологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: skorobogatkoav@mail.ru

Ковалёв Виталий Владимирович – профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: vitkovalev@yandex.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Osipov Alexander Mikhailovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Academician of the Petrovskaya Academy of Sciences and Arts (PANI), Veliky Novgorod, Russia; e-mail: osipov.al58@gmail.com

Skorobogatko Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Political Science at the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia; e-mail: skorobogatkoav@mail.ru

Vitaly Vladimirovich Kovalev – Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: vitkovalev@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.4.6. Социология культуры (социологические науки);

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «**Caucasian Science Bridge**» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

Требования к публикациям для авторов журнала

«Caucasian Science Bridge»

(редакция от 31.07.2024)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 п. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант

написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.
Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются вне), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц и рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор

может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a, b, c* (*a, b, c*), выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*b*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещает в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. *На все источники в тексте должны быть даны ссылки.*

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хо-рошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество автор-ских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов

литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. *Важно*: все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в *списке литературы* размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и датудоступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту BGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNA.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRВ. **Четыре автора:**

Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memogram. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис..... канд. социол. наук / Беспалова Анна

Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: автореф. дис..... канд. социол. наук / Беспалова

Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQHBVB.

Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.

Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES

Книги, статьи

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTASRAS. Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.).

Диссертация, автореферат диссертации

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p. Издание под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference*. St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название

статья Иван

И. Иванов¹,

¹ Университет, город, страна, e-mail

Петр П. Петров²

² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ

СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ

СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ

СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить

заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статей в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редакцией решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.